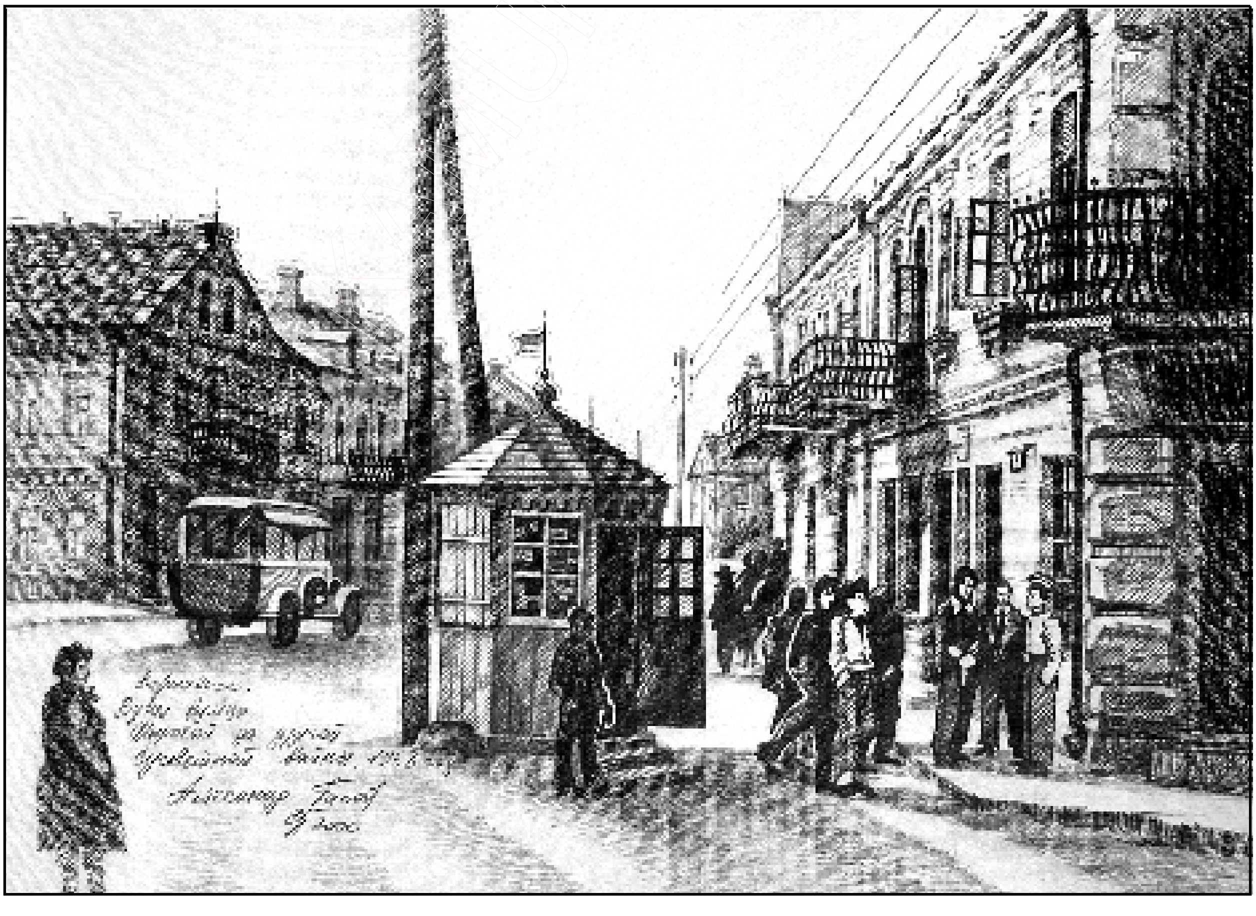
Ваўкавышчына

Краязнаўчы часопіс

№ 4 2007 г.



Змест часопіса

1. Аляксей Шаланда. Сапраўдны гербоўнік шляхты Ваўкавыскага павета ВКЛ у 16-18 ст. 1
2. Мікалай Быхаўцаў. Гадавая справаздача па гораду Ваўкавыску за 1845 год........................8
3. Николай Быховцев. Постановления волковысской городской Думы за 1891 год..............12
4. Вітальд Карпыза. Воўпа...20
5. Воўпа ў датах 15-16 ст. ст...24
6. Вітальд Карпыза. Дзіцячыя гады на роднай зямлі.. 25
7. Николай Быховцев. Волковыск межвоенный: торговля..32
8. Николай Быховцев. Семь суток войны...45
9. Кніга Валыняка "З мінулага Ваўкавыскага павета" 59
10.Узвядзенне крыжа ў Ваўкавыску...60

Рэдактар Мікалай Быхаўцаў
Надрукавана на абсталяванні сяброў
Наклад 200 паасобнікаў

Распаўсюджваецца бясплатна на правах унутранай дакумэнтацыі грамадскай арганізацыі, якая спрычынілась дзеля яго выдання: Ваўкавыскай раенай арганізацыі ТБМ (Таварыства беларускай мовы) імя Ф. Скарыны.

Аўтары цалкам нясуць адказнасць за дакладнасць сваіх матэрыялаў. Пры перадруку артыкулаў альбо іх часткі спасылка на часопіс і аўтара артыкула абавязкова.

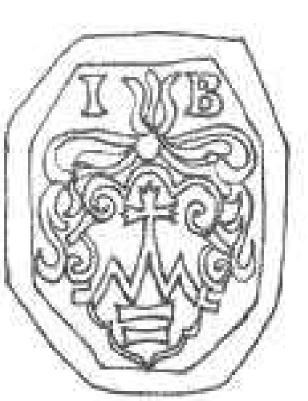
Адрас для кантактаў:
Ваўкавыск-231900, п/с № 38, Быхаўцаву Мікалаю.
Электронны адрас: byhaucau@tut.by

На першай старонцы вокладкі вуліца Шырокая ў 1938 г. (сучасная Леніна) Знішчана ў пачатку вайны 1941 г. Малюнак Аляксандра Папова

Сапраўдны гербоўнік шляхты Ваўкавыскага павета ВКЛ у XVI–XVIII ст.

Аляксей Шаланда

Працяг. Пачатак у № 1-3.



(23). Бака Іван, шляхціч Ваўкавыскага павета, 1573.

Герб: на картушовай тарчы клейнавы знак у выглядзе доўгага простага крыжа з разшчэпленымі на тры промні канцамі, раздзёртага ў крокву, канцы якой заламаныя па разу ўверх і ўніз, пад знакам два ўрубы, над тарчай гелм без кароны, у кляйноце два рогі з пяром паміж імі, вакол тарчы намёт, па баках кляйнота ініцыялы: "*I[wan] B[aka]*".

Пячатка: адб.№2, нак, 14х16 мм, в [9, ф.1664, воп.1, спр.604, а.3].

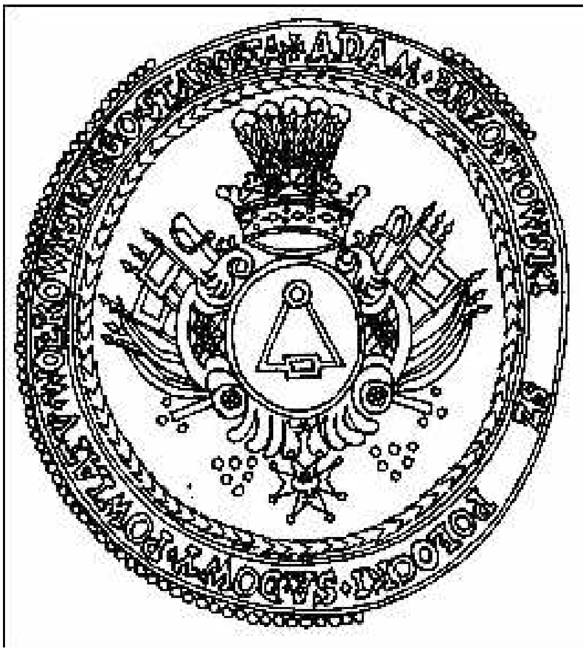
10 сакавіка 1573 г. у Свіслачы Іван Бака, як сведка і пячатар прыклаў сваю пячатку да застаўнага ліста ***Яна Хадкевіча***, графа на Шклове і Мышы, старосты жамойцкага, найвысшага маршалка ВКЛ, адміністратара і гетмана Інфлянцкай зямлі, старосты ковенскага і дзяржаўцы платэльскага і цяльшоўскага.

Род Бакаў паходзіў са Смаленскай зямлі або, паводле В.Каяловіча, "*з Северичыны*" [3, s.171]. У Ваўкавыскім павеце з'явіліся ў першай палове XVI ст. – у 1520 г. намеснікам ваўкавыскім старосты Яна Глябовіча быў Астафі Матвеявіч Бака [27, Т.1, s.82]. Па попісу войска ВКЛ 1528 г. сярод ваўкавыскіх баяраў 3 кані ставіў яго брат Фёдар Матвеявіч Бака [16, с.96]. У 1540 г. ён згадваецца як дзяржаўца магілёўскі, жонкай жа Фёдара была Таміла Андрэяўна Лазчанка [27, Т.1, s.82]. Валоданні Бакаў у Ваўкавыскім павеце падае попіс 1567 г. Паводле яго пан Грыгоры Бака, ротмістр ЯКМ валодаў Лапеніцай, Свіслаччу і Ясенавіцамі [31, с.62]. Быў гэта адзін з ротмістраў пра якіх В.Каяловіч пісаў: "*Bakowie dway rotm. KIM. za Zygmunta Augusta, mężowie dzielni y odważni*" [3, s.171].

Другім быў Іван Бака. Відаць, пра яго пісаў у сваім "*Дыярыюшы*" Фёдар Еўлашоўскі ў 1579 г.: "*...былэм при велким жалю и фрасунку у пана Ивана Баки у Осташине именю его, где му умарла малжонка Александра княжна Крошинская... Яко ж взял потом тетку ее, ктора первей была за Тугановским и Подаровским, Татьяну Скумину, далеко юж розну от тэй першэй, хоть сестреницы е, наддэр скупую, ктора до зэбраня пенезей му помогла*" [43, с.44]. В.Каяловіч называе Івана "*дзедзічам на Магільне*" [3,s.171]. І Асташын, і Магільна ляжалі ў Наваградскім павеце, аднак, знаходжанне Івана Бакі ў 1573 г. у Свіслачы можа сведчыць пра нейкія яго ўладанні ў Ваўкавыскім павеце. Негледзячы на тое што Іван быў вядомай постаццю свайго часу і нават трапіў у вершы славутага паэта ВКЛ канца XVI–пачатку XVII ст. Яна Бенядыкта Пратасевіча [3, s.172], не вядома ці пакінуў ён нашчадкаў.

Герб Івана Бакі сведчыць аб памылцы, якую зрабіў В.Каяловіч, прыпісаўшы род Бакаў да аднаго гербу з князямі Масальскімі [3, s.171]. К.Нясецкі ў сваім гербоўніку паўтарыў тое

ж самае [4, Т.2, s.43]. На самой жа справе Бакі карысталіся ўласнымі гербамі. Пра гэта сведчыць і герб Яна Бакі (сына Грыгора? [26, T.I, s.71]), падстаросты ўпіцкага з пячаткі 1581 г., якую змясцілі В.Вітыг і С.Дзядулевіч: *на тарчы клейнавы знак накшталт літары "М", з якой выходзіць доўгі і просты крыж, пад знакам шасціпраменная зорка* [10, s.23]. Ён сапраўды быў падобны на герб князёў Масальскіх, але адрозніваўся ад яго зоркай. Аднак, нельга выключыць магчымасці таго, што Бакі падганялі свой герб пад герб князёў Масальскіх, падкрэсліваючы агульнае з імі паходжанне з Севершчыны [26, T.I, s.70] і нават намякаючы на прыналежнасць да аднаго роду: "*baka Massalski herbu Massalskich*" [56, s.15].



(24). Бжастоўскі Адам, каштэлян полацкі,староста судовы ваўкавыскі, сакалоўскі і мсцібаўскі, кавалер ордэну Белага Арла, 1768.

Герб: на авальнай картушовай тарчы стрэмя, над тарчай шляхецкая карона, у кляйноцепяць пёраў стравуса ("Стрэмя"), вакол тарчы арматура з шабляў, дзідаў, штандараў, сцягоў, гарматаў і куляў, пад тарчай вісіць ордэн Белага Арла, надпіс у атоку: *"+ ADAM . BRZOSTOWSKI [KA]SZ[TELAN] POLOCKI . SADOWY . POWIATV . WOLKOWYSKIEGO . STAROSTA*".

Пячатка: адб., адв.пк, Ш 65 мм, д [9, ф.1664, воп.1, спр.188, а.8;спр.677, а.4 (1767); спр.596, а.48 (1769)].

Пячатка была прыкладзена да выпісу з кніг гродскіх Ваўкавыскага павета ад 20 мая 1768 г. з выракам справы паміж Янам Быхаўцам, маршалкам Ваўкавыскага павету і Крыстынай з Сапегаў Масальскай, падчашынай ВКЛ, а таксама з жыдамі Моселям Шломавічам, палонскім арандатарам і Шыманам Іцковічам, шчытненскім арандатарам па доўгу ў суме 33 600 злотых польскіх. Суд гродскі Ваўкавыскага павету ў складзе: ***Антоні Феліцыян Талочка***, падстароста, ***Ігнат Будкевіч***, ***Ануфры Дзяконьскі*** – суддзі, ***Антоні Сухадольскі***, пісар прысудзілі Яну Быхаўцу фальварак Палонск Ваўкавыскага павета, які належаў да Ражанскага графства Крыстыны з Сапегаў Масальскай, а таксама штраф і абвясцілі на яе і на жыдоў баніцыю.

Паводле В.Каяловіча, род Бжастоўскіх гербу "Стрэмя" паходзіў з Плоцкага ваяводства Польшчы (Мазовія) і першым у ВКЛ у канцы XVI ст. перасяліўся Крыштаф, які пакінуў дзвух сыноў: Яна і Лукаша [3, s.297]. Аднак, К.Нясецкі выводзіў іх з Кракаўскага ваяводства, а першым, паводле яго, з Саноцкай зямлі ў ВКЛ перанёсся сын Крыштафа – Ян Бжастоўскі, палкоўнік ЯКМ († 1638 г.) [4, Т.2, s.335]. З ім пагадзіўся А.Банецкі, які, тым не меньш, родавым гняздом Бжастоўскіх называе Бжастова ў Сандамірскім павеце [27, Т.2, s.191].

Род Бжастоўскіх у Ваўкавыскім павеце вядомы з XVIII ст. Адам Бжастоўскі паходзіў з лініі, якая ішла ад унука Цыпрыяна Паўла Янавіча († 1688 г.) – Канстанціна Бенядыкта (*1682 г., † 1722 г.), які быў яго бацькам. Маці яго была Тэрэса Война Ясянецкая, старасцянка браслаўская. Вучыўся Адам у Віленскім піярскім калегіюме. У 1741 г. ён згадваецца як падкаморы ЯКМ, староста даўгоўскі і пералайскі, у 1748 г. – генерал-маёр кавалерыі, а ў 1751 г. – генерал-лейценант інфантэрыі войскаў ВКЛ, у 1758 г. – маршалак Трыбуналу Галоўнага ВКЛ, каштэлян полацкі, староста мсцібаўскі, маладкоўскі, даўгоўскі і сакалоўскі, кавалер Ордэну Белага Арла. Паводле характарыстыкі С.Урускага, быў Адам "*prawości nieposzlakowanej, lecz charakteru slabego*". У 1763 г. ён, як камісар ЯКМ, супакойваў канфлікт паміж групоўкамі Чартарыйскіх і Радзівілаў, у 1764 г. належаў да т.зв. "*патрыятычнай*" партыі, у 1766 г. – староста сакалоўскі, здзітаўскі і мсцібаўскі. Ваўкавыскім судовым старостай

Адам Бжастоўскі быў у 1766–1773 г. [6, Кн.II, с.343: памылкова 1766–1779 г.]. У 1776 г. ён пакінуў пасаду полацкага каштэляна. З жонкай княжной Генавэфай Агінскай, ваявадзянкай троцкай, меў чатырох сыноў: Яна, Міхала, ***Аляксандра*** і Ксаверыя [26, T.II, s.37; 27, T.2, s.192; 45, T.I, s.27].

(25). Бжастоўскі Аляксандр, староста судовы ваўкавыскі і сакалоўскі, 1777.

Герб: на авальнай картушовай тарчы, у чырвоным полі (вертыкальная штрыхоўка) срэбнае стрэмя з маленькай куляй унутры, над тарчай графская карона з пяццю пэрлінамі, у кляйноце пяць пёраў страўса ("Стрэмя" зменены), вакол тарчы арматура з шабляў, шпадаў, дзідаў, штандараў, сцягоў, гарматаў, куляў і бубнаў, надпісу атоку: " *:ALEXANDER: BRZOSTOWSKI : SADOWY. WOLKOWYSKI° SOKOLO[WSKI]. STAROST[A]*".

Пячатка: адб. н/п, .55 мм, в [21, КП 9217, а.1; 9, ф.1664, воп.1, спр.451, а.1 (1774); спр.465, а.1, 12 ("*pod Pieczecia Grodzka Powiatu Wolkowyskiego*" 1775); спр.462, а.4 (1778)].

Пячатка была прыкладзена да выпісу з кніг гродскіх Ваўкавыскага павета ад 3 кастрычніка 1777 г. з рэляцыйным квітом генерала ЯКМ Гарадзенскага павета Якуба Кулікоўскага па справе Тадэвуша і Канстанцыі з Эйсымонтаў Сезянеўскіх з Янам Яскольдам, генералам ЯКМ ваўкавыскім і шляхтай ваколіцы Міткевічы таго ж Ваўкавыскага павета: Францішкам Сезянеўскім, Станіславам Ядкоўскім, Андрэям Тачыцкім, Юзафам бацькам і Юрыям сынам Сямашкамі.

Аляксандр Бжастоўскі, сын Адама і Генавэфы з князёў Агінскіх, ужо ў 1774 г. – староста ваўкавыскі і сакалоўскі, у 1776 г. – пасол на сойм, удзельнік чатырохгадовага сойму (1788–1792 г.), кавалер ордэнаў Святога Станіслава (1782 г.) і Белага Арла (1791 г.), у 1791–1795 г. – апошні каштэлян мазавецкі. Быў верным прыхільнікам караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай 5 чэрвеня 1798 г. разам з родным братам Ксаверыям атрымаў ад прускага караля Фрыдрыха Вільгельма III тытул графа і змены ў герб: *на авальнай тарчы з залатым краем у чырвоным полі срэбны трохкутнік, праз вяршыню і падставу якога прадзетыя два залатыя колцы, над тарчай графская карона, у кляйноце пяць пёраў страўса, на пастаменце – тарчатрымальнікі ў выглядзе двух волатаў з вянкамі на галавах і бёдрах, якія абапіраюцца на дубіны* [6, Кн.II, с.344; 26, T.II, s.38; 27, T.2, s.192; 45, T.I, s.33–34; 46, Ч.1, с.8]. Аднак, як вынікае з герба на пячатцы Аляксандра Бжастоўскага, графскую карону ён стаў выкарыстоўваць значна раней. Магчыма, гэта было выклікана тым, што яшчэ родны брат прапрадзеда Аляксандра – віленскі біскуп ксёндз Канстанцін Казімер Бжастоўскі († 1722 г.) атрымаў ад Папы Інакенція XI (1691–1700 г.) тытул графа "*państwa Rzymskiego*" ці "*św. państwa kościelnego*" [26, T.II, s.37; 47, s.15]. Такім чынам, Аляксандр Бжастоўскі карыстаўся гербам "Стрэмя" зменены. Класічны варыянт, паводле Б.Папроцкага, выглядаў так: *у чырвоным полі жоўтае стрэмя, у кляйноце пяць пёраў страўса* [1, s.298].

З жонкай Ганнай Вадзіньскай, падсталянкай ліўскай Аляксандр пакінуў сына Міхала [26, T.II, s.38; 27, T.2, s.193].

(26). Будкевіч Ігнат, суддзя гродскі і канюшы Ваўкавыскага павета, 1767.

Гербы: на правай авальнай тарчы месяц рагамі дагары, з шасціпраменнымі зоркамі на іх, паміж імі страла з пёрамі вастрыём уверх ("Сас" зменены); на левай таксама авальнай тарчы падкова канцамі ўніз, пад якую падкладзена булава навершам угору, да яе з левага боку тарчы нахілена наўскос дзвухрогавая харугва, над тарчамі шляхецкая карона, у

кляйноце тры пёры стравуса, прашытыя стралой, тарчы ляжаць на княжацкім плашчы.

Пячатка: адб. № 2, чрв/с, 15х16 мм, д [9, ф.1664, воп.1, спр.485, а.9 адв.].

19 снежня 1767 г. у Манцяках Ігнат Будкевіч, суддзя гродскі ваўкавыскі і ***Антоні Феліцыян Талочка***, падстароста судовы ваўкавыскі засведчылі "*Пункты для верыфікацыі за Дэкрэтам Гродскім Ваўкавыскім*" Уладзіслава Тадэвуша Аўсянага, вайсковіча ваўкавыскага па судовай справе супраць яго маці Схалястыкі з Ваньковічаў Аўсянай, войскай ваўкавыскай. Падпісаўся: "*JBudkiewicz SGrWolko*".

В.Каяловіч пра такі род не згадвае. К.Нясецкі ведаў Будкевічаў гербу "Траска" [4, Т.2, s.352]. З такім гербам выводзілі ў XVIII ст. сваё шляхецтва Буткевічы ў Віцебскім ваяводстве [51, s.13]. Да гэтага ж гербу прыпісалі і Ігната Будкевіча, суддзю гродскага і канюшага (1767 г.), пасля – суддзю земскага (1773–1778 г.) ваўкавыскага[1] [4, Т.2, s.352; 26, T.II, s.60; 27, Т.2, s.225]. Як бачым, памылкова. Ігнат карыстаўся гербам "Сас" з той адметнасцю, што страла ў кляйноце скіравана была ўправа, а не ўлева [37, s.139]. Побач змешчаны герб уласны невядомай яго жонкі. Княжацкі плашч наўрад ці сведчыў аб нейкіх прэтэнзіях на тытул, а быў, хутчэй за ўсё, праявай гербавага "*ліцьвінскага*" сепаратызму ў Рэчы Паспалітай [52, с.45].

Род Будкевічаў *vel* Буткевічаў паходзіў з Жамойці [27, Т.2, s.263]. У Ваўкавыскім павеце ён з'яўляецца ў першай палове XVII ст. – у 1621 г. на выправу ў Інфлянты разам з саўдзельнікамі ставіў каня па-казацку Войцех Буткевіч [42, с.48]. У 1655 г. склаў прысягу маскоўскаму цару: "*Якуб Балтромеев сын Буткеевичь*" [18, с.76]. У 1690 г. 3 дымы ў Ясколдаве Андрушкевічах меў Мікалай Буткевіч, 2 дымамі ў Пацуяве валодалі Юры і Аляксандр Буткевічы, па 1 дыму ў маёнтку Ясколдаў мелі Сыльвестар, Барталамей, Стэфан, Міхал Будкевічы і Францішак Буткевіч [19, s.195–196]. У XVIII ст. шматлікія Будкевічы займаюць у Ваўкавыскім павеце пасады лоўчых, мастаўнічых і будаўнічых [4, Т.2, s.352; 26, T.II, s.60; 27, Т.2, s.225].

Агульнае паходжанне Будкевічаў і Пуслоўскіх ад жамойцкага баярына Сурыята, а таксама тое, што Пуслоўскія карысталіся ўласным клейнавым гербам "Шаліга" зменены: "*miasto krzyża kladą dwa krzyże y strzalę z polowicą żelezca*" [3, s.306; 53, s.17], дазваляе меркаваць аб узнікненні "Саса" Ігната Будкевіча ў выніку паланізацыі яго родавага клейнавага герба. Тое ж датычыць і "Траскі" віцебскіх Буткевічаў. У выніку атрымалася, што розныя галіны аднаго роду карысталіся рознымі польскімі гербамі. У дадатак П.Малахоўскі згадваў яшчэ нейкіх Буткевічаў гербу "Ястрабец" [56, s.62].

(27). Булгарын Павел, канюшы і сурагатар гродскі Ваўкавыскага павета, 1763.

Герб: на авальным картушы меч вастрыём уніз, які прабіў два месяцы рагамі адзін да аднаго, над тарчай шляхецкая карона.

Пячатка: адб., адв.пк, 38х45 мм, к [9, ф.1664, воп.1, спр.817, а.2 ("*pod pieczęcią Grodzką Surrogatorską Wolkowyską*"), 4 адв. (1763)].

Герб Паўла Булгарына быў змешчаны на гродскай сурагатарскай пячатцы Ваўкавыскага павета, якая цалкам выглядала так: у цэнтры на авальнай тарчы літара "*M*", з якой выходзіць угору просты крыж, пад ёй тры ўрубы (герб "Масальскі" зменены), пад ім – герб канюшага і сурагатара, над тарчай верхняга герба – княжацкая мітра, абодва гербы ляжаць на княжацкім плашчы, надпіс у атоку захаваўся часткова: "** PIECZEC C GRODZKA*

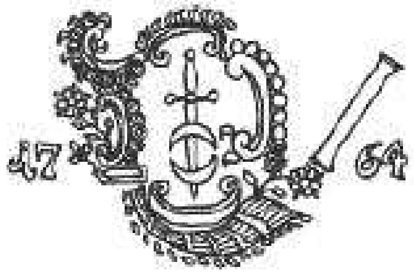
....

1. У вядомых нам крыніцах апошні раз Ігнат Будкевіч згадваецца 7 кастрычніка 1782 г., калі ён замяняў у ваўкавыскім земскім судзе пісара ***Міхала Булгарына*** [9, ф.1664, воп.1, спр.654, а.1 адв.].

... *POWIAT[U] [WOL]KOWYSKIEGO ... RV.1738.*”. Яна была прыкладзена да выпісу з ваўкавыскіх кніг гродскіх сурагатарскіх ад 30 красавіка 1763 г. з рэляцыйным квітом генерала ЯКМ Ваўкавыскага павета Юзафа Агільбы па справе Яна Быхаўца, ваўкавыскага земскага суддзіча з Міхалам з Канопніцаў Грабоўскім, шамбеланам ЯКМ і палкоўнікам Лейб Рэгіменту ЯКМ войскаў ВКЛ.

Род Булгарынаў гербу ўласнага паходзіў з Віцебскай зямлі – у 1511 г. згадваецца віцебскі баярын Юхно Булгарыновіч[2] [27, Т.2, s.249]. У Ваўкавыскім павеце – з канца XVII ст.: у 1690 г. Павел Булгарын, падчашы парнаўскі (ад 1685 г.), потым падчашы ваўкавыскі (1698 г.) валодаў застаўным маёнткам Сакольнікі ў 14 дымоў з млынам († пасля 1698 г.) [19, s.186].

Звесткі пра Паўла Булгарына, канюшага і сурагатара Ваўкавыскага павета сціплыя. Не вядома хто быў яго бацькам. Магчыма, згаданы вышэй падчашы парнаўскі. Сам ён у 1761 г. быў ваўкавыскім крайчым і паслом на сойм са Смаленскага ваяводства, а ў 1764 г. – каптуровым маршалкам і паслом на элекцыйны сойм з Інфлянцкага ваяводства [4, Т.10, Dodatek, s.58]. А.Банецкі ўдакладніў, што Павел у 1764 г. быў яшчэ і канюшым ваўкавыскім [27, Т.2, s.250]. Як бачым, апошнюю пасаду ён займаў ужо ў 1763 г. Звяртае ўвагу тое, што пячатка, вырабленая аж у 1738 г., была выкарыстана праз 25 гадоў. Больш таго, яна падобная на гродскую пячатку Ваўкавыскага павета з таго ж 1738 г., на якой замест герба П.Булгарына быў герб ***Уладзіслава Тадэвуша Быхаўца***, ваўкавыскага судовага падстаросты (гл. ніжэй). Выглядае на тое, што П.Булгарын таксама прэтэндаваў у тым годзе на гэтую пасаду. У 1759–1765 г. ён – рэгент скарбовы ВКЛ, пакінуў сына Яўхіма [26,Т. II, s.83; 27, Т.2, s.250].



(27а). Ён жа, маршалак каптуровы і канюшы Ваўкавыскага павета, рэгент скарбовы ВКЛ, 1764.

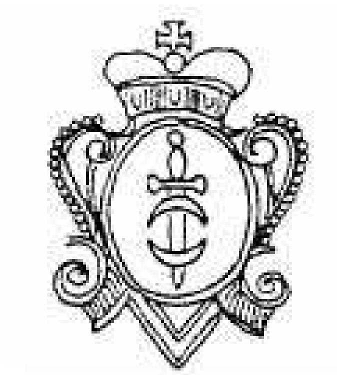
Герб: на раслінным картушы меч вастрыём уніз, які прабіў два месяцы рагамі адзін да аднаго, справа першыя дзве лічбы даты: “*17*”, злева маршалкоўская ляска злева направа наўскос, пад ёй апошнія дзве лічбы даты – “*64*”.

Пячатка: адб., пк, 56х65 мм, д [9, ф.1664, воп.1, спр.817, а.8 адв.; спр.546, а.1 адв. (“*pod pieczęcią Kaptur[owa] Wolkowyską*” 1764)].

Герб Паўла Булгарына быў змешчаны на каптуровай пячатцы Ваўкавыскага павета, якая цалкам выглядала так: у цэнтры на авальнай картушовай тарчы “Пагоня” пад княжацкай мітрай, пад ёй – герб каптуровага маршалка, картушы ляжаць на княжацкім плашчы, надпіс у атоку захаваўся часткова: “*+ [PAWE]L . BVLHARYN . MARSZALEK KAPTVROWY . Y KONIVSZY. PTTV. WOLKOW. REGET . S . WXL*”. Яна была прыкладзена да выпісу з кніг каптуровых Ваўкавыскага павета ад 10 сакавіка 1764 г. з рэляцыйным квітом генерала ЯКМ таго ж павета Юзафа Агільбы па справе Яна Быхаўца, суддзі гродскага ваўкавыскага з Міхалам Грыгорам з Канопніцаў Грабоўскім, шамбеланам і палкоўнікам Лейб Рэгіменту ЯКМ войскаў ВКЛ.

....

2. Н.Якавенка палічыла гэты род за валынскі (украінскі) [55, с.57]. Сапраўды, на Валыні на маёнтку Рамейкавічы ў 1543 і 1546 г. згадваюцца браты Стэфан і Грыгоры Раманавічы Булгарыны [27, Т.2, s.249], але з’явіліся яны там як перасяленцы з беларускіх зямель ВКЛ. У сваю чаргу, ў XVIII–XIX ст. у родзе існавалі тры версіі аб паходжанні: ад збеглага яшчэ ў XV ст. ад турак у ВКЛ балгарына ці булгарына (адсюль прозвішча), ад татараў, аселых у ВКЛ, і нават ад албанскага нацыянальнага героя Георгія Скандэрбега: “*niektórzy ... brali przydomek Skanderbek*” [26, Т.II, s.82]. Помнік беларускай перакладной літаратуры “*Аповесць пра Скандэрбега*” карыстаўся асаблівай папулярнасцю ў ВКЛ у другой палове XVI–пачатку XVII ст. [6, Т.1, с.139]. Магчыма, згаданая крыніца, а таксама імкненне растлумачыць сваё прозвішча, паслужылі Булгарынам для стварэння сваёй радаводнай легенды.



(28). Булгарын Міхал, пісар земскі Ваўкавыскага павета,1778.

Герб: на авальным картушы меч вастрыём уніз, які прабіў два месяцы рагамі адзін да аднаго, над тарчай княжацкая мітра.

Пячатка: адб.нп, .62 мм, д [21, КП 8732/7, а.1; 9, ф.1664, воп.1, спр.654, а.4 (1782); спр.79, а.4 (1785)].

Герб Міхала Булгарына быў змешчаны на ўрадавай земскай пячатцы Ваўкавыскага павета, якая цалкам выглядала так: у цэнтры герб "Пагоня" пад княжацкай мітрай, пад ёй герб земскага пісара, надпіс у атоку: *"+ PIECZENC : ZIEMSKA .:. POWIATV .:. WOLKOWYSKIEGO .:. R . 1 . 7 . 6 . 8 . MAIA : 6 . DNIA*" [9, ф.1664, воп.1, спр.79, а.4]. Яна была прыціснута да выпісу з кніг земскіх Ваўкавыскага павета ад 8 ліпеня 1778 г. з рэляцыйным квітом генерала ЯКМ Гарадзенскага павета Якуба Кулікоўскага па справе Тадэвуша і Канстанцыі з Эйсымонтаў Сезянеўскіх са шляхтай ваколіцы Міткевічы ў Ваўкавыскім павеце Станіславам Ядкоўскім, Андрэям Тачыцкім і Юрыям Сямашкам[3].

Дзедам Міхала быў Тамаш Булгарын, які ў 1697 г. падпісаў ад Наваградскага ваяводства элекцыю караля польскага і вялікага князя літоўскага Аўгуста II Саса. З жонкай Ганнай Ельскай Тамаш пакінуў сына Юзафа, які меў дзвух сыноў: Яна і згаданага Міхала [26, T.II, s.82; 27, T.2, s.250; 31, c.115].

Міхал Булгарын, пісар земскі ваўкавыскі (1766–1783 г.), дэпутат на Галоўны Трыбунал ВКЛ у Вільні (1766 г.), камісар да камісіі скарбовай ВКЛ (1777 г.), паўторна дэпутат на Трыбунал (1779 г.), пасол на сойм 1773–1775 г. і з яго – дэпутат на перамовах з Расіяй, Прусіяй і Аўстрыяй па I падзелу Рэчы Паспалітай, а таксама распарадчык фундушаў скасаванага Ордэну Езуітаў, "*dostal w nagrodę zaslug prawem emfiteutycznem*" Ялоўскае староства (1775 г.), сябра Сталай Рады пры каралі польскім і вялікім князі літоўскім Станіславе Аўгусце Панятоўскім (1775 г.), яго гарачы прыхільнік, ваўкавыскі пасол на чатырохгадовы сойм (1788 г.) [4, T.10, Dodatek, s.58; 26, T.II, s.82–83; 27, T.2, s.250]. З жонкай Казімерай Ельскай меў сыноў: Юзафа (у 1792– 1795 г. падстолія ваўкавыскага), Марціна, Станіслава і Калікста [4, T.10, Dodatek, s.58; 26, T.II, s.83; 31, c.115].

Уласны герб Булгарынаў А.Банецкі і С.Урускі называлі "Булат" і апісвалі так: *на тарчы з залатым краем, у блакітным полі меч з залатой рукаяццю вастрыём уніз, на ім два залатыя месяцы рагамі да сябе, над тарчай шляхецкая карона* [26, T.II, s.82; 27, T.2, s.249; 46, Ч.1, c.109]. У кляйноце павінны былі быць пёры стравуса, як у гербе Васіля Балгарына з пячаткі 1602 г. [5, c.96, № 237]. Міхал Булгарын ужываў у сваім гербе княжацкую мітру. Апошняя або сведчыла аб яго прэтэнзіях на тытул, або з'яўлялася праявай гербавага "*ліцьвінскага*" сепаратызму [52, c.45]. Дата на земскай ваўкавыскай пячатцы сведчыла аб часе яе вырабу.

....

3. Род жамойцкага паходжання гербу "*Лебедзь*". З валынскімі Сямашкамі іх звязвала толькі прозвішча [57, c.32]. Уласны герб Булгарынаў А.Банецкі і С.Урускі называлі "Булат" і апісвалі так: *на тарчы з залатым краем, у блакітным полі меч з залатой рукаяццю вастрыём уніз, на ім два залатыя месяцы рагамі да сябе, над тарчай шляхецкая карона* [26, T.II, s.82; 27, T.2, s.249; 46, Ч.1, c.109]. У кляйноце павінны былі быць пёры стравуса, як у гербе Васіля Балгарына з пячаткі 1602 г. [5,c.96, № 237]. Міхал Булгарын ужываў у сваім гербе княжацкую мітру. Апошняя або сведчыла аб яго прэтэнзіях на тытул, або з'яўлялася праявай гербавага "*ліцьвінскага*" сепаратызму [52, c.45]. Дата на земскай ваўкавыскай пячатцы сведчыла аб часе яе вырабу.

Літаратура і крыніцы:

1. Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego 1584.– Kraków, 1858.– 964 s.
2. Okolski S. Orbis Polonus.– Cracoviae, 1640–1645.– T.1–3.
3. Kojałowicz Wijuk W. Herbarz rycerstwa W.X.Litewskiego tak zwany Compendium.– Kraków, 1897.– 527 s.
4. Niesiecki K. Herbarz polski.– Lipsk, 1839–1846.– T.1–10.
5. Цітоў А. Пячаткі старажытнай Беларусі: Нарысы сфрагістыкі.– Мн.: Полымя, 1993.– 239 с.

6. ЭГБ.– Мн.: БелЭн, 1993–2003.– Т.1–6.
7. Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства... М., 1892.
8. Biblioteka Narodowa w Warszawie, Rps. BN III, 9100.
9. НГАБу Горадні.
10. Wittyg W., Dziadulewicz S. Nieznana szlachta polska i jej herby.– Kraków, 1908.– 436 s.
11. Rachuba A. W sprawie nieznanych Wittygowi nazwisk i herbów szlacheckich.// Heraldyka i okolice./ Red. A.Rachuba, S.Górzyński, H.Manikowska.– Warszawa, 2002.– S.143–154.
12. Puzyna J. Niektóre pieczęcie litewskie z XVI i XVII w.// Magazyn heraldyczny.– Warszawa, 1933.– R.XII.– Nr4.– S.55–58
13. Akta Unii Polski z Litwą 1385–1791 / Wyd. S.Kutrzeba, W.Semkowicz.– Kraków, 1932.– 570s.
14. Шаланда А. Гербы і род Адамовічаў у другой палове XVI–XVII ст.// Наш радавод.– Горадня, 1996.– Кн.7.– С.187.
15. Шаланда А. Удакладненні да гербу і радаводу Аляхновічаў.// Ваўкавышчына: з гісторыі краю... Ваўкавыск, 1997.
16. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн.523. Кн. Публічных спраў 1./ Падрыхт. А.Груша, М.Спірыдонаў, М.Вайтовіч.– Мн.: Бел. навука, 2003.– 444 с.
17. РИБ.– Пгд, 1915.– Т.33.– 1378 с.
18. Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г.: Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв./ Сост. Е.Е.Лыкова, М.Кулецкий.– М.: Древлехранилище, 1999.– Т.IV.– 264 с.
19. Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo nowogródzkie 1690 r./Oprac. H.Lulewicz, A.Rachuba.– Warszawa, 2002.– 290 s.
20. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) ў Менску.
21. ГДГАМ.
22. Bouffall B. Olędzcy herbu Rawicz.// Zychlinski T. Zlota księga szlachty polskiej.– Poznań, 1891.– R.XIII.– S.247–267.
23. Пластыка Беларусі XII–XVIII ст.– Мн.: Беларусь, 1983.– 231 с.
24. Zychliński T. Zlota księga szlachty polskiej.– Poznań, 1891.– R.XIII.– 405 s.
25. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku.– Warszawa, 1895.– 698 s.
26. Uruski S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej.– Warszawa, 1904–1931.– T.I–XV.
27. Boniecki A. Herbarz Polski.– Warszawa, 1899–1913.– T.1–16.
28. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в.– М.: Наука, 1988.– 350 с.
29. Шаланда А., Фёдараў І. Палацава-паркавы комплекс увёсцы Ябланова і яго ўладальнікі ўканцы XVIII–пачатку XIX ст.// Сядзібы і паркі Гродзеншчыны.– Гродна, 2004.– Ч.II.– С.54–58.
30. Окуневский Г.А. Родословная князей Огинских в Волковысском повете.// Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лёсу людзей.– Ваўкавыск, 1997.– С.78–82.
31. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Ваўкавыскага раёна.– Мн.: БЕЛТА, 2004.– 528 с.
32. АВАК.– Вильно, 1865–1915.– Т.1–39.
33. Lietuvos Metrika (1528–1547).– Vilnius, 1995.– Kn.6.– 488 s.
34. Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polska w Horodle roku 1413.// LSP.– Poznań, 1989.– Studia Historica III.– S.7–139.
35. Gumowski M. Pieczęcie królów polskich.– Kraków, 1910.– 94 s.
36. БР КГДГАМ, № 01929/3: Paszkiewicz M. Sladybez zawady JWJP.Krystyny z Abramowiczyw Oginskiey...– Wilno, 1739.
37. Górzyński S., Kochanowski J. Herby szlachty polskiej.– Warszawa, 1992.– 175 s.
38. АЮЗР.– СПб., 1865.– Т.2.– 287 с.
39. Boniecki A. Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku.– Warszawa, 1887.– 425 s.
40. Гербоўнік беларускай шляхты./ Т.Капіца, А.Леўчык, С.Рыбчонак і інш.– Мн.: БелНДІДАС, 2002.– Т.1.– 493 с.
41. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. Ziemia Smoleńska i województwo Smolenskie XIV–XVIII wiek./ Pod red. A.Rachuby. Oprac. H.Lulewicz, A.Rachuba, P.Romaniuk.– Warszawa, 2003.– T.IV.– 412 s.103
42. Семянчук Г. Попіс шляхты Ваўкавыскага павета 1621 г.// Герольд Litherland.– Горадня, 2004.– № 1–2.– С.44–51.
43. Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст.– Мн.: Навука і тэхніка, 1983.– 175 с.
44. Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskigo. Województwo wileńskie 1690 r./ Opr. A.Rachuba.– Warszawa, 1989.– 372 s.
45. Kossakowski S.K. Monografie histiryczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich.– Warszawa, 1859–1872.– T.I–III.
46. Гербовник дворянских родов Царства Польского.../ Сост. Н.И.Павлищев.– Варшава, 1853.– Ч.1–2.
47. Zychliński T. Złota księga szlachty polskiej.– Poznań, 1881.– R.III.– 380 s.
48. Urzednicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy./Oprac. H.Lulewicz, A.Rachuba.– Kórnik, 1994.– 255 s.
49. Urzednicy Wielkiego Ksiestwa Litewskiego. Spisy. Wojewydztwo Wileńskie XIV–XVIII wiek./ Pod red. A.Rachuby. Oprac. H.Lulewicz, A.Rachuba, P.Romaniuk.– Warszawa, 2004.– T.I.– 764 s.
51. Herbarz szlachty prowincyi Witebskiej./Wyd. F.Piekosiński.– Kraków, 1899.– 228s.
52. Шаланда А. Гербавы “*сепаратызм*” шляхты ВКЛ у 2 палове XVII–XVIII ст.// Шляхда ўзаемнасці=Droga ku wzajemnosci. Мат. X Міжнар. навук. канф.: Гродна–Мір, 24 кастрычніка 2002 г./ ГАУПП “*Гродз. друк.*”, 2004.– С.41–47.
53. Pamiętnik [1640–1684]. Jan Wladyslaw Poczobut Odlanicki / Opr. A.Rachuba.– Warszawa, 1987.– 430 s.
54. Kamieński A. Kariera rodu Siemaszków w XV–XVII wieku.// LSP.– Poznań, 1989.– Studia Historica III.– S.179–202.
55. Яковенко Н.М. Українська шляхта. З кінця XIV до середини XVII ст.– Київ, 1993.– 412 с.
56. Malachowski P. Zbiyr nazwisk szlachty z opisem herbów własnych familiom zostaiącymw Królestwie Polskim i Wielkim Księstwie Litewskim– Lublin, 1805.– 817 s.
57. Амелька С. Шляхецкі род Сямашкаў герба “*Лебедзь*”: рассяленне, паходжанне і гістарычна-культурнае значэнне ў XVI–XIX ст// Герольд Litherland.– Горадня, 2001.– №1.– С.27–34

(працяг будзе).

Гадавая справаздача па гораду Ваўкавыску за 1845год

Мікалай Быхаўцаў

Заўжды чалавека цікавяць лічбы, якія распавядаюць аб даўнейшым жыцці іх продкаў. Але не шмат такіх лічб захаваліся ў архіўных справах, асабліва што тычыцца 18 ст. і яшчэ ранейшага часу. С пачатку 19 ст. у губернскі горад Гродна з паветаў мясцовая ўлада пачала пасылаць штогагадовыя справаздачы. Аднак яны былі вельмі сціслыя і ўкладваліся ў некалькі асноўных лічбаў: колькасць насельніцтва, будынкаў і г. д. Так, за 1825 г. паведамлялася, што ў горадзе Ваўкавыску налічваецца: царквоў – 1, дамоў мураваных – 3, драўляных – 190; жыхароў абодвага полу: духоўных – 3, дваран – 69, ваеннаслужачых – 157, мяшчан і яўрэяў – 1487, дваровых – 42, усіх астатніх саслоўяў – 68, усяго – 490 муж. і 886 жан; арыштантаў у гарадской турме – 11 муж. і 2 жан.; богаўгодных мест – 2; фабрык – 1; спраў паліцыі за год – 792 [1, с.53адв.-54].

Адной з першых падрабязных справаздач па Ваўкавыску, якая выявілася ў Гродзенскім Гістарычным архіве, з”явілася справаздача за 1845 г. З каментарыямі даследчыка Мікалая Быхаўцава яна і прыводзіцца ніжэй [2,с.117-127адв]:

1.Звесткі тапаграфічныя. Горад Ваўкавыск знаходзіцца пры рацэ Ваўкавыя, якая цячэ каналам не болей адной сажані ў шырыню. Жыхары горада карыстаюцца вадой часткай з ракі, часткай з калодзежаў, якія знаходзяцца пры дамах колькасцю 15 штук. У 1845 г. рака адкрылася 27 сакавіка ў 3 гадзіны папалудні, а стала 18 снежаня ў 3 гадзіны папалудні.

У горадзе знаходзіцца:

Мастоў: каменных – 1, драўляных – 4. Вуліці перавулкаў – 8, з іх машчоных каменнем – 6, не машчоных – 2. Плошч немашчоных – 1.

Садоў, якія належаць прыватным асобам – 3. Агульная плошча іх складае не болей 3 дзесяціны. Уладальнікі садоў прыбытка з іх не атрымліваюць і толькі карыстаюцца пладамі самі.

Агародаў – 50. Пустых плацаў, якія маюцца забудавацца – 3.

Могілак – 3 (праваслаўныя, каталіцкія і яўрэйскія).

2. Будынкі.

Колькасць царквоў: праваслаўная, пабудаваная дзеля кварціруючых у горадзе войск, – адна, драўляная; “иностранных исповеданий” – адна драўляная (маецца на ўвазе каталіцкі касцел. Па логіке выходзіць, што раз каталіцкі касцел лічыцца іншаземным, то і самі каталікі іншаземцы. Вось як хутка царскія чыноўнікі, якія акупавалі гэты край, пачалі лічыць людзей, якія жылі тут з даўніх часоў, іншаземцамі. – М.Б.); сінагога драўляная – 1 і 5 яўрэйскіх драўляных школ; малітвенных драўляных школ – 5 (маецца на ўвазе пратэстанскіх, езуіцкіх і іншых малітвенных дамоў. – М.Б.).

Будынкаў, належачых ураду: 2 мураваных і 7 драўляных.

Будынкаў, належачых каталіцкаму касцелу, – 5 драўляных.

Будынкаў, належачых дваранам і чыноўнікам, – 1 мураваны і 29 драўляных.

Будынкаў, належачых купцам, – 1 мураваны і 6 драўляных.

Будынкаў, належачых мяшчанам, – 302 драўляных.

Будынкаў, належачых мяшчанкам, – 80 драўляных.

Будынкаў, належачых салдатам, – 21 драўляны.

Будынкаў, належачых сялянам, – 3 драўляных.

З ліку гэтых будынкаў пражываюць: ад 5 да 10 жыхароў – 300 будынкаў, ад 10 да 15 жыхароў – 74 будынкі, ад 15 да 20 жыхароў – 46 будынкаў, ад 20 да 25 жыхароў – 33 будынкі.

У 1845 г. пачата будаўніцтва драўляных дамоў: 1 прыватны , закончана будаўніцтва 1 дома. Гэты новапабудаваны будынак не можа звяртаць на сябе ўвагі, бо пабудаваны ў два паверхі.

У 1845 г. у Ваўкавыску 29 мая здарыўся адзін пажар у 1-й гадзіне па палудні і працягваўся да 3-х гадзін. Згарэла 5 мяшчанскіх драўляных дамоў, сарай і клуня. Прычына пажару не знойдзена. Гаспадары панеслі страты на 800 рублеў срэбрам.

Было застрахована ў 2-м страхавым вобшчастве: адзін драўляны дом на 640 рублеў.

3. Народанасельніцтва.

Духавенства: палкавы святар і яго жонка, белага духавенства (г. зн. не манахі. - М.Б.): каталіцкіх ксяндзоў – 3, царкоўнаслужыцеляў – 5 муж. і 3 жан. (тут і далей маецца на ўвазе члены сям'і. – М.Б.);

благародных ваеннага ведамства: генералаў – няма, штабс-афіцэраў – 4 муж. і 3 жан; обер-афіцэраў – 20 муж. і 4 жан.;

благародных грамадзянскага ведамства: ад 5 класа і вышэй, штабс-афіцэраў – 4 муж. і 2 жан.; обер-афіцэраў – 30 муж. і 17 жан.; не маючых 14 класа – 22 муж. і 4 жан.

(Колькасць іншых жыхароў, а таксама агульная лічба насельніцтва горада чамусьці адсутнічае. З іншай крыніцы можна даведацца, што колькасць насельніцтва ў горадзе Ваўкавыску ў 1848 г. склала: 2150 муж. і 1147 жан., усяго – 3297. Прыблізна такі расклад насельніцтва мог быць і ў 1845 г. Значнае перабольшванне мужчын над жанчынамі тлумачыцца пастоем ніжніх воінскіх чыноў і іх жонак, якіх разам налічвалася 948 чалавек [3,с.288]. – М.Б.)

Колькасць памерлых: 138 муж. і 85 жан., усяго – 223 (у дакуменце колькасць памерлых даецца нават па месяцах, але тут не прыводзіцца. – М.Б.). З іх памерла ў прыватных дамах – 101 муж. і 78 жан., усяго – 179; у багадзельні – 37 муж. і 7 жан., усяго – 44.

Галоўная хвароба, ад якой памерлі людзі, была нервовая гарачка. Прычына яе хучэй за ўсе ад неўраджаю і ў сувязі з гэтым – голаду, а таксама моцная прастуда. Усе гэта асабліва закранула бяднейшых жыхароў. Хутка памерлых жыхароў – 1, які памер ад апаплексіі. Нясчастных смярцей і выпадкаў не было. Гвалтоўных выпадкаў смерці было ў 1 муж. і 1 жан., а менавіта яны былі замардаваны. Прычына замардаванняў не знойдзена. Самагубстваў зафіксаваны адзін выпадак, а менавіта мужчына ўдушыўся. Прычына самагубства – беднасць і худыя паводзіны, а таксама баязнь адказнасці за крадзеж.

4. Спажыванне.

На ўласнае харчаванне жыхароў забіта: быкоў і кароў – 799, бараноў – 1200, цялят – 713. Лічачы сярэднюю вагу быка 6 пудоў 16 фунтаў, барана – 1 пуд 10 фунтаў, цяля – 1 пуд, то спажывана: гавядзіны – 5093 пуды 25 фунтаў, бараніны – 1500 пудоў, цяляціны – 713 пудоў, усяго – 7306 пудоў 25 фунтаў. Звер х таго, зімою з акалічных месц у горад прывозіцца мерзлая свініна і саланіна, прыблізна да 70 пудоў на год. Свежай рыбы жыхарамі ўжываецца не вельмі многа па прычыне недастатка ў ей, бо лоўля яе ў рацэ Ваўкавыі не робіцца і ў малой колькасці дастаўляецца з Пінскага павета, дзе больш за ўсе ловіцца ў рацэ Піне.

(Можна падлічыць ў сярэднім спажыванне мяса жыхарамі горада. Так, на 3297 жыхароў у год спажывалася 7376 пудоў рознага мяса. З гэтага выходзіць, што сярэдня ў год кожны жыхар з'ядаў каля 36 кілаграмаў мяса, або каля 100 грамаў на дзень. І гэта не ўлічваючы мяса дамовых птушак і дзікіх жывел. Калі яшчэ не ўлічваць посныя дні, калі мяса не спажывалі, то спажыванне мяса было на высокім узроўні. - М.Б.)

Хлеба ў горад па прыблізных разліках было прывезена: мукі аржаной – 6000 кулеў, пшанічнай – 100 кулеў, жыта – 2000 чацвярцей, пшаніцы – 90 чацварцей, аўса – 600 чацварцей, ячменя – 80 чацвярцей, круп розных – 100 чацварцей. З ніх 100 чацвярцей жыта ўжывана падрадчыкамі на выраб харчавання ў ваўкавыскі харчавы магазін.

Віна хлебнага (маецца на ўвазе гарэлка. – М.Б.), гарэлкі і спірту завезена ў горад 8000 вядзер. Наогул, спажыванне віна ў Ваўкавыску, можна меркаваць, было да 7000 вядзер. Найбольшая колькасць ужывана ў студзені, сакавіку, красавіку і снежні па прычыне таго, што ў гэты час бываюць галоўныя святы. Астатняя колькасць вырабляемай гарэлкі вывозіцца ў суседнія з Ваўкавыскам паветы.

Дроў, па прыкладным падліку, сухой дарогай прывезена да 25000 вазоў. Лічачы, што ў сажань дроў уваходзіць 12 вазоў, то ўсяго прывезена 2083 сажані і 4 вазы. Дровы большай часткай дастаўляюцца з лясоў Ваўкавыскага павета памешчыцкімі сялянамі. Тут яшчэ даволі многа лясоў, якія прадаюцца памешчыкамі на сруб. Большай часткай гэта сасновыя і бярозавыя дрэвы.

Сярэднія гандлевыя цэны на жыццевыя прыпасы: куль аржаной мукі вагай 9 пудоў – 6 руб. 75 кап., пшанічнай мукі – 12 руб. 41 кап., чвэрць грэчневай крупы – 11 руб. 84 кап., чвэрць аўса – 2 руб. 30 кап., пуд гавядзіны – 1 руб. 28 кап., пуд сена – 23 кап., сажань бярозавых аднапаленных дроў – 4 руб. 1 кап. Прычым, у залежнасці ад месяца цэны мяняліся. Так, куль ржаной мукі каштаваў 5 руб. 40 кап., у жніўні - 6 руб. 30 кап., верасні – 8 руб. 10 кап., кастрычніку – 9 руб., лістападзе – 10 руб., снежні – 9 руб. На гавядзіну за цэлы год цана стабільная. Пуд сена танней каштаваў у жніўні і верасні – 17 кап. Бярозавыя дровы ў летнія месяцы – 3 руб. 50 кап., крупы ў верасні 16 руб., зімою – 9 руб. 60 кап. У 1845 г. харчаванне жыхароў Ваўкавыска сустрэла вялікую перашкоду і павышэнне цэн з выпадку неўраджаю.

5. Гандаль.

За 1845 г. было абвешчана купецкіх капіталаў: 1-й гільдыі – няма, 2-й гільдыі – няма, 3-й гільдыі – 6855 рублеў. Галоўны занятак мясцовых купцоў – гэта гандаль сукном, якое выпрабляецца на мясцовай суконнай фабрыцы, і продаж чырвоных тавараў (тавар для паноў або заможных людзей. – М.Б.), якія атрымліваюць ад маскоўскіх купцоў. Сукно з асаблівымі выгодамі для прадаўцоў прадаецца ў іншых губернiях, а чырвоны тавар – у горадзе. Найбольш гэтым гандлем займаецца купец яўрэй Янкель Шмуйла Невеловіч-Пінес, абароты якога, як гавораць, даходзяць да 15000 рублеў срэбрам.

У горадзе Ваўкавыску ярмаркі ніколі не бываюць. Лавак жа – 57, у тым ліку: з чырвоным таварам – 8, хлебных – 8, маскацельных – 5 (красільныя і розныя аптэчныя прыпасы, ужываныя ў рамясле, фабрычных і прамысловых прадпрыемствах. – М.Б.), мелачных – 22, скураных – 4, саляных – 10, тракціраў і гасцініц – 2, піцейных дамоў – 68.

6. Прамысловасць.

Фабрык і заводаў – 4. У тым ліку: прыватная суконная фабрыка – 1 з 35 работнікамі, скураных заводаў – 1 з 8 работнікамі, цагляных заводаў – 2 з 8 работнікамі. На суконнай фабрыцы ўжываецца авеча воўна, якая купляецца ў памешчыкаў мясцовага павета. На працягу 1845 г. у яе рабоце быў невялікі перапынак у сувязі з павышэннем цэн на воўну.

7. Рамествы.

У горадзе налічваецца: краўцоў – 18, сапожнікаў – 10, кавалеў – 4, алавяншчыкаў – 2, слесараў – 1, токараў – 1, пераплетчыкаў – 5, маляроў – 2, плотнікаў – 4, гадзін нікавых майстроў – 3.

8. Грашовы курс.

У гандлі пры абмене грошай быў пастаянны курс: 1 рубель срэбрам каштаваў 3 руб. 50 кап. меддзю. Іншаземнай манеты (польскай у 5, 2, 1 злотых і 10 і 5 грошаў з нізкай пробай срэбра і медных 3 і 1 грошы) тут дастаткова. Другіх грошай у горадзе зусім не было.

9. Агульныя заўвагі аб дабрабыце жыхароў.

Галоўны занятак мясцовых мяшчан хрысціян – земляробства і гаспадарка, а яўрэі, якіх тут у два разы больш, займаюцца больш за ўсе гандлем, падрадам і продажжу па дамах гарачага віна (гарэлка, сівуха і т. д. – М.Б.) і піва.

10. Гаспадарка горада.

Горад атрымаў гарадскога прыбытку 2975 руб. 46 кап. срэбрам. Звярх таго, ад мінулых гадоў застаўся капітал у суме 244 руб. 21 кап.

Галоўныя стацці даходу ў 1845 г.:

З забудаванай жыхарамі зямлі чынша – 66 руб. 75 кап.;

З купцоў адна чвэрць збора – 22 руб. 85 кап.

Галоўныя стацці расхода:

На ўтрыманне паліцыі – 153 руб. 50 кап.;

На ўтрыманне магістрата – 493 руб. 62 кап.;

На ўтрыманне турмы – 49 руб. 57 кап.

На ачышчэнне гарадской плошчы – 33 руб.

На пажарныя інструманты – 35 руб.

11. Грамадскіе ўстановы.

Прыходскае вучылішча, якое ўтрымліваецца за казенны кошт. У ім 2 настаўніка і 3 вучні з мужчын.

Дабрачынныя установы:

Гарадскі шпіталь, які падпарадкоўваецца гродзенскаму Прыказу грамадскага прызрэння. Колькасць чыноўнікаў у ім – 5, служачых – 2, было апекована – 241 чалавек, з якіх памерла – 31.

Яўрэйская багадзельня: служачых – 2, было апекована – 157 чалавек, памерла – 9.

Папраўчая гарадская турма: знаходзілася 98 муж. і 6 жан., выпушчана – 76 муж. і 6 жан., памерлі – 1 муж., засталося на 1846 г. – 21 муж.

З тых, хто знаходзіўся ў турме, было: судзімых за забойства – 1 муж., за рабунак – 1, крадзеж і машэнства – 53 муж. і 3 жан., за пасягацельства на ўласнае жыцце – 1 муж., святятатства – 3 муж., падпал – 1, ухіленне ад рэкрутаў – няма, бадяжніцтва – 38 муж. і 3 жан.

З усіх сядзельцаў з горада было ўсяго 10 чалавек. Для харчавання арыштантаў дабраахвотных прынашэнняў ніякіх не было, акрамя збора з кружкі, якая стаяла пры дзвярах астрога. На працягу года ў яе трапіла не болей 75 кап. срэбрам.

12. Дзейнасць паліцыі.

Адшукана павінных у крадзяжы – 3 муж. і 1 жан., якія скралі на суму 116 руб. срэбрам. Усіх крадзяжаў у горадзе было 6 на суму 144 руб, з іх буйнейшымі былі:

1. У дваравіна Гродзенскага павета ваколіцы Бурнева – Эйсымонта украдзена 2 валы на суму 36 рублеў.

2. У селяніна мястэчка Воўпа Аляксандра Мураўскага ўкрадзена кабыліца на суму 35 руб. срэбрам.

Знойдзена павінных у разбоі – 3 муж., узята за крадзеж – 3 муж. і 1 жан.

За п'янства ўзята – 13 муж. і 6 жан.

За адсутнасць пісьмовага віда на жыхарства – 3 муж. і 3 жан.

Найбольш было ўзята паліцыяй за п'янства сялян, якія прыязджалі на торг з павета, а за крадзеж – сялян і яўрэяў. Пад наглядам паліцыі ў 1845 г. людзей не састаяла.

Гарадскімі лекарамі на працягу года: ускрыта мертвых цел – 2 муж. і 1 жан., праізведзена пасведчанняў аб пабоях, якія былі нанесены ў бойцы, – 2 муж. і 3 жан.

Колькасць спраў: крымінальных – 4, следственных – 47.

17 верасня ў горадзе Ваўкавыску на Паштовай вуліцы знойдзена забітай сялянка Караліна Сцефановічава. Па гарачых слядах адшуканы віноўныя: радавыя Ніжагародскага пяхотнага палка Петр Грабарчык, Іван Карсакоў і Іосіф Станішэўскі.

Крыніцы:

1. НГАБ (Нацыянальны Гістарычны архіў Беларусі) у Гродне. Ф.1. Воп.2, Сп.915.
2. НГАБ. Ф.1. Воп.20. Сп.1457.
3. НГАБ. Ф.1. Воп.21. Сп.651

Постановления Волковыской городской Думы за 1891 г.

Николай Быховцев

В Историческом архиве г. Гродно о работе Волковысской городской Думы сохранились считанные документы. Наиболее полным из них являются протоколы постановлений трех заседаний Думы за 1891 г. А ведь именно Дума являлась главным «штабом», где выносились и решались все насущные вопросы жизнедеятельности города до 1915 г. Городская Дума являлась распорядительным выборным органом городского самоуправления Российской империи, а ее исполнительным органом – городская управа. Председателем городской Думы был городской голова, который одновременно возглавлял и городскую управу. Поэтому нижеприведенные документы из постановлений Волковысской городской Думы за 1891 г. дают объективную характеристику проблем и задач, стоящих перед городской властью. Особенно интересен подробный расклад доходов и расходов городского бюджета. Необходимо отметить, что хоть Дума и являлась выборным и самоуправляемым органом, но все насущные вопросы самостоятельно решать не могла. Примечателен в этом отношении тот факт, что даже решение об очередном заседании и повестке собрания Думы заранее направлялось Гродненскому губернатору, которому непосредственно подчинялась дума и управа, и который мог наложить вето на любое решение Думы.

Протокол постановлений городской Думы также в обязательном порядке направлялся для ознакомления Гродненскому губернатору, который в свою очередь, давал распоряжение распечатать его в газете «Губернские ведомости». К сожалению, полного комплекта этих газет ни в Гродно, ни в Беларуси не сохранилось.

Первое заседание Думы в 1891 г. состоялось в марте месяце:

«От Волковысского Городского Головы, от февраля 15 дня 1891 г. № 8

Господину Гродненскому Губернатору.

Честь имею доложить Вашему Превосходительству, что на 5 марта с. г. мною назначено заседание Думы для рассмотрения:

1. Отчетностей Городской Управы и Городского сборщика за истекший 1890 г.
2. Требование Управления 2-го Армейского Корпуса о расквартировании 26 парка.
3. Рапорта члена Городской Управы о настоящем положении городских средств.

Городской Голова (подпись неразборчива)» [1,с.1].

Однако через 5 дней городской голова пересматривает повестку намечающегося собрания о чем сообщает Гродненскому губернатору:

«В дополнение к докладу моему от 15 февраля за № 8 честь имею доложить Вашему Превосходительству, что 5 марта с. г. будут обсуждаться Думою вопросы о дополнении плана г. Волковыска и об учреждении пожарного общества из охотников» [1,с.2].

Как и планировалось, заседание Городской Думы прошло 5 марта. Из постановления:

«Гласные Волковысской Городской Думы в заседании 5 марта 1891 г. выслушав доклад о последствиях проверки отчетности Волковысского Городского Сборщика, нашли: постановлением Думы, состоявшимся 5 июня 1890 г., назначена комиссия Гласных Думы О. И. Шарейки, М. С. Урбановича, М. А. Зажецкого, М. Финкельштейна под председательством члена Управы О. П. Мильковского, которой и поручено было обревизовать отчетность Городского Сборщика за время с мая месяца 1889 г. по день открытия действий комиссии. Из представленного Думою акта комиссии от 14 февраля результат проверки означенной

Волковыск до 1914 года. Возле торговых рядов на Рыночной площади

отчетности оказывается:

Ревизию этой отчетности комиссия начала в феврале и окончила 14-го того же месяца, при чем найдено, что за время с 14 апреля 1889 г. по 4 февраля 1891 г. городским сборщиком взыскано оценочного сбора с подвластных имуществ г. Волковыска 6372 руб. 89 коп. и пени 260 руб. 61 коп., всего – 6633 руб. 50 коп. …

Постановление Волковысской Городской Думы по рапорту члена Управы с. Файнзальберга о настоящем положении городских средств. В его рапорте от 4 марта 1886 г. за № 2 было подробно изложено то исключительное обстоятельство, в котором находился г. Волковыск, и которое служит причиною того, что городское общественное Управление не может выполнить те повинности и расходы, которые по городовому положению 1870 г. называются обязательными (имеется ввиду последствия опустошительного пожара центра Волковыска. – Н.Б.). Положение это с тех пор нисколько не улучшилось. Причины этого представляются три:

1. Неимение положительно никаких оброчных статей и постоянных источников доходов.

2. Совершенное уничтожение и постоянное уменьшение по городской росписи некоторых статей дохода при постепенном довольно значительном увеличении обязательных расходов.

3. Истощение городских средств, вследствие расходов на расквартирования в городе войск и тем самым накопление долгов и недоимок.

В отношении оброчных статей, служащих первым и вернейшим источником дохода, г. Волковыск из всех, как уездных, так и заштатных городов Гродненской губернии, есть самым безнадежнейшим. Все его богатство заключается в 24 плацах и в куске сенокосного луга, в общей сложности менее трех с половиною десятины, отданных при том еще бывшею Ратушею в вечное чиншевое владение частным лицам, и приносящим городу ежегодно всего лишь по 146 руб. 45 коп., тогда как другие города из этого источника получают: Гродно – 18536 руб, Брест-Литовск – 9909 руб., Белосток – 3564 руб., Кобрин – 2559 руб., Бельск – 2519 руб., Слоним – 2285 руб., Соколка – 1155 руб., Пружаны – 989 руб. Независимо сего

почти все эти города получают еще значительную сумму сбора за стоянку на городских площадях, тогда как г. Волковыск из этой статьи дохода получает всего 120 руб. годично. Это ясно указывает, что в отношении оброчных статей из всех городов Гродненской Губернии г. Волковыск представляется самым беднейшим. Приносимый этою статьей доход столь незначителен, что его не следует даже брать в расчет при составлении росписей приходовых расходов г. Волковыска. Городская Дума неоднократно ходатайствовала о предоставлении г Волковыску, по крайней мере, выгона, но и это ходатайство сталось неудовлетворенным, несмотря на то, что Господином Начальником Края и Министром Внутренних Дел, как это видно из предложения Господина Начальника Губернии от 14 июля 1889 г. за № 6879 признано заслуживающим уважения.

Город, как и человек, не имеющий положительно никакого имущества, не может существовать и развиваться, как следует: из года в год беднеет и приходит в упадок. Последствия эти испытывают и видит каждый из нас постоянных жителей г. Волковыска. Еще 10 лет тому назад у нас существовала одна паровая и две ручных суконных фабрики, несколько кожевенных заводов и более сотни ремесленных заведений, торговцы отстроили собственно для торговли каменные лавки в виде гостиного двора и т.п. В настоящее время почти все это упало: фабрик нет, кожевенных заводов осталось всего два, ремесленных заведений и половины не стало, из лавок, наконец, почти половина совсем пустует. На конец 1883 г. на этом городе стало накопляться все больше и больше недоимок оценочного сбора и налога казне. Совершенное уничтожение и постоянное уменьшение некоторых статей дохода по городским росписям, а также значительное увеличение обязательных расходов началось еще с 1882 г., т. е. с истечением трех лет от введения в г. Волковыске городового положения и видно из нижеприведенного сопоставления г. Волковыск имеет лишь следующие статьи дохода:

1. Чинш за городские плацы.
2. 15 % сбор с гильдейских свидетельств
3. 10 % сбор со всех прочих торговых документов
4. Сбор с документов, совершенных у нотариуса
5. С трактирных заведений и заезжих домов
6. С клеймения мер и весов
7. За стоянку на городских площадях
8. Разных случайных поступлений.

А так, как этих средств крайне недостаточно, то ежегодно вносится в роспись приходов пособие от казны на отопление и освещение тюрьмы. Недостающее же количество относится на взыскаемый с недвижимого имущества сбор по раскладам, называемый оценочным. Для более наглядного доказательства, что некоторые из статей дохода постоянно уменьшались, указываются как суммы положенные по росписям, так и действительно поступлений их ежегодно за время с 1886 г. по 1890 г. включительно: 1 чинш за городские плацы – полагается ежегодно по 146 руб. 45 коп., по этой статье дохода поступило за 5 лет 807 руб. 35 коп., средним числом по 161 руб. 47 коп. В числе этих поступлений значится и числившееся по 1886 г. недоимка, всего – 80 руб. 90 коп. 15% сбор с гильдейских свидетельств и 10 % сбор с прочих торговых документов предположено к поступлению в 1886 г. 978 руб., 1889 г. – 1093 руб. и на 1890 г. – 1118 руб. В действительности поступило: 1886 г. – 857 руб. 30 коп., 1887 г. – 725 руб. 12 коп., 1888 г. –809 руб. 70 коп., 1889 г. –1034 руб., 1890 г.– 976 руб. С документов, совершаемых явочным порядком у нотариуса, в 1886 г. – 960 руб., 1887 г. – 1034 руб., 1888 г. – 483 руб., 1889 г. – 487 руб., 1890 г. – 425 руб. С трактиров и заезжих домов – 160 руб., с клеймения с 1886 г. по 1890 г. – 32 руб. 75 коп., за стоянку в 1886 г. – не было, в 1887 г. – 54 руб., 1988 г. – 168 руб., 1889 г. – 114 руб., 1890 г. – 110 руб.

Пособия от казны на отопление и освещение тюрьмы: в 1888 г. – 500 руб., а в остальные года из этого источника приходов не было.

Сверхсметного прихода: в 1886 г. – 60 руб., 1887 г. – 389 руб., 1888 г. – 246 руб.70 коп.,

1889 г. – 130 руб. 88 коп., 1890 г. – 118 руб. 20 коп.»

1.Пособие Государственному Казначейству на содержание полицейских и Центральных управлений и Уездного судов: 1886 г.: положено 483 руб. 89 коп., израсходовано - 13 руб. 89 коп., 1887 г.: 483 руб. 89 коп. и 66 руб. 78 коп. соответственно, 1888 г.: 483 руб. 89 коп. и 61 руб. 18 коп., 1889 г.: 483 руб. 89 коп. и 180 руб., 1990 г.: 483 руб. 89 коп. и 430 руб.

2. Приплаты к квартирным окладам, полученным от казны по отправлению воинского положения: 1886 г. – 6671 руб., 1887 г. – 3269 руб., 1888 г. – 2172 руб., 1889 г. – 3147 руб. 53 коп., 1990 г. – 1978 руб. 90 коп.

3.Содержание городовых служителей: 1886 г.: положено – 1320 руб., израсходовано – 1210 руб., 1887 г.: 1425 руб. и 1582 руб., 1888 г.: 1780 руб. и 1780 руб., 1889 г.: 1780 руб. и 2166 руб., 1990 г.: 1780 руб. и 1800 руб.

4.Расходы на предмет отопления и освещения тюрьмы: 1886 г.: положено – 320 руб., израсходовано – 525 руб., 1887 г.: 480 руб. и 566 руб., 1888 г.: 546 руб. и 678 руб., 1889 г.: 678 руб. и 684 руб., 1890 г.: 592 руб. и 689 руб.

5.Содержание пожарного обоза: 1886 г.: положено – 93 руб., израсходовано – 430 руб., 1887 г.: 93 руб. и 267 руб., 1888 г.: 120 руб. и 488 руб., 1889 г.: 400 руб. и 218 руб., 1990 г.: 100 руб. и 120 руб.

6.Квартирных полицейскому надзирателю и жандармерии: 1886 г.: положено – 194 руб., израсходовано – 210 руб., 1887 г.: 194 руб. и 194 руб., 1888 г.: 220 руб. и 220 руб., 1888 г.: 220 руб. и 220 руб., 1889 г.: 220 руб. и 220 руб., 1990 г.: 220 руб. и 220 руб.

7.Освещение города: 1886 г.: положено – 70 руб., израсходовано – 22 руб., 1887 г.: 70 руб. и 11 руб., 1888 г.: 70 руб. и 141 руб., 1889 г.: 70 руб. и 128 руб., 1890 г.: 120 руб. и 125 руб.

8.Наем ночных сторожей: 1886 г.: положено – 430 руб., израсходовано – 430 руб, 1887-1890 г.г.: положено – 252 руб., израсходовано – 252 руб.

9.Ремонт и устройство мостовых: 1886 г.: положено – 20 руб., израсходовано – 181 руб., 1887 г.: 20 руб. и 19 руб., 1888 г.: 200 руб. и 419 руб., 1889 г.: 50 руб. и 120 руб., 1890 г.: в графе «положено» - пропуск, израсходовано – 76 руб.

10.Содержание личного состава и канцелярские материалы: 1886 г.: положено – 1768 руб, израсходовано – 1150 руб., 1887 г.: 1652 руб. и 1500 руб., 1888 г.: 1676 руб. и 1586 руб., 1889 г.: 1664 руб. и 1466 руб., 1890 г.: 1664 руб. и 1786 руб.

11. Обязательные выписки губернских и сенатских изданий: 1886 г.: положено – 47 руб., израсходовано – 51 руб., 1887 г.: 48 руб. и 67 руб., 1888-1990 г.г.: 51 руб. и 51 руб.

12. Экстраординарные расходы: 1886 г.: положено – 180 руб., израсходовано – 204 руб., 1887 г.: 600 руб. и 602 руб., 1888 г.: 300 руб. и 749 руб., 1889 г.: 300 руб. и 253 руб., 1890 г.: 350 руб. и 580 руб.

Вся тяжесть по исполнению обязательных для города расходов падает на взимаемые с недвижимого имущества сборы по составляемым ежегодно раскладам, называемым оценочным. До 1880 г. сбора этого платили обыватели не более 900 руб., а с 1883 г., т. е. со дня расквартирования в городе войск, ежегодно полагается на город не менее 4000 руб. За последние 8 лет, т. е. с 1883 по 1890 г.г. положено было 41532 руб. или средним числом по 5191 руб. в год. Столь громадной суммы оценочного сбора не платит ни один из городов Гродненской Губернии: Слоним – 755 руб., Пружаны – 324 руб., Кобрин – 559 руб. Волковыск же платит 1,66 % от общей оценочной суммы, тогда как положено 1 %. В Гродно это составляет 0,9 %, Слониме – 0,62 %, Пружанах – 0,5 %. Если при этом обратить внимание на то, что указанная Палатою оценка произведена до августа месяца 1886 г., т. е. до пожара, истребившего самую лучшую часть города, что убыток от пожара составил в недвижимости 180 000 руб., что с тех пор отстроилась незначительная часть погорелища, всего на сумму 30 000 руб., что недвижимые имущества г. Волковыска не приносят таких доходов, как в других городах, то получается, что обыватели г. Волковыска платят в 4-5 раз больше оценочного сбора, чем жители остальных городов Гродненской Губернии.

…Все это доказывает, что настоящее положение г. Волковыска крайне печально, и

что городское Общественное Управление не в силах выполнить те расходы, которые обязательно относятся на городские средства. Расходов таких необходимо:

1. На содержание городовых: 1800 руб.

2. Квартирное довольствие приезжающих по делам службы военных и гражданских чиновников (в течение первых трех дней), полицейскому надзирателю и жандарму – 480 руб.

3.Уплата пособий Государственной казны на содержание полицейских и центральных управлений– 480 руб.

4. На содержание пожарного обоза – 500 руб.

5. На отопление и освещение тюрьмы – 548 руб.

6. На содержание воинского постоя – 1600 руб.

7. На содержание мостовых – 240 руб.

8. На освещение города – 180 руб.

9. На наем дома с отоплением для помещения Управы и Сиротского суда – 300 руб.

10. На содержание сторожей – 342 руб.

11. На выписку изданий – 61 руб.

12. На очистку улиц против бульвара и пожарного здания, своз нечистот, а также отопления этого здания – 128 руб.

13. Содержание служащих: Городского Головы – 300 руб., двух членов – 400 руб., секретаря – 400 руб., писаря по Управе – 144 руб., письмоводителя по Сиротскому суду – 224 руб., сторожа – 120 руб.

14. Канцелярские материалы, бланки и освещение для Управы и Сиротского суда – 150 руб.

15. Случайные расходы – 356 руб.

А всего ежегодно необходимо расходовать 8836 руб., не говоря уже про другие необходимые расходы: безотлагательное мощение камнями улицы Вокзальной на протяжении 410 сажень, улицы Белостокской – 360 сажень, Тюремной – 400 сажень, Брестской – 520 сажень, а также отчуждений плацев для открытия новых улиц согласно городскому плану, составленному в 1887 г.

Волковысскому Городскому Общественному Управлению нельзя поставить того упрека, что оно много расходует на содержание своего личного состава, так как содержание это столь скудно, что едва хватает на пропитание самое жалкое служащих, вследствие чего и трудно привлечь на службу людей более способных, так как служащие при всей скудости положенного им содержания еще по нескольку месяцев не бывают таковым удовлетворяемы аккуратно ибо почти все поступления в городской доход Городским головою вносятся в местное Казначейство. К тому же на городе числится долгов около 3 000 руб. Городская Дума продолжает ходатайствовать перед правительством:

1. О ежегодном отпуске г. Волковыску пособия от казны на отопление и освещение местной тюрьмы по 500 руб. в год или освобождение города расходов на сей предмет.

2.Об уменьшении налагаемого на г. Волковыск платежа пособия Государственного Казначейства на содержание полицейского управления до 80 руб. в год, т.е. до того размера, который вносился городом до 1880 г., в виду того, что содержание чинов полиции обходится городу до 2 000 руб. в год.

3.Об установлении сбора с извозного перевозного промысла, полагая высший размер этого обложения для легковых извозчиков по 10 руб. и для ломовых по 6 руб. в год.

4.Об установлении в доход города сборов с оценки исков, предъявляемых у Мирового Судьи и в Мировом Съезде по разного рода документам и денежным обязательствам в размере 1 коп. с искомого рубля.

5.Установления сборов с товаров и грузов, привозимых в г. Волковыск, в размере 1/10 коп. с пуда…

6. Об установлении сбора с квартир или жилых помещений в размере не свыше 10 %

платимой квартирантами [1,с.1-16].

Дума рассмотрела вновь предложенный проект Устава Волковыского Пожарного Общества из охотников. Определила: уполномочить господина Городского Голову ходатайствовать перед правительством об утверждении доложенного устава [1,с.17].

Постановление Волковысской Городской Думы по делу расквартирования в г. Волковыске 26-го летучего артиллерийского парка:

Гласные Волковысской Городской Думы в заседании 5 марта 1891 г. выслушали предложения господина Городского Головы и нашли, что по поступившим в Городскую Управу предложениям господина Начальника Губернии по Губернскому распорядительному Комитету и командира 2-го Армейского корпуса Общественное Управление обязано нанять помещения для штаба 26-го летучего Артиллерийского Парка со всеми его хозяйственными заведениями распоряжение о расквартировании парка последовало уже в текущем году, т.е. после составления росписи приходам и расходам г. Волковыска на 1891 г., так что расходы на этот предмет по означенной росписи не могли быть предвидены, а между тем на доплату за наем помещений и за страхование городского здания, отведенного под цейхгауз, необходимо платить 300 руб. Вследствие чего Городская Дума определяет за неимением положительно никаких источников на покрытие необходимой приплаты сумму эту отнести на (дальнейшее слово в документе не читаемо. – Н.Б.) [1,с.20].

На этом же мартовском заседании Дума рассмотрела еще один вопрос, а именно о корректировке городского плана застройки города (смотрите статью «Пожар в Волковыске в 1886 г. и его последствия для города» в № 2 «Ваўкавышчыны» - Н.Б.).

Второе заседание Думы состоялось 12 июля. На нем был рассмотрен вопрос о раскладке по взиманию налога казне и оценочного сбора за 1891 г., а также вопрос об утверждении ярмарочного комитета:

Постановление Волковысской Городской Думы по делу рассмотрения и утверждения раскладки на взимание налога казне на 1891 г., состоявшегося 12 июля 1891 г.:

«…по сообщению Гродненской казенной Палаты от 30 января 1891 г. за № 583 на г. Волковыск положено налога в пользу казны 1881 руб. к каковой сумме Раскладною комиссией причислено еще 120 руб. на канцелярские расходы…

Определить: раскладку на взимание налога казне с недвижимых имуществ г. Волковыска на сей 1891 г. утвердить» [1,с.29].

Постановление Волковысской Городской Думы по делу рассмотрения и утверждения раскладки на взимание оценочного сбора на 1891 г., состоявшегося 12 июля 1891 г.

«…Раскладка эта составлена на сумму 3800 руб., но по постановлениям Думы от 11 декабря 1890 г. и 5 марта 1891 г. общая доходность с обложенных имуществ исчислена в 3800 руб. Раскладка составлена правильно, почему Городская Дума и определяет: раскладку на взимание оценочного сбора на сей 1891 г. в сумме 3800 руб. утвердить» [1,с.30].

О ярмарочном комитете смотрите в № 2 «Ваўкавышчыны» в статье «Пожар в Волковыске в 1886 г. и его последствия для города».

Следующее третье и последнее заседание Думы в 1891 г. состоялось в ноябре:

М В Д Волковысского Городского Головы от 29 октября 1891 г. за № 88. Господину Гродненскому Губернатору.

Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что на 18 ноября с.г. мною назначено заседание Думы для обсуждения вопросов по следующим предметам:

1. Об освобождении города от расходов по размещению ополченцев.

2. О сложении недоимок налога казне.

3. По рассмотрению росписи приходам и расходам на 1892 г.

4. Об утверждении содержания канцелярским служителям Общественного Управления в виду дороговизны.

5. Об избрании кандидатов к членам Городской Управы.

6. Рассмотрение вновь составленного плана г. Волковыска (о плане смотрите в № 2

«Ваўкавышчыны» в статье «Пожар в Волковыске в 1886 г. и его последствия для города» [1,с.36].

Постановление Волковысской Городской Думы по делу возбуждения ходатайства об освобождении города от расходов по размещению ополченцев, 18 ноября 1891 г.:

…Протоколом Губернского по воинской повинности Присутствия от 14 декабря 1890 г. расквартирование ратников ополчения 1-горазряда возложено на Городскую Управу. Такое распоряжение вызывает значительный расход вследствие того, что для расквартирования ратников требуется обязательное казарменное помещение и что наем такого помещения сопряжен со значительными затратами денежных средств, так как мало того, начальство военного ведомства требует устройства разных принадлежностей: пирамид, умывальников, очагов для кухни и хлебопекарных печей, но по краткости срока, на который требуется сказанное помещение, расход этот является еще более обременительным, так как учебный сбор продолжается лишь один месяц, помещений же на столь короткий срок никто не отдает и приходится нанимать таковое годично… и обойдется не менее 1500 руб. Устройство же самих нар стоит около 430 руб., не говоря про другие приспособления. А между тем неудобств этих легко устранить, если бы призыв ополченцев назначить с 10 мая, когда они тоже свободны от полевых работ и могут быть размещены в существующих в г. Волковыске казармах 16-й Артиллерийской Бригады, которые с 1-го мая бывают незанятыми вследствие выступления Бригады в лагеря… [1,с.38].

Роспись расходов и приходов Г. Волковыска на 1892 г.:

Отделение 1. Уплаты пособий:

1.Пособие Государственному Казначейству на содержание полицейского управления – 370 руб.

2. Пособие на содержание Центральных Управлений МВД – 10 руб.

3. Пособие на содержание приходских училищ – 190 руб.

4. Пособие на усиление средств Уездных Судов – 3 руб. 89 коп.

5. На уплату числящейся на городе недоимки пособия Приказу Общественного Презрения на содержание больницы – 200 руб.

Итого по первому отделению 774 руб.

Отделение 2. Содержание полиции и пожарной команды:

6.Содержание городовых полицейских и пожарных служителей – 1680 руб.

7.Лечений в больницах – 50 руб.

8. Наем для них (имеется в виду больниц. – Н.Б.) домов с отоплением и освещением –90 руб.

9.Содержание трех ночных сторожей – 324 руб.

10. Квартирное содержание полицейскому надзирателю, жандармам и повивальной бабки – 240 руб.

11.Ремонт и содержание пожарного обоза – 100 руб.

12. Отопление и освещение пожарного здания – 30 руб.

Итого по второму отделению 2514 руб.

Отделение 3. Отправление воинского постоя:

13.Наем помещений для 26-го летучего Артиллерийского парка с отоплением и освещением – 1052 руб.

14.На уплату за квартиры в первые 3 дня для приезжающих по делам службы офицеров – 125 руб.

15.Наем помещений для Управления Волковысского Уездного Воинского Начальника, склад оружия кадровой и конвойной команды и прочее – 968 руб.

16.Расход на картирование ополченцев, как-то: устройство нар, страхование и ремонт зданий, отопление, освещение и прочее – 268 руб.

Итого по третьему отделению 2413 руб.

Отделение 4. Расход на содержание Городского Общественного Управления:

17.Содержание должностным лицам, а именно: Городскому Голове – 300 руб., двум членам – 420 руб., секретарю – 400 руб., писцу по Управе – 150 руб., писцу по Сиротскому Суду – 216 руб., сторожу – 120 руб., на канцелярские материалы – 150 руб.

Итого по четвертому отделению 1756 руб.

Отделение 5. Разные обязательные расходы:

18.Отопление и освещение тюрьмы – 632 руб.

19.Уплата за баню арестантам – 46 руб.

20.Устройство новых мостовых – 76 руб.

21.Освещение города – 110 руб.

22.Очистка Бульварной площади – 25 руб.

23.Наем дома для помещения Управы и Сиротского Суда, отопление и освещение – 300 руб.

24.На уплату за обязательно высылаемые Управе и Сиротскому Суду Сенатские и Губернские ведомости и Правительственный вестник – 36 руб.

25.На истребление бродячих собак – 20 руб.

26.На разные случайные расходы – 250 руб.

27.На уплату процентов городскому сборщику за изыскание оценочного сбора – 200 руб.

Итого по пятому отделению 1721 руб.

Всего: 9178 руб. [1,с.47-51].

Расписание доходов:

Отделение 1. С городских имуществ:

1.Чинш за все городские плацы – 83 руб. 75 коп.

2.Аренда за сенокосный луг на реке Россь – 70 руб.

3.Сбор за стоянку на городских площадях – 120 руб.

4.Аренда от казны за городское здание гауптвахты – 130 руб.

Итого по первому отделению 403 руб. 75 коп.

Отделение 2. Сбор с торговли и промышленности:

5.Сбор с гильдейских свидетельств и билетов – 709 руб.

6.Сбор с прочих торговых документов – 633 руб.

7.Сбор от нотариуса и документов, совершаемых явочным порядком – 830 руб.

8.Городской акциз с трактиров и буфетов и заезжих домов – 97 руб.

9.С клеймения мер и весов – 20 руб.

Итого по второму отделению 2289 руб.

Отделение 3. 10.Пособие от казны на отопление и освещение тюрьмы – 500 руб.

11.Квартирные оклады за помещения для Управлений Уездного Воинского Начальника и прочее – 968 руб.

12.Квартирные оклады за помещения для 26 Летучего Артиллерийского Парка – 864 руб.

13.Разные случайные и сверхсметные поступления – 212 руб.

14.Поступления недоимок сбора с торговых документов – 30 руб.

15.Пени за несвоевременную плату оценочного сбора – 901 руб.

Итого по третьему отделению 2664 руб.

Отделение 4. 16.Оценочного сбора с недвижимого имущества – 3821 руб.

Всего: 9178 руб. [1,с.52обр.-54].

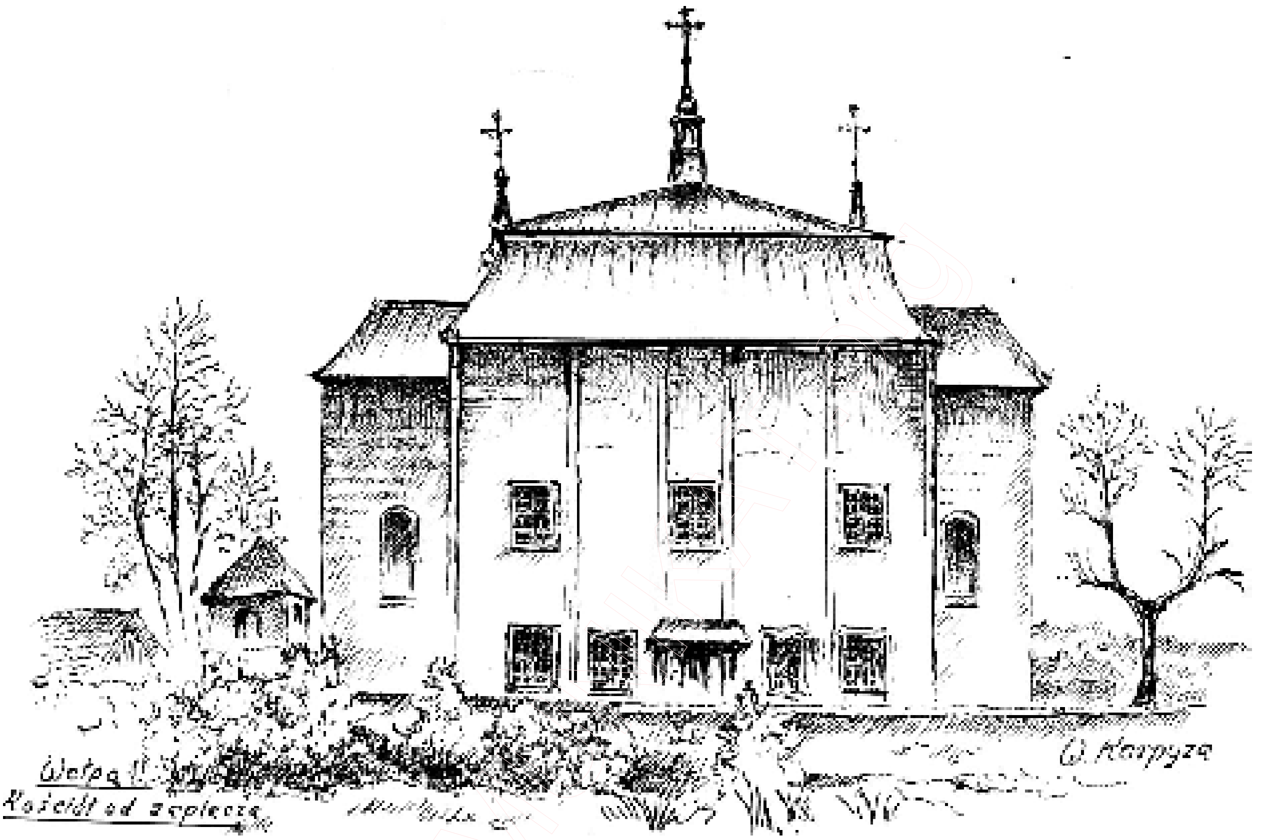
Источники:

1.НИАБ (Национальный Исторический архив Беларуси) в Гродно. Ф.1. О.18. Д.5.

З гісторыі пасяленняў

Воўпа

Вітальд Карпыз



Касцел у Воўпе. Від збоку. Малюнак Вітальда Карпызы

Воўпа праславілася многімі здарэннямі. У другой палове 16 ст. пражываў тут доктар тэалогіі Мікалай Дыцыюш, які ў Воўпе меў прыход. Слаўны дабрадзей і прэлат віленскай рады. У канцы 17 ст. меў тут прыход і ксендз Матэвуш Кулігоўскі, паэт, перакладчык, які напісаў цікавы твор “Смешны Дземакрыт” – дзіўная мешаніна разважанняў на тэму маральнасці гэтага свету і анекдот разам са зборам вершаў “на гербы”. Найбольш пашанцавала Воўпе з біскупамі. Віленскі біскуп Павел Гальшанскі (памер у 1555 г.), апошні з роду Гальшанскіх, уладальнік Воўпы. У час “патопу” у Воўпе знаходзілася Віленская рада разам з біскупам Юрыем Даўгайлам, які тут у 1657 г. прапанаваў будучага біскупа ксяндза Аляксандра Катовіча на пралата.

Святарамі былі тут яшчэ два будучых біскупы – Юзэф Казімір Касаноўскі, потым павешаны, і ксендз Ян Непамуцэн Касаноўскі.

Не абмінула Воўпу і адна з найвялікшых народных трагедый падчас ваенных дзеянняў 1662 г., калі літоўскія канфедэраты, не атрымліваючы ад казны грошай, рабавалі і чынілі гвалт мясцоваму насельніцтву. Падазраючы супраць сябе змову, вырашылі адпомсціць свайму камандуючаму – польска-літоўскаму гетману Гансеўскаму. Прысуд вынеслі ў касцеле, ў Воўпе, і ўзброеная дэлегацыя паехала ў Вільню, дзе і схапіла Гансеўскага. Па дарозе, недалека ад

Астрына, яго забілі.

Нават знакамітая пісьменніца Эліза Ажэшка знайшла ў Воўпе тэму для сваей знакамітай навэлы "Гедалі", у якой апісала беднага воўпаўскага яўрэя і тым самым праславіла яго. Гедаль прыйшоў да яе, каб падзякаваць: "Перад гэтым, – сказаў ен, – ніхто на Гедаля і глядзець не хацеў, а як пані мяне апісала, то зараз прыязджаюць пасажырскімі карэтамі і малююць з мяне партрэты. І калі я на такой карэце ехаў праз Воўпу, то ўсе жыхары глядзелі і дзівіліся, што гэта з Гедалем робіцца".

Да Другой сусветнай вайны Воўпа мела два знакамітых помніка драўлянай архітэктуры – касцел і сінагогу. Але падчас Другой сусветнай вайны сінагога, якая паходзіла з 18 ст., была спалена немцамі. Застаўся толькі касцел, пра які далей пойдзе размова.

У 1449 г. вялікі князь літоўскі Казімір Ягелончык даруе Воўпу за верную і доўгую службу Алексне Судымонтавічу, які становіцца ваяводам віленскім і канцлерам літоўскім. 27красавіка 1478 г. Алехна Судымонтавіч разам з сваей жонкай Ядвігай фундуе касцел у Воўпе, які быў асвечаны віленскім біскупам Янам Ласовічам з дзвума канонікамі: Ваўжынцом і Янам. Касцелу былі фундаваны навакольнымі сялянамі: "аддаўшы працоўных людзей з сынамі, чыншоўнікаў з сынамі, налажыўшы на іх даніну медам і дзясятую частку ўсяго, частку агародніны з маентка ваўпянскага і старадворскага, касцельную зямлю, празваную Міраўшчызна, разам з борам і дубровамі, два лугі з азначэннем іх местазнаходжання і па двое слуг абодвага полу. За гэта накладае на плебанію абавязак адпраўляць два богаслужэнні на тыдзень: адно – за продкаў, а другое – за спонсара і яго жоку з дзецьмі. Рэкамендуе для дапамогі трымаці аднаго вікарыя".

Дачка Алехны Судымонтавіча – Соф'я выйшла замуж за Аляксандра Юр'евіча, князя Гальшанскага, узяўшы ў пасаг Воўпу. У іх нарадзілася пяцера дзяцей, з якіх старэйшы Пвел, які пазней стаў віленскім біскупам, атрымаў у спадчыну Воўпу, павялічыўшы яе багацці. Пры нім воўпенская парафія налічвала 50 дымоў і лічылась на той час адной з самых багацейшых. У 1526 г. ен пабудаваў пры касцеле алтарыю святой Ганы і "місіянарыю" на чатырох ксяндзоў, надаўшы плацы для іх дамоў. Надзяліў іх 23 грашымі "капшчызны", двума фальваркамі, мядовы падатак з Гудзевіч, доступ да лесу і млына.

Апошні з роду Гальшанскіх – віленскі біскуп Павел Гальшанскі памер у 1555 г., а таму, застаўшысь без нашчадкаў, Воўпа адыйшла да караля Жыгімонта Аўгуста. Гаспадарчая каралева Бона – маці Жыгімонта, ахвотна набывала маенткі, асабліва якія былі размешчаны бліз воднай камунікацыі – ракі Неман. Так да яе трапіла Воўпа, а потым Дубна і Стары Дворац, з якіх яна стварыла староства.Воўпенскае староства зрабілася самым багатым у Ваўкавыскім павеце Навагрудскага ваяводства. Яно налічвала больш дымоў, чым усе разам іншыя староствы Ваўкавыскага павета: Мсцібаўскае, Ваўкавыскае, Ялаўскае і Жыліцкае. Многія магнаты дабіваліся, каб атрымаці Воўпенскае староства ў арэнду. Нават сам Леў Сапега меў на яго апетыт. Як вынікае з дакумента, той жа Сапега заўважаў : "…у нас пан Вольскі, каронны мечнік, староста кжэпіцкі, Воўпу і Дубна ў караля пытаў. Але мы апіраемся як кот на ледзе, каб гэтым польскім панам не так часта даваці, бо таксама і яны нам у Польшчы даюць. Але нашы старэйшыя самі не хочуць падтрымліваці гэтае права".

У 1624 г. той жа Леў Сапега для свайго няпоўнагадовага сына Казіміра (1609-1676) набыў у арэнду Дубна і Воўпу за 2 000 коп грошай, які напэўна фундаваў у воўпенскім касцеле алтар.

Другі Сапега, Павел, вядомы нам з рамана "Патоп" Генрыка Сянкевіча. Ен многа ахвяраваў на абарону Рэчы Паспалітай. Каб аддзячыць яго, дзяржава зноў аддала ў арэнду Воўпу да тых часоў, покуль ен не атрымае з яе прыбытак у 100 тысяч польскіх злотых. Сапраўды Воўпенскае староства засталося ў Сапегаў і надалей.

Менавіта з часоў Сапегаў дагэтуль існуе касцел сявятога Яна, адзін з самых старэйшых драўляных касцелаў у Польшчы, дзе захаваўся прыгожы і такі ж стары алтар. Зразумець, хто быў фундатарам таго алтара, дапаможа прыгожы картуш з гербамі, які захаваўся ў ніжняй частцы алтара паміж цокалямі калон. Герб у цантральнай частцы картуша – гэта герб Сапегаў,

Касцел у Воўпе. Сучасны выгляд

“Ліс”. Застаецца вырашыць толькі тое, да якога з Сапегаў ен менавіта належыць. Правільны вывад можна зрабіць з таго, што вакол асноўнага герба “Ліс” вянком размешчаны яшчэ чатыры гербы фундатараў касцела, і тады вынікае, што цантральны герб належыць Казіміру Сапегу. У 1643 г. у Воўпе, калі там гаспадарыў Казімір, гасцяваў кароль Уладзіслаў 4, які разам з жонкай Цэцыліяй ехаў у Вільню.

Згодна з геральдыкай, у правым верхнім вуглу картуша змешчаны герб маці па бацьку, а была ей Гальшына Радзівіл. У ніжнім левым вуглу – герб бабкі па маці “Астол”, а менавіта Багданы Друцкай-Сакалінскай. У ніжнім правым вуглу герб прабабкі па бацьку “Тапор”, і валодала ім Альжбета Тэнчыньская.

З гэтых вестак вынікае, што воўпенскі алтар быў зроблены ў першай палове 18 ст. Алтар выкананы ў чорных танах з некалькімі залачонымі дэталямі. Упрыгожваюць алтар калоны, асновы якіх аточваюць стралі вінаграду. У цэнтры алтара знаходзіцца абраз распяцця, а па баках драўляныя фігуры святых Яна і Казіміра. Алтар увенчаны тымпанам (тымпан – поле трохвугольнага ці фігурнага франтона. Часам запаўняўся скульптурай, геральдычнымі знакамі, надпісамі. – Заўвага рэдактара) і абрамаваны двумя паўляжачымі фігурамі анелаў. Унутры тымпан аздабляе рэльеф твар ца, які сядзіць на воблаку. Над тымпанам, паміж дзвюмя малымі калонамі, знаходзіцца другі абраз. Ен мае авальную форму з багатым абрамленнем. Вольныя часткі алтара, якія не заняты абразамі, калонамі або фігурамі, пакрытая залачонымі арабескамі і іннымі дэкаратыўнымі дэталямі. У воўпенскім касцеле існуюць яшчэ два бакавыя алтары, сваей кампазіцыяй і дэкарацыямі яны нагадваюць галоўны алтар, але больш сціплыя і, мабыць, маюць пазнейшае паходжанне. Бакавыя алтары падобныя на тыя, якія знаходзяцца ў капліцы на могілках, пабудаванай у 1873 г. па фундацыі Балеслава Крэтовіча.

Воўпенскія касцелы, паколькі былі драўляныя, хутка руйнаваліся. У 17 ст. воўпенскі касцел вывучаў вядомы геральдык Войцех Каяловіч, які запісаў: “У воўпенскім касцеле

пахаваны Ян Мікалай Князевіч і над яго гробам вісіць ягоны клейнот". У 1753 г. пабудавалі новы касцел, куды перанеслі стары алтар. У 1761 г. ксендз Юзэф Касакоўскі, будучы біскуп, пры падтрымцы караля атрымаў у Воўпе прыход:"…знайшоў усе тут запушчаным, – успамінае Касакоўскі, – у апошні час тут усе руйнуецца, бо ўсе сродкі на духоўнасць праз арэнду былі забраны. Князь Масальскі, які арэндаваў староства дзесяць гадоў, адно два разы быў тут праездам". На далейшых старонках дзенніка Касакоўскага чытаем: "У 1771 г., бачачы далейшае руйнаванне касцела, не мог угаварыць князя Ябланоўскага, ваяводу навагрудскага і старасту ваўпянскага каб ен дапамог у будоўлі касцела, бо запазычыў належачаму яму староству і пачаў з ім цяжбу ў духоўным трыбунале". Суд закончыўся тым, што ксендз Касакоўскі атрымаў спадчынны фальварак Ябланоўскага з гадавым даходам 70 тысяч польскіх злотых. Пад 1776 г. ен дадае: "Едучы па тракце, я аглянуўся і ўбачыў мною збудаваны касцел, каб асвяціць яго спяшаюся зараз у Вільню". Касцел, пабудаваны Касакоўскім, прастаяў да сенняшніх дзен.

З таго ж дзенніка вынікае, што Касакоўскі быў добрым гаспадаром: "Служыў у Воўпе разам з ксяндзом місіянерам Маштароўскім і ксяндзом езуітам Кашкоўскім – фамільярнымі сябрамі і прафесарамі. Прывез з Лыскава місію, з дапамогай якой людзі пачалі гуртавацца вакол касцела. Часцяком сам прамаўляў у касцеле, слухаў людзкія споведзі і ездзіў да хворых… З суседзямі сябраваў, скасаваў і не прымаў аплаты за вяселле і пахаванне… Адбудаваў сабе прыстойнае жылле і добры стол, без усялякіх выдумак паводзіў сабе такім чынам, каб запрошаныя да мяне суседзі не мелі прычыны на мяне скардзіцца і я ў іх дамах быў прыняты. Хапала часу на гаспадарку, на забавы, на чытанне розных кніжак, не пазбягаў сустрэч і з суседнімі святарамі. Меў невялікі крэдыт і рэгулярна яго аплачваў. Ад розных ігр адвык і нават карт у доме не было. Адзіны смутак меў я ад смерці майго ксяндза Скаржынскага, маладога чалавека вялікай святасці. Памер ад сухот".

Касакоўскі пісаў, што час, які правеў у Воўпе, лічыць самым счаслівым у жыцці. Гаспадарыў ен тут 12 гадоў. Далей успамінае: "Новы касцел каштаваў 30 тысяч злотых і паставіў яго за свой кошт. Збудаваў памяшканні для ксяндзоў і гаспадарчыя пабудовы".

Мінулае ксяндза Касакоўскага добра вядома і трэба прызнаць, што быў ен здольным чалавекам, любіў пісаць і добра гаспадарыў.

Як вышэй узгадваў, воўпаўскі прыход быў багаты і сюды імкнулася многа ксяндзоў. Напрыканцы існавання Рэчы Паспалітай прыхадское дабро пераймае Віленскі ўніверсітэт. За 1799 г. прынес ен 6697 злотых і 20 грошай гадавога даходу. Меў 288 падданых сялян, у тым ліку 26 цяглавых і 89 чыншавых.

Старажытны касцел зараз налічвае больш за 200 гадоў. Пабудаваны прамавугольнікам з дзвюмя вежамі на квадратнай аснове, прылягаючай да галоўнага фасада, а таксама з двума трансептамі, укрываючымі капліцу Есць яшчэ малюткія вежачкі над трохкутным франтонам, а таксама над алтарнай часткай. Касцел па гарызанталі ашаляваны доскамі. Перад уваходам у касцел на высокіх пастаментах стаяць два, выразаных з дрэва анелы вышыней каля 2,5 метраў. Унутры касцела столь плоская, фарбаваная ў блакітны колер. Сцены таксама фарбаваныя, імітуюць цэглу. Апроч галоўнага ўвахода есць уваход у алтарнай сцяне, дзе два глухіх памяшканні з двума вокнамі кожнае.

Вакол касцела захавалася пара надгроб'яў, з якіх найцікавейшае надгроб'е-каплічка сям'і Гладкоўскіх. Стаіць побач з галоўным уваходам, пабеленая, масіўная, на квадратным падмурку і мае арыгінальны старамодны надпіс.

Крыніцы:

Парафіяльны архіў у Воўпе з кнігамі візітаў біскупаў.
Józef Balinski. Uniwersitet Wilęski. Kraków 1892.
Józef Korwin Kossakowski. Pamętniki. Kraków 1892
В. Чэрэшчатава. Воўпаўскі алтар. // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1977, № 1.

Воўпа ў датах 15-16 ст. ст.

1449.11.03. Лісты Казіміра караля і вялікага князя на вёску і двор ВОЎПА над ракой тым іменем названай знаходзячага і двор над ракой Сарнай і даннікаў Гудаўцы (Гудзевічы) званыя ў павеце гродзенскім размешчаныя – Алехна Судзімонтавічу лознічаму караля нашага яму даруе, а па смерці таго Алехны прызнаныя добра, калі без нашчадкаў ззыдзе, на караля альбо на яго нашчадкаў спадаюць (ЛМ, кніга запісаў 1 (1380-1584). Вільнюс 1998. С.84)

1483.07.23. Казімір, ВКЛ і КП возера ў фундушы ВОЎПЕНСКІМ, каля двара Дубна названага знаходзячага Алехнове Судзімонтавічу ваяводзе віленскаму, канцлеру ВКЛ вечна даровал (ЛМ, кніга запісаў 1 (1380-1584). Вільнюс 1998. С.74)

1492.02.13. Мікалай з Танчына разам з Алехнай з Косовы жонкай сваёю, каралю польскаму і вялікаму князю літоўскаму Казіміру палову сваіх добра айчынных ВОЎПА ў зямлі Гродзенскай знаходзячых за 1000 коп грошай шырокіх (у кожнай копе лічачы шырокіх грошай, як ў Празе), прадаў. (ЛМ, кніга запісаў 1 (1380-1584). Вільнюс 1998. С.71)

1492.10.21. Аляксандр ВКЛ даў і запісаў Зофьі жонцы князя Аляксандра з Гальшан добра княжаскія двор ВОЎПА, знаходзячы над ракой ў тым імені названай, з усімі і каждым пажыткам. (ЛМ, кніга запісаў 1 (1380-1584). Вільнюс 1998. С.83-84)

1517.06.29. Жыгімонт падцвярджае лісты караля Аляксандра, якія замыкаюць у сабе дараване добр княжаскіх, то есць двух двароў, аднаго ВОЎПЫ з замкам яго і мястэчкам, а другога каля ракі Сарны ў павеце гродзенскім размешчаных, Зофіі Алехны якогась Судымонтавіча матцы сваёй праз караля Аляксандра дараваныя і запісаныя (ЛМ, кніга запісаў 1 (1380-1584). Вільнюс 1998. С.85)

1518.29.7. У ВОЎПУ прыязджаў Мікола Гусоўскі, паэт-лацініст эпохі Адраджэння, каб напісаць завяшчанне Софіі Гальшанскай як «clerico premisliensis diocetis».

1522.11.14. Жыгімонт вялікі князь Паўлу біскупу луцкаму і брэсцкаму дазволіў і дапусціў мост пад ВОЎПАЙ над ракой Нёман збудаваць і паставіць(ЛМ, кніга запісаў 1 (1380-1584). Вільнюс 1998. С.89)

1533.12.06. Павел біскуп луцкі дараваў па смерці сваёй добра ВОЛПЕНСКІЯ І Дунілавічкія Жыгімонту каралю, нічога сабе і нашчадкам там не пакідаючы (ЛМ, кніга запісаў 1 (1380-1584). Вільнюс 1998. С.85)

1534.07.13. Жыгімонт кароль і вялікі князь пакідае да жывота Паўла біскупа луцкага на добрах ВОЎПЕНСКІХ і Дунілавіцкіх, якія той біскуп ужо пярвей каралю дараў быў, але правам дзедзічным ад яго дастаўшы поўнасцю захаваў (ЛМ, кніга запісаў 1 (1380-1584). Вільнюс 1998. С.84-85)

1547.04.18. Павел біскуп Віленскі Жыгімонту каралю запісвае 10 000 коп манеты літоўскай на добрах ВОЎПЕ і Дунілавічах, якія ўжо яму дараваў дажывоцем іх каралеўская міласць перад тым, а для безпечэнейшага права і перасцярогі запісуе каралеўскім мосцям, каб пасля яго смерці, калі кароль не можа атрымаць добра, так мелі гэтую сумму (ЛМ, кніга запісаў 1 (1380-1584). Вільнюс 1998. С.86)

1551.12.27. Віленскага біскупа Паўла тэстамэнт, якім ён каралю Польскаму і вялікаму князю Літоўскаму Жыгімонту Аўгусту перадае пасля смерці свае добра ВОЎПУ (сярод іншых) з вёскамі і фальваркамі (ЛМ, кніга запісаў 1 (1380-1584). Вільнюс 1998. С.32).

Выявіў і запісаў Генадзь Семянчук

Дзіцячыя гады на роднай зямлі

Вітальд Карпыза

Працяг успамінаў. Пачатак у № 1 - 3.

Бацькіна хата Вітальда Карпызы ў весцы Занцавічы. Малюнак Вітальда Карпызы

Аднойчы атрымалі з Сербіі ад бацькі ліст. Ен пісаў, што там жыве і збіраецца ў Польшчу. Мы акрыялі духам. Праз месяц, калі прыйшоў са школы, застаў у хаце бацьку, які сядзеў на канапе. Паводзіўся да яго нясмела, бо амаль яго не памятаваў. Схаваўся за маці, якая падштурхоўвала мяне да бацькі, каб павітаўся з ім. Бацьку было каля 45 гадоў. Паводзіў сабе проста, па вайсковаму, што падкрэсліваў цывільны касцюм колера хакі з нейкай адзнакай на левай кішэні.

Мама не магла змірыцца, што бацька прыехаў толькі з адной невялікай паклажай, празванай "чамаданчыкам", капелюшам, сціплым асеннім паліто і лысінай. І гэта ў той

час, калі яна прывезла з Растова аж 5 вузлоў рэчаў. Аднак той чамаданчык на нейкі час стаў для мяне прадметам маіх уздыхаў, бо ў нім знаходзіліся два альбомы з паштовымі маркамі, бацькавы ўзнагароды - тры афіцэрскіх крыжа Святога Георгія, ордэн Святога Станіслава, ордэн Святой Анны і яшчэ нейкі бельгійскі крыж, пара камплектаў бялізны і шкарпэтак, а таксама таямнічы паслужны спіс. Найбольш нараканняў з боку мамы дасталося паліто, якое было кароткае, глыбока падагнана па таліі і напэўна перароблена з вайсковага плашча. Бацька апраўдваўся, што ў Заграбе, дзе ен у апошні час жыў, такі фасон быў самым модным.

Добра не памятаю пра бацькава жыцце ў эміграцыі. Памятаю, што спачатку асеў у Харваціі, дзе навучыўся плесці з лазы кошыкі і крэслы, дзякуючы гэтаму і жыў. Спроба рабіць гэта ў Зіняўцах не ўвянчалась поспехам. Бацькі пераехалі ў Занцавічы, а я застаўся ў бабці каб закончыць другі клас школы.

Прозвішча Карпыза даволі рэдкае. У Занцавічах насілі яго некалькі сем'яў, але жыхары гэтай вескі не часта ўжывалі яго, замяняючы на Мацвейчык або Мацейчык. Праглядваючы касцельны архіў у Рэплі, я разгадаў гэтую загадку. Пад 1764 годам у спісе парафіян фігурыраваў Мацей Карпыза з жонкай Ганнай. Ад яго Карпызаў і пачалі зваць Мацвейчыкамі. Хучэй за ўсе, згодна старога звычаю яны пахаваны на дзікіх, непасвенчаных могілках, празванымі Гаік, бо сенняшнія могілкі існуюць толькі ад пачатку 19 ст. Падобных могілак у наваколлі Занцавіч некалькі: Тураў, Словікі, Жарна, Альхова. Такія вясковыя пахаванні заканчвалісь памінкамі з выпіўкай. Віленскія сіноды 1669 і 1795 гадоў дарэмна забараняли рабіць могілкі па пагорках і лясах, а таксама памінкі с п'янкай.

У старыну абок вескі Занцавіч стаяў фальварак з той самай назвай, што і веска. Уладальнікамі фальварка былі спачатку Калянкевічы, пазней арэндаваўся Крукоўскімі. Фальварак стаў прычынай раздору паміж Калянкевічамі і Гзоўскімі з Цярэшак. Усе скончылась наездам Калянкевічаў на Цярэшкі і забойствам Сцыпенаўны. У гэтым разбоі браў удзел нейкі Карпыза. Было гэта каля 1768 года.

Мой дзед, Ян Карпыза, належаў да найбагацейшых у весцы сялян. У 1873 г. купіў у Ігната Калупайлы, уладальніка Краснага Груда, пусташ пасля памерлых сялян і стаў уладальнікам двух валок зямлі. Было ў яго восем дзяцей. Петр выбраў вайсковую кар'еру, Міхал стаў гаспадарыць на зямлі, Марыя пайшла замуж за Адамовіча ў веску Зубаўшчызну, Адам загінуў на Першай сусветнай вайне, Ганна пайшла замуж у веску Духаўляны, Антаніна пайшла за Аляскевіча ў веску Зубаўшчызну, Міхаліна пайшла замуж за Шыдлоўскага ў веску Альхова, пра Юзэфа не ведаю.

Калі прыехаў мой бацька, ягоны брат Міхал прыняў яго добра. Абшырныя сенцы, якія праходзілі праз усю хату, перагарадзілі папалам і замест задніх дзвярэй зрабілі акно. Такім чынам атрымалась памяшканне ў 7 або 8 квадратных метраў. Зямельны ўчастак Міхаіла падзялілі пароўну. З гэтай паловы адна частка засталася ў нас, а другую аддалі дзецям Адама – Юзэфу і Пятру. Даў нам карову і жарабца, які цікавіў мяне больш за ўсе.

Мінула вясна, а я ўсе яшчэ заставаўся ў бабці, каб закончыць школу. Мяне і бабцю цікавілі Занцавічы. Аднойчы сабраліся і пайшлі туды. Першы адпачынак зрабілі на тракце ў Шніпаве. Бабця цяжка сапела і са слязамі на вачах глядзела на белыя сцены сядзібы і на руінах карчмы. У гэтай сядзібе яна некалі жыла, а ў гэтай карчме пазнаеміліся мае прабабка і прадзед. Расказала мне пару цікавых анекдотаў. Разам пасмяяліся і пайшлі далей.

Мама здзівілася нашаму прыходу. Якраз мылася ў сваім кепска абстаўленым памяшканні. Шырока адчыненае акно смярдзела свіным навозам, бо якраз за акном знаходзіўся хлеў. Праз шчыліну занавешаных дзвярэй разам з сонечным праменем у хату ўрываўся рой разбуджаных мух. Па сярэдзіне тока квахтала спуджаная курыца, аснова гаспадаркі. Я застаўся ў Занцавічах.

Палавіну хаты займаў Міхал з сынам Габрыелем і ягонымі дзецьмі. Аматарскі займаўся сталяркай, пляценнем вяровак, пчалярствам, збіраннем і саленнем грыбоў, пляценнем кошыкаў і нарыхтоўкай іншых розных патрэбных у гаспадарцы дробязей. Габрыель меў ужо некалькі дзяцей: 12-гадовую Марыю, якая ў хуткім часе памерла, 8-гадовага Віктара, 5-

гадовага Юзэфа і аднагадовую дзяўчынку, імя якой не памятаю. Віця стаў маім першым таварышам па забавах. У школу не хадзіў, меў многа здольнасцей, а менавіта штосьці майстраваць. Ен быў маім праваднікам для знаемства з мясцовай спецыфікай і атмасферай.

Да цікавых летніх здарэнняў належаў пажар мураванага кароўніка ў Красным Грудзе, які пасля памершых Калупайлаў перайшоў ва ўласнасць Браніцкіх з Росі. У весь час Патоцкі знаходзіўся ў парцэляцыі, а ягоным наглядальнікам і пасрэднікам у Красным Грудзе быў Лявон Карпыза з Занцавіч. Пажар выбухнуў раптам. Збеглася мноства людзей з суседніх весак. З Росі прыехаў адміністратар Шашкевіч. Калі кароўнік дагарэў, у раздзертай на грудзях кашулі наляцеў Лявон. Ен кінуў шапку аб зямлю, біў сябе ў грудзі, качаўся па зямлі, стараючыся ў вачах сабраўшыхся апраўдаць свой недагляд.

Лявон грамадскасці ўвагі не ўдзяляў. Не бачна яго было на грамадскіх працах, але моцна прычыніўся да вяртання каталікамі касцела ў Вярэйках, які ў свой час быў перароблены на царкву. У гэтым яму вельмі памагалі Антон Мялешка з Цярэшак, Фабіян і Эдвард Кавальчукі з Вярэяк і Бутрым з Словікаў. Пасвянчэнне касцела адбылася 8 мая 1921 года. Менавіта гэтай справай Лявон стаў папулярным. У кароткім часе закупіў у Шніпаве 40 гектараў зямлі і выехаў з Занцавіч.

Канікулы, якія я праводзіў у Занцавічах, былі не вельмі цікавыя, але вельмі каляровай карцінай у дзіцячых вачах. На першым плане заўжды быў Віктар, якога, як і мяне, называлі Віцем. Мышкавалі мы з ім усюды, не выключаючы палеў, лясоў і Краснага Груду. Каронай нашай забавай было падрыванне застаўшыхся па войнах вайсковых рэчаў. Свіст куль і рэха выбухаў захоплівалі ў нас дух. Тады нас з папругай у руцэ сустракаў Габрыель, а мы хаваліся ў садзе, адкуль вярталіся з кішэнямі, поўнымі садавіны.

Кожны з нас валодаў скарбам, складаўшымся з рознага роду патронаў, якія захоўвалі ў сакрэце па пакрытых кустамі пагорках, у крапіве і пяску. Віця добра вырабляў самапалы з драўлянай рукаяткай, якія былі прыладкаваны для аднаразовага ўжытку і пасля выстрала ў руцэ заставалася толькі заноза. З паходу ў Красны Груд, з папялішча, прыносілі цвікі, выкоўваючы з іх ножыкі і долаты. Былі мы ў тых гадах, калі хацелася нешта майстраваць. Віця вельмі любіў спяваць беларускія песні. З польскіх умеў толькі дзве: “На Подолу камень лежы” і “Сам се Галлер дзівовал”.

Другім таварышам па забавах, меней па сэрцу, а болей па суседству, быў Эдзя Станкевіч, сірата, але ўладальнік добрага кавалка зямлі. Выхоўваўся дзвюмя цеткамі-калекамі, а гаспадарку абрабляў парабак, прыстойны франт. Эдзя быў меней сардэчны і больш з’едлівы. Крытыкаваў мае гарадское ўбранне, а больш за ўсе яму не падабаўся мой белы капялюш і нават злажыў пра яго насмешлівае двусцішша.

Для выпаса быдла на сцярне і няўжытках веска наймала пастуха. Плаціла яму па паўтара пуда жыта ад каровы, па калейцы карміла і давала “калейніка” – памочніка. Раз у месяц выпадала дапамагаць пасвіць кароў і нам. На світанку пастух грукаў у ваконную раму і патрабаваў:

– Калейнік!

Дрыжачы ад холаду, я апранаўся ў цеплую адзежу, выходзіў на шырокую вуліцу, дзе пастух гучным голасам ужо крычаў:

– Выганяй кароў!

З хлявоў выганялі кароў. Кожны гаспадар абавязаны быў праводзіць сваю карову да выгана, дзе аддаваў яе пад апеку пастуха. З усіх заняткаў, якія выпадалі мне ў Занцавічах, адбыванне калейкі належала да найбольш нудных і нелюбімых.

Наша зямля складалася з трох кавалкаў з трыма вялікімі крушынамі, старой ігрушай на мяжы і невялікім бярозавым гайком на краі. Зямля цягнулася вузкімі палосамі даўжыней з кіламетр: адна паласа шла ад самых хлявоў да лесу Тураў, другая да лесу Крэчкаўшчызна, а трэцяя – пад веску Словікі. На канцы трэцяй паласы правялі эксгумацыю польскага жаўнера, які загінуў у 1920 г.

Іншыя падрабязнасці жыцця ў Занцавічах апішу пазней, калі буду распавядаць пра

часы навучання ў школе ў Вярэйках. Тым часам надыйшла восень, і я быў прыняты ў трэці клас у Росі. Пражываў у цеткі Скаўронавай на цэментным заводзе. Над Россю дамініравала царква, пабудаваная на пагорку з цемна-жоўтай цэглы, і маніла да сябе жоўта-нябескім колерам купалоў. Як бы вынырвала з буйнай зелны утыканай белымі і чырвонымі плямамі домікаў. Такім бачыў мястэчка кожны чалавек, які набліжаўся да яго з боку вескі Станкаўцы або Краснага Сяла. Мінаваўшы Станкаўцы, уваходзіў пад цень гары, пакрытай плашчом маладых сасенак, над якой узвышаўся крыж. З"яўляўся мелавы кар'ер, а на другім баку капціла смалярня. У мястэчка праводзіла вуліца Агародная, даўнейшая веска, густа забудаваная драўлянымі домікамі, якія, быць можа, памяталі яшчэ часы яцвягаў, аб чым можа сведчыць прозвішча жывучых тут мяшчан: Крэчкі і Дайновічы. Сярэдзіну мястэчка займаў небрукаваны, пашкоджаны калеямі, рынкавы плац. З поўначы да яго прытуляліся белыя муры касцела і званніцы, якія старалісь прабіцца да плаца праз акружаючую зеляніну.

Граф Стэфан Браніцкі не жадаў каб царква засланяла сабой від на касцел, і калі будаўнічы царкоўны камітэт прыйшоў да яго прасіць паразумення, згадзіўся на тых умовах, што царква будзе пабудавана не ў самым цэнтры ля плаца, а трохі збоку.

Цэментны завод у той час перажываў крызіс. Частку працоўных прыйшлося звольніць, і мой дзядзька Скаўрон вымушаны быў задаволіцца пасадай швейцара, але затое захаваў службовае памяшканне. Гэта быў ахайны, асобна стаячы домік з трыма пакоямі , кухняй, ваннай і карыдорам. Прабыванне на цэментным заводзе ўспамінаю з прыемнасцю. Гарадскія ўмовы, як у Растове, гаспадарлівая цетка, якая трохі павучала мяне, але адносілася як маці да свайго сына. Дзядзьку з даўніх часоў памятаю за чытаннем у абед газеты. Іх сын Генек, не гледзячы на эканамічны крызыс, вучыўся ў ваўкавыскай гімназіі. Дачка Янка выйшла замуж за Антона Савіцкага і пражывала разам з мужам у іншай весцы. Другая дачка, Ванда, пайшла ў школу ў цэментным заводзе. Гэта была малая школка з адзіным настаўнікам. Я ж павінен быў хадзіць у школу ў Рось.

Наймілейшым для мяне заняткам было прагляданне старых, пераплецены гадавых камплектаў "Тыгодніка Ілюстраванага". Гравюры каралеўскіх саркафагаў, партрэты народных герояў і рэпрадукцыі карцін яшчэ тады накіравалі маю цікавасць да гісторыі.

Генек захапляўся харцэрствам. Аднойчы прывеў з Ваўкавыска свой атрад. Харцэры разбілі наметы ў саду Міклашэўскіх. З здзіўленнем і зацікаўленасцю прыглядваўся да іх прыгожага знешняга выгляду. Тады яны насілі гранатавыя кароткія штаны, зяленыя з палосамі блузы і скаўтскія фетравыя капелюшы. Найбольш падабаліся прышпіленыя да рамяня злевага боку пук каляровых тасемак, якія гаварылі аб належнасці да таго або іншага атрада. Вітак Міклашэўскі чараваў густым валоссем на каленях. Мая сяброўка Татарчык, з якой пазней разам працаваў, расказала мне, што гэта было повадам захаплення ў харцэраў.

Падчас свята Божага Нараджэння дзядзька Скаўрон узяў з цэментнага завода каня і прывез нас у Вербава да Іваноўскіх. Сяброўства з Іваноўскімі засталося ў яго яшчэ з часоў сумеснай службы ў памешчыкаў Ельскіх у іх маентку Хацькоўцы. У Вербаве жыла выключна засцянковая шляхта. Іваноўскія абсталявалі свае памяшканні старасвецкай мэбляю з цяжкімі чырвонымі парцьерамі на вокнах і дзвярах і мноствам сямейных рэліквій. Назад добра зробленыя сані хутка неслі нас праз заснежаны лес, а па-над верхавінамі сосен лунналі агеньчыкі завадскіх лямп.

Да школы ў Росі было не меней двух кіламетраў. Мае сябры: Ванда Буханава, Антон і Эдвард Скібіцкія. Дапамог мне ўладкавацца ў тую школу ксендз Фердынанд Гайковіч. Весткі аб гэтым ксяндзу разносіліся далека за парафію. Гэта быў нэрвовы чалавек. Нізкага росту, шчуплы, пастрыжаны пад вожыка, хадзіў з вялікай палкай і непакрытай галавой. Палка ў яго педагогіцы грала важную ролю. На споведзі ў парафію ездзіў часта і ахвотна. Палку пакідаў з вонку спавядальні, каб праз пару хвілін выскачыць з яе і палкай "паправіць" постаць спавядаемага. Ахвотных спавядацца ў яго было мала, бо баяліся. Пазней адзін з маіх вучняў успамінаў: "Ксендз Гайковіч быў вельмі нервовы. Пару дзесяткаў хлопчыкаў і дзяўчынак пайшло да камуніі без споведзі, бо ўсе баяліся, што выскачыць з спавядальні і дасць па

мордзе або надзярэ вушы".

У настаўніцкую трэба было прайсці праз наш клас, а таму хутка ведаў усіх настаўнікаў. Дырэктарам школы тады быў Камінскі, той самы, хто пасля вайны ўзначаліў камітэт па рэпатрыацыі ў Ваўкавыску. Наш трэці клас вяла пані Валашова, жонка чыгуначніка. Любіў яе моцна, а больш за ўсе лекцыі па гісторыі, якія ў яе выкананні былі проста захапляючымі. Расказвала і пра Пілсудскага. Асобы, пра якіх яна распавядала, мне падаваліс нябожчыкамі. Таму мяне вельмі ўзрушыла, калі аднойчы праходзячы праз наш клас дырэктар крыкнуў: "Нех жые Пілсудскі"! Ішоў 1926 год.

У роскай школе вучыліся палякі, беларусы і яўрэі. У маім класе вучыўся Аляксандр Грудзінскі, будучы мой швагер. Іншых вучняў з гэтага класа ўжо не памятаю. Тут жа абок школы стаяла хатка Валчэцкага. Дах на ей парос мохам і ў некаторых месцах датыкаўся зямлі. Адзінае бадай аконца бліскацела паміж дахам і астрамі. Валчэцкі з прыгожым завостраным тварам, але пакалечаны і гарбаты, часцяком хадзіў з вязанкай ламачча на спіне. У руках трымаў далека выцягнутую перад сабой кульбу, ідучы ў кампаніі коз і смярдзячага казла, тым самым правакуючы дзяцей на дураслівасць. Быў баптыстам або вывучаў святы ліст. Адносіны паміж вучнямі і ім пагаршала ігруша са смакавітымі пладамі. Здавалася, што хатка і пан Валчэцкі будуць вечнымі. Нават потым ажаніўся.

У доме на вуліцы Цэментнай, аточанай садам, жылі манашкі. Мой сусед па школьнай парце, падгадаўшы адпаведную хвілю, забраўся да ніх у сад і ўлез на раннюю папяроўку. Аднак пацярпеў няўдачу. Брамка скрыпнула і на сцежцы ля яблыні паказалась манашка. Усе бало б у парадку, каб гэтая манашка не вучыла яго рэлігіі, пры гэтым мовячы:

- Калі мяне дзе-небудзь сустрэнеце, то абавязкова гаварыце:"Нех бэндзе пахвалены Езус Хрыстус!" Злодзей, схаваны ў густых галінах яблыні, змагаўся з уласным сумненнем. Прыняць рашэнне належала хутка, бо манашка ўжо мінала яблыню. І раптам з вышыні яблыні пачуўся салодкі і несчаслівы галасок:

– Нех бэндзе пахвалены…

Забавай для нас было сустрэцца з Шэйнаю, несчаслівай, але небяспечнай вар'яткай. Кожнае мястэчко на крэсах мела сваіх Шэйнаў. Хударлявая, яшчэ маладая, пралятала па вуліцы як тая маланка. Заўжды была нечым незадаволена і агрэсіўная. Дзеці атакавалі яе і пачыналі кідаццца камнямі. Час ад часу знікала з Росі на пару месяцаў, тым болей нас узрушваў нечый крык:

– Шэйна!

Дзеці збягаліся з усей вуліцы, каб перапыніць ей дарогу і зачапіць або хоць пабачыць яе.

Роскім войтам тады быў Вітальд Вербель, які паходзіў з вескі Невяроўкі. Дзядзька Вітальда гаспадарыў на зямлі, другі працаваў ляснічым, а ягоны бацька раней працаваў у Росі фельдшарам, але раптам памер. Выхаваннем застаўшыхся дзяцей Вітальда і Адэлі, занялася маці, Гелена з роду Крэчкаў з дапамогай дзядзькі Ігната, які вывучыў Вітальда. Вітальд скончыў марскую школу ў Адэсе. Пачаўшаяся Першая сусветная вайна загнала яго ва Усходнія Прусы, дзе пацярпела моцнае паражэнне расійская армія Самсонава. З жахам успамінаў ен тую вайну, якая падарвала ў ім веру ў "бацюшку цара" і ў расійскае войска. Вярнуўся ў Рось. Пачуўшы аб кастрычніцкай рэвалюцыі, вывесіў на сваім доме чырвоны флаг. Быў сацыялістам і такім застаўся да канца жыцця. Падчас польска-бальшавіцкай вайны ўступіў у польскае войска як спецыяліст па бронецягніках і дaслужыўся да капітана. Пасля вайны дэмабілізаваўся і нейкі час застаўся без працы, спачатку ў Варшаве, а потым у Росі. Буйнае жыцце першых гадоў незалежнай Польшчы зацянула яго цалкам. Прамоўцам быў кепскім, але аргументы ў яго былі цікавыя. Крыцікуючы сваіх апанентаў, любіў ужываць прымаўку:

– Гэта тая ж самая світа, толькі інакш пашыта.

Пазней у роскай гміне яго абралі войтам і на гэтай пасадзе заставаўся каля 15 год, аказаўшыся справядлівым і паслядоўным чалавекам. У 1939 г. быў трэці раз за свае жыцце

прызваны ў войска, каб забітым праз бальшавікоў назаўжды спачыць у Катыні. Да гэтай цікавай постаці буду ў сваіх успамінах яшчэ не раз вяртацца, бо к таму ж Вербель быў жанаты на маей цетцы Соф'і.

Школьны год падышоў да канца. Атрымаў дазваленне перайсці ў наступны, чацверты клас з вельмі добрымі вынікамі. Прыехала мама і забрала мяне ў Занцавічы. Пад'язджаючы да вескі, міналі малы, але цікавы лес, празваны Турам. У ім знаходзіліcь могілкі, густы маліннік і старыя грабы. На бронзавым дыване лісцяў раслі агромныя белыя грыбы, празваныя храшчамі (грузді. – Заўвага рэдактара), якія дзяцька Міхал збіраў і саліў у бочцы, каб пазней бруднымі рукамі выцягнуць той ласунак і пачаставаць гасцей. Уражаны госць браў смярдзячы і ліпкі грыб у рукі, і каб не пакрыўдзіць гаспадара, геройскі клаў яго ў рот. Аднак мама сцвярджала, што вымачаныя і засоленыя храшчы вельмі смачныя. Тут жа пры грыбах на невялікім пагорку прытуліліся пахнучыя суніцамі і кішачыя змеямі могілкі. Сярод высокай, па калені травы траплялі долы і наваленыя каменні.

На выхадзе з таго лесу адкрываўся від на вескі Курапаты, Красны Груд і Занцавічы. Штосьці ў гэтай карціне за час маей адсутнасці змянілася. У Красным Грудзе пазразалі ліпы. Цэлая сцяна векавых дрэў, сцерагучая краснагрудскія таямніцы, лягла пад сякерамі і піламі яўрэйскіх купцоў. Зараз у тым баку бліскацела пакрытая бляхай сядзіба, а на канцы алеі не было ўжо старадаўняга ламусу. Узрушаны такімі пераменамі, уваходзіў у збяднеўшую на прыгожасць веску. Пес Бобік мяне не пазнаў – гаўкнуў пару разоў і залег на другім баку вуліцы. Курыца па мянушцы "Шуйчыха", празваная так ад прозвішча былой гаспадыні, падняла адну нагу, і застыўшы на месцы, звярнула пільнае вока ў мой бок. Паставіўшы нагу на ганак, убачыў на дзвярах чырвоную шыльду з белым польскім арлом і надпісам: "Солтыс". З-за вугла свяціліся зацікаўленыя вочы Віці.

Мой бацька стаў солтысам. У часы першай нямецкай акупацыі солтысам быў іншы вясковец – Чэслаў Навіцкі. Пасля ягонага праўлення засталася люлька, якую не вымаў з рота, картуз на галаве і пара нямецкіх слоў. З картузам таксама ніколі не разлучаўся. Кожны пазнейшы солтыс падражаў яму, і каб нават выскачыў голы на вуліцу, то абавязкова не забыўся б начапіць на сябе прыкмету ўлады – картуз. Перад тым, як солтысам стаў бацька, гэтую пасаду займаў Бенядзікт Майсак – худы, чарнявы, з закручанымі дагары вусамі. За царом скончыў нейкую школу, бо бегла чытаў і пісаў па-руску. Наогул, пісьменных людзей у весцы можна было пералічыць на пальцах адной рукі, што не перашкаджала трымаць у многіх хатах кніжку для набажэнства, якую часцяком трымалі "дагары нагамі". Той жа Майсак, апроч таго, што быў солтысам, вядомы быў сваімі залетамі да сястры Лявона. Веска чакала, чым гэта скончыцца: або Майсак перайдзе ў каталіцызм, або Лявоніха на праваслаўе. Лявоніха перайшла на праваслаўе. Бенядзікт хутка памер.

Бацька гаспадарыў на зямлі. Мелі толькі аднаго каня і шукалі супрацоўніка. Ім зрабіўся Пятрук Прымачок (па-сапраўднаму Петр Болдак, а Прымачком назвалі таму, што пасяліўся на жончынай гаспадарцы). Супрацоўніцтва было ў тым, што разам запрагалі двух каней для апрацоўкі поля спачатку аднаго гаспадара, а потым другога. Раніцай каня пас бацька, але папалудні, калі конь быў свабодны, такая роля выпадала мне. Папас знаходзіўся далека за вескай. Вечарам, калі коні наядаліся, рваліся дадому як шаленыя. Эдзя і Віця, збіраючыся пасмяяцца з мешчаніна, пускалі сваіх каней галопам і з дзікімі крыкамі. Я скакаў на сухім жарабцы Сіўцы, як рыба на патэльні, а на павароце злятаў з каня ў прыдарожныя кусты і лапухі.

Бацька любіў парадак – аднавіў садовую агарожу, забрукаваў частку вуліцы насупраць нашага ўчастка, што падштурхнула нашых суседзяў да таго ж самага. У доме сядзеў рэдка і гасцей не прымаў. Тут гаспадарыла маці. Дасціпная, вяселая і яшчэ маладая. Заўжды штосьці шыла на машынцы і забаўляла размовамі рэдкіх суседак, якія прыходзілі папляткапыць. Найлепш памятую бацьку ў тыя часы, калі прыходзіў на другі сняданак. Садзіўся ў тарцы стала, вялікім сербскім нажом-сцізорыкам краіў хлеб і суровае сала. Далей нанізваў кавалак сала на канец нажа, і, залажыўшы нага за нагу, з'ядаў. Гаварыў, што так робяць ваенныя. У нядзелю выцягваў з валізкі тоўсты сшытак, куды ўпісваў нейкія лічбы па сваіх солтысавых

справах. Потым браў скураны рамень, вастрыў аб яго зінгераўскую брытву і галіў густую шчаціну. Рухі брытвы суправаджаліся скрыгатаннем падобным да таго, як каса косіць сухую траву. У нядзелю перадпалудзены час прысвячаў філатэліі. Зборы марак мясціліся ў двух альбомах, сваімі рукамі зробленых з абертачнай паперы. І медалі і вайсковы паслужны спіс, якія захоўваліся разам з альбомамі, у час апошняй вайны згінулі. Мама, навучаная горкім вопытам, баялася вайсковых рэчаў. Захаваліся толькі залаты і срэбраны крыжы Святога Георгія. Да сенняшняга дня шкадую, што не зберaглі той дакумент, бо дакладна не ведаю аб вайсковай службе майго бацькі.

Мама, акрамя гадоўлі двух курэй, не займалася гаспадаркай. Хварэла на сэрца. Цэлымі днямі сядзела за швейнай машынкай, шыючы мясцовым дзяўчатам блузкі. Заробленыя такім чынам грошы ішлі на аплату наемных працаўнікоў і закуп гаспадарчых рыштункаў. Папляткарыць найчасцей заўсіх прыходзіла Людвіся, жонка Юзафа Карпызы. У часы Першай сусветнай вайны Юзаф служыў у польскіх легіонах, што моцна ўразіла веску. За гэту службу ен атрымаў у наваколлі Шніпава 12 гектараў зямлі. Аднак сродкаў, каб яе апрацаваць, не меў, таму мусіў большую яе частку прадаць, пакінуўшы сябе толькі васьмую частку. Людвіся паходзіла з Духаўлян, дзе памешчыкам быў Богдан Залутыньскі – вядомы кавалер і багаты магнат. Духаўляны – старая панская веска, дзе сяляне некалі павыміралі. Уладальнік засяліў яе на нова і назваў Духаў Ланы, пазней празваная Духаўляны. Залутыньскі праязджаў на ўласнай машыне праз Занцавічы, тым самым вызываючы ў вяскоўцаў страх і адначасова зацікаўленнасць.

Гаспадаром Залутыньскі быў кепскім, і пісьменнік Ванькові узгадвае, што аднойчы за даўгі ў Залутыньскага ваўкавыская ўлада апісала той самы самаход, наклаўшы на кола самахода пломбу. Раз”юшаны Залутыньскі вырашыў пажартаваць з уладай. Асцярожна, каб не парушыць пломбы, зняў кола і паставіў новае. Прыехаўшы на самаходзе ў Ваўкавыск, стаў каля будынка банка і пачаў гудзець клаксонам. Калі ўпэўніўся, што яго заўважылі, спакойна вярнуўся дамоў і паставіў кола з бломбай на месца. Хутка ў Духаўляны прымчаліся дзяржаўныя служачыя, каб пакараць Залутыньскага. Аднак самаход стаяў на месцы і пломба была непарушаная. Гаспадар паведаміў ім, што служачыя напэўна былі нецвярозымі і бачылі не яго, а галюцынацыі.

Працяг будзе

Волковыск межвоенный

Николай Быховцев

Торговля

Издавна повелось, что центр городской торговли размещался на рынке. В Волковыске рынок находился на окончании улиц Широкой (Ленина) и Костюшки (Советской) на месте нынешней площади Ленина. Узкий рынок городская рада построила еще при царе в конце 19 века, по моде того времени – гостиного двора с кирпичными торговыми палатками, образующими форму наподобие буквы «П». В торговые дни по вторникам и четвергам в Волковыск на рынок съезжались подводы с товарами со всего повета. Почему именно во вторник и четверг, а не в субботу и воскресенье, как сейчас? Торговля подчинялась религиозным правилам. Дело в том, что у евреев, являющихся в то время основными хозяевами торговых палаток и магазинов, суббота (по-еврейски – шабат) считается выходным днем и религиозным праздником – Шабаш, во время которого всякая работа, в том числе и торговля, запрещена религией. А без евреев торговля не торговля – продать и купить товары было затруднительно. Воскресенье – выходной день для христиан, когда верующие посещали храмы. В воскресенье и в государственные праздники торговать запрещалось самим государством.

16 марта 1926 г. старостой Волковыска К. Еустахевичем было выдано распоряжение по Волковысскому повету, строго регламентирующее время торговли. Распоряжение основывалось на документе Министерства труда и социального обеспечения от 23 июня 1923 г.

В первом параграфе распоряжения волковысского старосты указывалось, что магазины с ларьками, а также все остальные торговые предприятия, находящиеся на территории Волковысского повета, за исключением хлебных магазинов, в будние дни должны работать по следующему графику:

а) с 1 апреля по 30 сентября должны быть открыты с 8.00 до 18.00;

б) с 1 октября по 31 марта должны быть открыты с 8.30 до 18.30, т. е. в течение 10 часов и без перерыва на обед.

Второй параграф гласил:

а) хлебные магазины в период с 1 апреля по 30 сентября открыты с 7.00 до 17.00;

б) хлебные магазины в период с 1 октября по 31 марта открыты с 7.30 до 17.30 в течение 10 часов и без перерыва на обед.

Третий параграф указывал режим работы столовых:

Столовые, рестораны, кондитерские, кофе, молочные магазины, пивные, магазины по продаже вина, магазины по продаже меда, закусочные, бары, общественные кухни, буфеты, шинки, трактиры, корчмы – должны быть открыты в будние дни:

а) с 1 апреля по 30 сентября с 7.00 до 23.00;

б) с 1 октября по 31 марта с 7.30 до 24.00.

Четвертый параграф регламентировал работу торговых организаций в воскресенье и праздничные дни:

а) все виды столовых, указанных в третьем параграфе могут работать в те самые часы, что и в будние дни;

б) киоски и будки, в которых продают для употребления на месте содовую воду, минеральную воду и другие холодные напитки, сладости и овощи, в которых не продают других товаров, могут быть открыты в воскресенье и праздники;

в) цветочные магазины и магазины с похоронными реквизитами могут быть открыты

в воскресенье и праздничные дни с 7.00 до 10.00;

г) в местах общественного гуляния в праздничные дни может производиться продажа сладостей, овощей, цветов, табачных изделий с 8.00 до 14.00;

д) киоски с газетами и журналами с 8.00 до 14.00.

Вышеуказанным предписаниям не подлегает работа аптек. Виновные в нарушении режима работы подлежат судебной ответственности [1,с.5].

Самое примечательное в этом графике работы магазинов, то, что для удобства покупателей они работали без перерыва на обед и всяких санитарных дней, выдуманных потом при советской власти. Пусть читатель обратит внимание и на распорядок работы множества торговых точек, открытых до 24 часов. Режим работы торговли максимально подстраивался под запросы и удобства клиента.

Вот как описывает рыночный день в Волковыске в 1930-е годы Здислав Янота Бзовский, бывший житель Волковыска и автор книги о 3-ем полку конных стрелков из Волковыска – «Воспоминания конного стрелка»:

«Город оживал, когда на базар со всех околиц местный народ съезжался на малых повозках, запряженных в такие же малые лошади. Привозили куски масла, выделанные в ручных маслобойках, яйца, куры, гуси, индюки, овощи, мешки с зерном, намолоченным цепами, и разные другие продукты со своих небольших хозяйств. Крестьяне в кожаной обуви, в холщовых льняных штанах и рубахах, или в рубашках с высоким воротником поверх штанов, стояли возле своих подвод и смолили махорку в люльках из вишни или закрученную в кусочек газеты. Махорку доставали не спеша, двумя пальцами, с небольших металлических коробочек, припрятанных за пазухой с такой осторожностью, чтобы не уронить ни одной крошки. Их жены с детьми, убранные в цветочные платки, купленные в «едвабных» – шелковых магазинах, в шерстяных платках, накинутых на плечи, несмотря на пору года, в собственноручно изготовленных юбках торговались с местными покупателями.

На торговой площади в этот день властвовали оживленное движение и разговоры. Переплетались белорусский, польский и еврейский языки. Приведенные на убой коровы, которых ощупывали мясники, громко мычали. Свиньи, лежащие в завязанных конопляных мешках, подскакивали в них и жалостно визжали, а боровы, лежа на подводах, только постанывали. Над толпою людей и животных носились стаи мух, ос и пчел, лакомых до меда с деревенских пасек, привезенного в горшках и закрученных в льняное полотно.

...Семечки с подсолнуха очень тут любили. Крестьяне в перерывах между курением, не переставая, грызли семечки, выплевывая шелуху на мощеную площадь.

... Их мусор вместе с конскими «бобками» и коровьими «лепешками», остатками соломы и сена подметали вечером, когда все разъезжались» [2].

Палаток в торговых рядах на Рыночной площади или по-другому – магазинов, имелось 74. В 1928 г. в них торговали следующими товарами: продуктовыми товарами – 9 магазинов, бакалейными – 11, свежим мясом – 15, текстильными изделиями – 10, мануфактурою – 2, обувью – 6, готовой одеждою – 5, головными уборами – 3, кухонной посудою – 2, железными изделиями – 6, веревками и канатами – 1, табачными изделиями – 1, невыделанными шкурами – 2, зерном – 1 [3].

В начале 1930-х годов в Волковыске оборудовали новый рынок, где он находится и по сегодняшний день. Именно тогда на Рыночной площади запретили ставить коней. Ставили их уже на новом рынке.

Однако торговля не прекращалась и в обычные не базарные дни. Многочисленные торговые палатки на Рыночной площади, мелкие и крупные магазины на улицах города работали для покупателя, как было сказано выше, с утра до вечера и без перерыва в течение 10 часов. Большую часть торговли сосредоточили в своих руках евреи. Прирожденные торгаши заманивать покупателей умели. «Заходи ко мне!», «Заходи ко мне!» – только и слышал прохожий с разных сторон. Зимой человек замерзнет, а еврей его завлечет в свой магазинчик, усадит на стул и преподнесет чашку горячего чая. Особенно того, кто с деревни приехал.

Торговые ряды на Рыночной площади. Фото 1930-х годов.

Деревенские жители более скромные, чем городские, а потому от такого радушного приема уже как-то неудобно было уходить из магазина без покупки. На то и рассчитывали. На еврея наругайся – он, может, в душе и обидится, но вида не покажет, а будет с тобой по-прежнему приветлив. А то, как же! Клиент всегда прав! Но в то же время обмануть простака, особенно «гоя», т.е. не еврея, считалось святым делом, поэтому, покупая у еврея, зевать не следовало. Рассказывает житель Волковыска Ян Карлович Былинский, 1931 г. рождения. Бывший рабочий завода металлоизделий, увлекающийся историей родного города, много был наслышан о жизни города от своих отца с дедом, шляхтичей по происхождению. Имея изумительную память, многое запомнил. С его воспоминаниями читатель встретится в этой книге еще не раз:

«Правда это или быль, но расскажу, почему евреи торговали лучше христиан. Однажды сверху решили проверить, почему у евреев всегда больше клиентов, и негласно послали торгового инспектора. Заходит он сначала в магазин к поляку и спрашивает плоские папиросы с двумя ватками (тогда в качестве фильтра закладывалась вата). Хозяин отвечает:

- Плоские? Двуватки? Еще чего захотел! То, что видите на прилавке, то и берите!

Заходит в лавку к еврею. У него на витрине также не имеется нужных папирос.

- Уй! Пшепрашам! Вчера еще были, а сегодня нет! Если пану так надо, то завтра с Белостока привезу! – поезда тогда с Волковыска в Белосток ходили каждый день.

- Нет! Не надо! Пусть пан даст мне пачку «Мэвры» – еврей подает папиросы с одной ваткой. – А запалки?

- Проше бардзо! – подает спички. Инспектор открывает коробок таким образом, чтобы было удобнее зажечь спичку правой рукой.

- У пана головки на спичках с левой стороны, а я левша. Мне надо спички с головкой на правой стороне! – требование клиента абсолютно идиотское, но еврей принимает замечание. Берет назад коробок и кладет его под прилавок.

- Сара! Где ты положила запалки с правой головкой? – кричит своей жене, вынимает ту же коробку спичек, но открывает их на другую сторону.

- Проше бардзо! Для пана нашел последнюю коробку!

- Сколько должен заплатить пану за спички?

- Пятьдесят грошей!

- Как пятьдесят грошей? Спички стоят двадцать грошей! – возмущается инспектор.

- Проше пана! Но ведь это спички с правой головкой, а они дороже!» [4].

Чтобы иметь какое-то представление о торговле тех времен, обратимся к тогдашней

рекламе, публиковавшейся на страницах еженедельной польскоязычной газеты «Тыгодник Волковысский». Скорее всего, по той причине, что тираж газеты был небольшой и читали ее в основном состоятельные люди, рекламы печаталось очень мало. Да и стоимость самой рекламы на газетных страницах по тем временам была довольно высокой.

Кажется удивительным, что в наше время Волковыск не имеет специализированных меховых магазинов. А 80 лет тому назад за мехами не нужно было никуда ездить. Даже если состоятельным модницам меховой ассортимент приходился не по вкусу, то мех, как, впрочем, и любой другой товар, можно было заказать у продавца. И будьте уверены: товар доставлялся в Волковыск в самый кратчайший срок! Буквально в течение одного или максимум нескольких дней! Из рекламы в газете за 1927 г.: «Я. Вернер, по улице Широкой, 64, имеет в магазине меха, шкурки польские и заграничные. Выполняет все скорняжные работы как с меха заказчика так из материала, купленного в магазине» [5].

Кроме того, еще один меховой магазин по ул. Перацкого возле самого магистрата содержал еврей Ш. Полячек.

А вот ювелирный магазин, которым владел еврей Л. Шыф, был всего один и находился на улице Широкой. Такими же единственными были мебельный магазин Г. Бурдо и магазин М. Раковской по продаже гробов, находившиеся на улице Костюшки [3].

Удивляет обилие разного вида мест, где человек мог отдохнуть и утолить свой голод и жажду. Из рекламы в газете за 1928 г.:

«Открыт новый ресторан «Венеция» по ул. Холодовской, 5 (сейчас это городской квартал между улицами Советской и Космодемьянской). Можно получить: ликеры, коньяки, а также разные сорта водки, кофе, чай, пиво, лимонад, холодные и горячие закуски на месте и на вынос. Ресторан доступен для всех. Управляющий С. Календа. Владелец А. Домбровский. Играет собственная музыка» [6].

Адресная книга польской торговли, изданная в Варшаве в 1928 г., сообщает нам имена владельцев семи волковысских ресторанов: А. Домбровский – по улице Костюшки, В. Ферхо – по улице Рынковой, Ц. Кацэн – по улице Широкой, В. Ковальчик (улица не указана), Я. Мордэс с совладельцами Я. Поухом и Ска – по улице Костюшки, А. Сосновский – по улице Колеевой, ресторан «Венеция» – по улице Костюшки (владелец не указан).

Еще по одному ресторану размещалось на двух железнодорожных вокзалах. Двухэтажное здание гостиницы для приезжих возле городского вокзала держал еврей Полячек. На первом этаже был ресторан, а на втором – гостиница. Сейчас на этом месте магазин «Электротовары» по улице Желудевой.

Кроме того, согласно той же адресной книги, в 1928 г. в Волковыске насчитывалось 15 кафе. В основном они размещались на центральных улицах города: улице Костюшки – Ш. Давидовский, Б. Гуральник, Д. Клачко, Л. Кобрыньский, Б. Шейн, А. Шлоп, улице Колеевой – Э. Киржнер, Х. Лидовская, Я. Макарович, П. Наревский, Рынковой – В. Блахер, улице Широкой – Г. Лапон, улице Гродненской – И. Померанц, улице Татарской – Х. Шулруф, улице Шосовой – Э. Наруш [3].

В этом же году в городе работали шесть чайных: Ф. Бодых и И. Каплан – по улице Колеевой; Л. Косовского, М. Красиньского и Ч. Полячека – по Костюшки; Х. Файштейна – по Рынковой.

Любителей пива приглашали три пивных бара: Н. Левина и Х. Розенблюма – по улице Широкой и Я. Мешенгиссера по Рынковой. Отдельно два магазина продавали пиво только на вынос. Надо учесть, что пиво было самого свежего качества, так как производилось в самом Волковыске. Хватало и различных безалкогольных напитков, которые также изготовлялись Волковысскими предпринимателями. В 1930 г. производством газированной воды занимались четыре предпринимателя: Ш. Эпштейн – улица Рынковая; Б. Голдберг, Ф. Новогрудская, Н. Розенблюм – все на улице Костюшки.

В центральной части города горячими обедами жителей Волковыска и приезжих кормили шесть частных столовых: по улице Костюшки – В. Друкальская, А. Глосковская, Д.

Торговый комплекс в центре города. Справа ресторан. Фото 1930-х годов.

Павэ; по улице Широкой – Р. Файнберг; по улице Колеевой – П. Павлович и Т. Севашевич.

Из рекламы в газете за 1928 г.: «Столовая по ул. Костюшки, 51 «Под орлом» Валерии Друкальской. Завтраки, обеды, ужины. Провизия всегда свежая. Открыта с 7 до 23 часов. Для служащих скидка» [7].

Итого – около 40 пунктов питания. Давайте сравним количество мест, где клиент мог откушать тогда и сейчас. На начало 2006 г. автор насчитал таких мест в Волковыске всего 11. Из них столовых – 3. Одна железнодорожная рабочая столовая по улице Аллейной, столовая ветеринарного техникума по улице Победы и столовая на втором этаже по улице Жолудева. Ресторанов – 1. Это ресторан «Березка» по улице К. Маркса. Кафе – 6. Среди них нет ни одного частного заведения. Лишь одна миниатюрная пивная, расположенная возле универмага, является частной собственностью. При этом не надо забывать, что тогда количество жителей Волковыска было, примерно, в три раза меньше чем сейчас.

Как видим, сравнение оказалось далеко не в пользу нашего времени. Данный показатель как нельзя лучше показывает степень культуры населения, качество обслуживания, качество общения обывателей, уровень рыночных отношений и состояние предпринимательства в нынешнее время.

Самыми распространенными магазинами, конечно же, были продовольственные. Это, в основном, небольшие лавки, расположенные, как правило, в помещениях жилых домов и выходящих фасадом на улицу. В 1928 г. их насчитывалось 92. Вот как продовольственные магазины располагались по городу:

В торговых рядах на Рыночной площади торговали: Х. Бончарская, Н.Бирнбаум, Ш. Изнайдин, Ц. Канцепольская, А. Клейнборт, Х. Лейбович, М. Лев, Ф. Мовшевская, С. Патошиньская, О. Шалкович, С. Шалкович, М. Шышацкая, Н.Заполянский, М. Зымберман.

По улице Колеевой: Б. Адэльский, А. Андрушко, К. Тимошко, Л. Чопэр, М.Дорочиньский, Я. Рубинович, Р. Сегал, Д. Стасевич, С. Шапиро, Х. Таран, К.Вежбовский, Б. Заполянский, Л. Ивашкевич, Х. Киликовская, Н. Липшович, М.Липшиц, Х. Лапидус, А. Милков, Э. Пэрэминьская.

По улице Гродненской: Р. Адин, И. Вайнер, М. Зута, Р. Гурвич, И. Мордухович.

По улице Широкой: Г. Айзенштейн, Х. Бройдэ, Г. Дубчаньский, Ш.Файтэлевич, Х. Равицкий, С. Росяньская, Б. Слуцкий, Г. Тувель, Т. Голдберг, С.Иванчук, А. Каплан, Х. Лев, М. Лев, Н. Левин, Б. Липович, П. Мордэцкая, Я.Пекарский.

По улице Холодовской: Э. Башицкая, Ш. Геллер, Ш. Голперн.

По улице Татарской: Х. Баленко.

По улице Костюшки: Я. Бережницкий, Б. Болвиньская, Б. Файн, Ш. Рогов, Я. Шабуневич, Х. Шарейко, Ш. Шварц, М. Заклас, М. Гурвич, П. Юхневич, Б. Юдзик, М. Каплан, М. Левин, М. Мазовер, Ф. Нагдымон.

По улице Шосовой: М. Бонжик, В. Шатиловский, З. Щеглинская, Ф.Нестерук.

По улице Новой: С. Фрэйдин.

По улице Рынковой: Р. Фрудман, И. Гордон, А. Лев, М. Салман, О.Столовицкий, И. Вигутов.

По улице Замковой: Х. Лев.

По улице 3-го Мая: И. Полоньский.

По улице Песковой: Я. Стецкевич.

Во многих из продовольственных магазинов продавалась и рыба. А вот специализированных рыбных магазинов было всего два: по улице Широкой селедку продавал Я. Липшиц, а копченую рыбу – Р. Гощиньская.

Специализированными были магазины по продаже различных растительных пищевых масел: Э. Филькенштейна – по улице Широкой, Х. Гинзберг – по Гродненской, Д. Хубэр – по Костюшки, М. Щигель – по Холодовской [3].

Кроме продовольственных магазинов имелись 36 бакалейных, в которых кроме сахара, круп и муки торговали чаем, кофе, различными пряностями или, как тогда говорили, «колониальными товарами». Бакалейные магазины располагались:

В торговых рядах на Рыночной площади: С. Азерницкая, Р. Берешковская, М. Билемская, Х. Брайнберг, Г. Гецелевич, Х. Юрович, Б. Каган, Ш. Каллер, Ш.Левит, Х. Шалкович, Х. Тышко.

По улице Костюшки: Ф. Бережницкий, Й. Эйнхорн, Ш. Эпштейн, П. Гринберг, М. Лондон, Б. Рубинович, Л. Шалута, Б. Шерешевская.

По улице Широкой: Й. Эпштейн, Б. Яновская, З. Каплинская, Н. Лейтус, Э.Пекар, С. Волф.

По улице Колеевой: М. Деречиньский, Х. Мечик, Л. Переминьский, А.Вельвельский.

По улице Рынковой: Х. Каплан.

По улице Брестской: Й. Карпович.

По улице Гродненской: П. Килварский, М. Квят, М. Школьник.

По улице Татарской: С. Вайнер.

Такими же специализированными магазинами в 1928 г. являлись пять точек по продаже табачных изделий, три из которых находились на той же улице Широкой, а также четыре магазина с письменными принадлежностями: А. Берштейна, А. Цукермана, В. Вайсэнберга и М. Зона [3].

Гостям Волковыска было где остановиться, и выбрать гостиницу по вкусу и карману. В 1928 г. гостиницы, которых насчитывалось целых 10, или как тогда называли «готель», носили следующие названия: «Du Nord» – по улице Замковой, владельца И. Липшица; «Европейский» и «Гродненский» – по улице Гродненской, владельца Л. Шейна; отели «Гандлевый», «Купецкий», «Полесский», «Вита», «Варшавский», «Виктория», «Виленский» (владельцы и адреса не указаны) [3].

Вместе с тем, через девять лет путеводитель по Белостокскому воеводству за 1937 г.

указывает в Волковыске следующие отели: «Гродненский» – по улице Гродненская, 8, владелец Лейба Шейн; «Du Nord» – по улице Перацкого, 4, владелец Израиль Липшиц (район современной гостиницы «Березка»); «Гандлевы» – по улице Широкой, 84, владелец Гинзбург; «Виленский» – по улице Широкой, 86, владелец Мендель Росянский. Стоимость проживания в сутки, в зависимости от комфортности комнат, колебалась от 1 до 5 злотых [8,с.402].

А как с употреблением спиртного? Такого огромного количества употребления алкоголя, как сейчас, конечно же, в те времена не наблюдалось. Во-первых, из-за относительно дорогой стоимости алкогольной продукции – бутылка водки стоила 2 злотых, а это для многих простых неквалифицированных рабочих составляло дневной заработок. Во-вторых, из-за более высокой морали населения – церковь и общественное мнение играло заметную роль в обществе. В-третьих, работа на хозяйстве не давала возможности расслабляться – рабочий день на селе занимал большую часть суток. Кроме того, сельским хозяйством занимались и многие жители в самом городе. В-четвертых, из-за успешной борьбы государства с самогоноварением – большие штрафы и аресты.

Тем не менее, алкогольной продукцией в 1928 г. в городе торговали 8 магазинов: по улице Колеевой – Д. Хохштейн, С. Весоловский; по Костюшки – И. Новогродский, В. Павенцкая, С. Шахнович; по Широкой – Я. Янович; по Холодовской – Я. Яндула; по Рынковой – Я. Золицкий. В Волковыске даже имелся свой винный завод, а спиртзаводов, разбросанных по всему повету, насчитывалось около двух десятков.

В Волковыске водку и ликеры производили О. Бахвиц – по ул. Костюшки и Х. Ельский – по той же улице. Из рекламы в газете за 1928 г.: «Вина и меды. И. Новогродский. ул. Костюшки, 31 [9].

Из рекламы в газете за 1933 г.: «С. Шахнович, ул. Костюшки, 62. Большой выбор водки, вина, ликеров» [10].

Зато торговлей спирта на разлив в Волковыске по улице Костюшки, занимался только один предприниматель – Л. Шалута. На этой же улице единственным продавцом меда был И. Новогродский [3].

Особенно широко в городе для продажи были представлены различные виды мануфактуры. Из рекламы в газете за 1928 г.:

«Магазин мануфактуры А. Пилатовского по ул. Широкой, 81. Большой выбор разных сортов суконного и других материалов» [11].

Текстильными изделиями в 1928 г. в городе торговали 17 торговцев. Качественный товар поставлялся из недалекого города Белостока, где работали суконные фабрики. Из этого числа 11 магазинов находились в торговых рядах на Рыночной площади, что облегчало выбор и покупку приезжим на рынок крестьянам.

В торговых рядах материалом торговали: Я. Авиновицкий, Я. Белец, Борушаньский, Х. Бурштейн, Я. Цэмах, Г. Эпштейн, Х. Гринсбург, О. Шалкович, Ш. Замостянская, А. Сидраньский, Л. Закхейм.

На улице Новой: Я. Ронзон и М. Пик.

На других улицах (в справочнике не указано на каких именно): Лангборт, Ш. Медвецкий, Я. Мовшовский, М. Каплан.

Швейными машинками торговали в четырех специализированных магазинах: Я. Хасман и М. Косс – по улице Широкой; Х. Иоффе – по Замковой.

На улице Рынковой торговали швейными машинами самой известной немецкой компании «Зингер Севинг машина».

Готовой одеждой торговали 11 магазинов: И. Блахэр и Я. Вайнштейн – по улице Рынковой; Ш. Голаньский и М. Шпиндлер – по Костюшки; Ш. Мушацкий и Я. Вилк – по Широкой; Х. Бурштейн, Х. Кравчук, И. Левин, Ф. Сарапин, А.Волковысский – в торговых рядах на Рыночной площади [3].

На 1928 г. готовой обувью торговали 12 торговцев: Я. Альпер, Аронсон, М. Бартновский, М. Бялостоцкий, Ш. Кявчик, Мандельблюм, Х. Равицкая, Л.Рубинштейн,

Л. Левин, Я. Шарф,И. Шоц, Я. Золотницкий.

Из рекламы в газете за 1932 г.: «Большой выбор готовой обуви. Х.Лев и Б.Рутвальд, ул. Широкая, 85. Цены снижены» [12].

На 1928 г. в городе работали 7 магазинов по продаже головных уборов: два по улице Костюшки – Я. Боярского и Х. Юновича; три магазина расположились в торговых рядах – М. Боярского, Ф. Ельской, Я. Кагонович. Два магазина А. Маранца и П. Мотыля по улице Костюшко имели в ассортименте только дамские шляпы.

Продажей галантереи занимались 29 торговцев. Их магазины размещались по улицам Волковыска следующим образом:

В торговых рядах на Рыночной площади: Ф. Гырулницкий, Х. Юнович, И.Лейбович, Х. Липшович, Ц. Маркус, М. Миллер, В. Сорока, И. Столовицкий, Б.Штацкая, Х. Шэзыгель, Х. Забилевич.

По улице Рынковой: Л. Анстойн, Л. Новик, М. Писецкий, Ш. Равицкий, И. Златогор.

По улице Костюшки: М. Хантов, Л.Холпэрн, П. Лангборт, Н.Маранц, С. Милаковский.

По улице Широкой: С.Хасман, М. Файнсод, Э. Лемкин, И. Розенберг, Б. Шерешевская, А. Винецкий.

По улице Колеевой: Ш. Хазан.

Часто в газете печаталась реклама, рекламирующая строительные глиняные изделия. Из газетной рекламы за 1932 г.: «Изделия огнеупорные: черепица, кирпич, изразцы, которые при долгом использовании не трескаются и не теряют цвета» [12]. Что – правда, то – правда. Посмотрите на черепичные крыши домов, сохранившиеся с тех пор. В городе до сих пор они встречаются на жилых домах и хозяйственных постройках. И хотя прошло более 60 лет, цвет до сих пор радует глаз.

В 1928 г. строительными материалами торговали 5 человек: по улице Костюшки – Я. Юнович; по Виленской – М. Каплан; по Холодовской – Я. Лазаровский; по Фабричной – Я. Марголис; по Брестской – Л. Смазанович.

Достаточно много торговцев строило свой бизнес на покупке и продаже невыделанных шкур. Таких в 1928 г. в городе насчитывалось 11 человек. Выделанные шкуры, т.е. готовые для пошива изделий, продавали трое торговцев: Н. Брэслин и Я. Пекарский – по улице Широкой; А. Валицкий – по Колеевой [3].

Двадцать предпринимателей в 1928 г. занимались куплей и перепродажей зерна: А. Амсьтибовский, Я. Амсьтибовский, Р. Лам, Х. Рабиц, М. Селецкий, Ш. Шварц – все по ул. Костюшки; Б. Ануш, А. Берешковский, Х. Ротфельт – по ул. Холодовской; Ф. Азерницкий, И. Бялостоцкий, М, Хваловский, Ф. Кабужацкая, Я. Урвиц – по ул. Широкой; М. Готлиб – торговые ряды; совладельцы Б. Каплан и Я. Эпштейн – по ул. Замковой; Р. Лобзовская, А. Вайнштейн – по ул. Шпитальной; Е. Вайнштейн – по ул. Гродненской.

Населению предоставлялось много разнообразных услуг. Наиболее многочисленными из них – стрижка и бритье. Из рекламы в газете за 1932 г.: «Салон парикмахерской С. Меллерова, по ул. Электричной,10. Стрижка и покраска волос, завивка, мытье головы, маникюр. Все по последней парижской моде» [13].

Возле парикмахерской на улице часто дежурили жены хозяев, и наметанным глазом определяли клиентов:

- Проше пана! Зайдите только причесаться! Мы за это денег не берем! – предлагали они прохожим. Главное – завлечь человека вовнутрь и усадить в кресло, а там уж хозяин так просто не отпустит и обязательно уговорит постричься. Уж, будьте уверены!

Простая стрижка стоила 20 грошей, что довольно дешево, а с бритьем – 50. В 1928 г. в Волковыске работало 10 парикмахерских: по улице Широкой – Ш. Файтелович, Л. Пацовский, Х. Вайнер; по Костюшки – А. Галацкий, Ш. Резник, Х. Урбаньский; по Колеевой – Г. Елин, Ш. Потоцкий, К. Томашевич; по Шосовой – Л. Пацовский [3].

Из парикмахерской клиент мог отправиться в фотографию. Выбирать было из чего – в 1928 г. в городе имелось четыре фотосалона: Я. Езерского, Я. Миллера, Т. Смазановича – все на улице Широкой и М. Езерского – на Гродненской. Фотоателье Миллера являлось

Магазины по улице Костюшки. Фото 1930-х годов

одним из самых старейших в Волковыске, открытым в 1894 г. запасным унтер-офицером из города Курска Яковом Миллером. В 1938 г. фотография Миллера, скорее всего наследника Якова Миллера, располагалась по улице Костюшко, 61 рядом с почтой. Михель Езерский открыл свое дело в 1907 г. В выходные и праздничные дни фотографы брали фотоаппарат с треногой и шли в людные места поближе к народу. Качественные фотографии старых фотографов, дошедшие до нас, прошли выдержку временем и до сих пор сохранили четкие изображения их клиентов.

Государственной формы торговли не было вообще. Торговля мясными изделиями также была сосредоточена в частных руках. В 1928 г. торговцев свежим мясом в городе начитывались 31 человек. Вот их фамилии: Н. Баер, В. Бенденсон, Х. Гурвич, Я. Пекарский, Ш. Бучик – все по ул. Колеевой; Д. Бекенштейн, Р. Галлай, Ш. Елинович, Ф. Лэн, А. Лев, М. Лев, Е. Левиньская, М. Поляк, Х. Рудницкий, Ш. Сакольская, Л. Сукенник, Р. Шевахович, Р. Штейн, Р. Вайнер – все торговые ряды на Рыночной площади; Л. Файнзильбер, И. Каплан – ул. Широкая; Я. Галлай – ул. Костюшки; Г. Кантор – ул. Новая; М. Колосовский – ул.Заходняя; А. Прокопчик – ул. Рынковая; Я. Кравчук, Н. Лошович, С. Марчук, А. Сидраньский – адреса в справочнике не указаны.

Отдельно в шести магазинах торговали копченостями: А. Галицкий – по ул. Колеевой; К. Кубацкий и А. Шовашкевич – по ул. Шосовой. К. Вежбицкий держал целых три магазина – на улицах Колеевой, Костюшки, Заходней.

В то же время в газетной рекламе свой товар рекламировал всего лишь один мясник: «Свежие колбасные изделия и мясо. Ятка № 2 Владислава Вагнера по ул. Рынковой. Цены конкурентные, товар отборный» [14].

«Ятками» назывались лавки с мясом. На мясо торговцы покупали молодых коров и телят. В своих ятках евреи торговали только говядиной и бараниной, но в пищу употребляли всего лишь переднюю часть говяжьей туши. Так как есть свинину им запрещала религия, то ею в еврейских лавках не торговали. Купить свинину можно было у христиан. Христианские и еврейские мясные лавки даже располагались порознь друг от друга: на Рыночной площади

христианские лавки находились в торговых рядах со стороны улицы Костюшки, а еврейские – на противоположной стороне по улице Широкой.

Напротив вокзала по улице Колеевой перед войной конкурировали два магазина. Один из них держали братья Гордиевские. К ним, по предварительной договоренности, назначив день и час, крестьяне поставляли скотину. Животных резали и свежевали тут же во дворе магазина, и свежее, парящееся мясо, поступало прямо на прилавок. Надо учесть, что холодильников, работающих на электричестве, тогда в магазинах еще не было, поэтому требовался точный расчет, сколько и чего предложить покупателю на текущий день. Иногда мясные излишки, чтобы не оказались просроченными, продавались по более низкой цене. Братья Гордиевские слыли в Волковыске большими специалистами своего дела, и их мясные изделия пользовались наибольшей симпатией у горожан.

Недалеко от них мясом и колбасами торговал Галицкий. Между поляком Галицким и белорусами Гордиевскими из-за конкуренции дружба не велась. Когда пришли Советы, то конкурентов помирили самым радикальным способом – их магазины национализировали, а самих, вместе с семьями, выслали в Сибирь.

Мясным торговцам мясо в ятки поставляли городские мясники, производящие убой свиней у себя на дому. Такую же работу выполняла и городская скотобойня. Чтобы не платить налоги в городскую казну, иногда частные мясники скрывали количество разделанных туш. 24 ноября 1927 г. Волковысский магистрат вынужден был обратить внимание коменданта местной полиции на следующее обстоятельство:

«Правлению магистрата стало известно, что в последнее время в городе Волковыске большая часть забоя свиней осуществляется без ведома и контроля со стороны городской бойни, а значит, без контроля санитарных властей. Правдивость вышеизложенного подтверждается тем, что на городской бойне в течение недели бьют всего 26 свиней на 24 убойщика. Такое положение влияет на санитарное состояние города и уменьшает городские доходы. Беря все это во внимание, магистрат просит коменданта полиции в оказании помощи и прекращению неконтролируемого убоя свиней. Магистрат назначает награду в 25 çëî ou o ça eaa äu é ôaeo oaéí î aî óáî y nâeí aé» [15,n.50].

Â ýoî i a a i enüi a i aaeno?ao nî î áu aao ô ai eëee e aä?ana âî ëeî âu nneeo i yní eeî â: Aaëöeeé A äai – óëeöa Eî ëaaâay, 23; Eóáaöeeé Eî í noaí oeí – O e?î eay, 26; O a?o aí î âe÷ Áaçu ëü – Oaoa?neay, 11-n; Neeáeí üneeé Noaô aí – Oaoa?neay, 11-n; Nî eî ëî âneay A í anoaney – O e?î eay, 25; Â aëe÷eî Noaô aí – A?î äí aí neay, 53; I eoaëü÷óe ? çaô – A?î äí aí neay, 53; Eî ëî nî âneeé Eaçei e? – Öaaaëüí yí ay, 39; Eî ëî nî âneay Eî í noaí öey – Öaaaëüí yí ay, 39; I ?î eî i ÷ee A ëaenaí ä? – O i eoaëüí ay, 9; Eî ëî nî âneeé I a?üyí – Çaoî äí yy, 15; Eî ëî nî âneeé Âeeoî ? – Çaoî äí yy, 12; ?ónaöeeé Âaëaí oeí – Çaoî äí yy, 15; Âaa áî âneeé Eaçei e? – Çaoî äí yy, 10; Noanaâe÷ Ë?äâee – Çaoî äí yy, 9a; Âaaí a? Noaí enëaâ – Oî ëî äî âneay, 25; Ea?i î âe÷ Ýäi óí ä – Âeëaí neay, 8; ? oí aâe÷ I eoaë – Eî no? o ee, 147; ?u öa Ô?aí oeo ae – Eî no? o ee, 144; Áóäí eöeay Ýéô ?î çeí a – Eî no? o ee, 128; Eî áyoeî Ea?i – Eî noaëüí ay, 3; Ea?i î âe÷ I a?üyí – O e?î eay, 8; Naâao eaâe÷ A í oî í – O î nî âay, 40 [15,n.51].

Eae âeäí î eç ni enea, nai î a áî ëüo î a eî ëe÷anoâî i yní eeî â – i yoü, i ?î a eâaëî í a î oí î neoaëüí î eî ?î oeî é Çaoî äí aé óëeöa (naé÷an Eî ni î äai üyí neay). Â ýoî i ni enea i ?enóonoâó? o oî ëüeî o?enoeaí a, oae eae aâ?ayi óáeâaoü e ?açäaëu âaoü nâeí u a óóo e oaea a çai ?au aëa ?aëeaey.

Öaí u í a i yní u a i ?î äóeou ónoaí aâëeâaëî aî nóäa?noâî . Â çaâenei î noe î o naçî í a í anеî ëüeî ?aç í a aî ä i aaeno?ao nâî ei i î noaí î âëaí eai ónoaí aâëeâaë ?anöaí ee í a âna âeäu i yní u o eçäaëeé. Öaí u äî âî äeëenü í a î ní î âaí ee óeaçaí eé Nî âaoa I eí eno?î â I î ëüo e. Oae, â î eoyá?a 1927 a. i aaeno?ao ?ani ?î no?aí eë i î aî ?î äó î áúyâëaí ea n î ÷a?aäí u i i ?aéneó?aí oî i . I yní aî âya üa nî ?oî i i î í ea a, oae í açu âaai î a «o?ýô í ý», noî eëî 2 çëî ou o; nî ?oî i i î âu o a, «eî o ý?í ý» – 3 çëî ou o ça eeëî a?ai i ; naëî – 3 çëî ou o e 80 a?î o aé; nâeí u a aî ëî âu e í î ae – 1 çëî ou é 60 a?î o aé; nî nenee – 4 çëî ou o 60 a?î o aé; i î ëaí äâeöa – 5 çëî ou o 20 a?î o aé; o eí ea – 5 çëî ou o. Nai î aäî ?î aî a eç i yní u o eçäaëeé – e?aeî âneay nóoay eî ëäana

стоила 5 злотых 40 грошей [16,с.19]. Но уже через месяц подходил убойный сезон и забой скота увеличивался. Цены поползли вниз, опустившись на 20 – 30 грошей. Поднялась цена лишь на свиную голову – 1 злотый 80 грошей.

Контроль над своевременным изменением цен возлагался на полицейских. Несоблюдение цен продавцами наказывалось штрафом. Из объявления в газете: «За завышение цены на мясо составлен протокол на Льва Мойжеша, проживающего по ул. Широкой, 65» [17].

Реклама в местной газете в те времена не отличалась большим разнообразием. Это сейчас основным двигателем торговли является печатная и видео рекламы, а тогда, чтобы выйти победителем из конкуренции, надо было предложить покупателю лучший товар или придумать нечто такое, чтобы народ сам потянулся к тебе. Так в иных рекламных объявлениях специально подчеркивалось преимущество покупки товара в том или ином магазине: «Открылся новый магазин Э. Шазын по ул. Широкой, 92 с материалами для письма. Товар первоклассный, цены конкурентные, обслуживание отменное» [18].

Рассказывает Ян Карлович Былинский:

«Открывает христианин магазин по продаже мануфактуры, и сразу из-за конкуренции в своем магазине еврей делает товар дешевле. Допустим, вам надо купить материала на костюм. Такое же сукно из Белостока, тот же цвет, у еврея будет стоить дешевле: не 60 злотых, как у христианина, а 57. А тогда два злотых бутылка водки стоила. Человек, естественно, берет, где дешевле. Но не будь еврей евреем, если он эти три злотых не вернет себе на другом. Для пошивки костюма необходим еще материал на подкладку, пуговицы, нитки. На этой мелочи он те же три злотых и накинет» [4].

Создать рекламу товару торговец стремился, прежде всего, броской вывеской или красиво убранной витриной. Самая впечатлительная витрина 1930-х годов находилась в магазине Езерского по ул. Колеевой, торгующим велосипедами и мотоциклами. Кукла в человеческий рост, в виде старика, крутила педали велосипеда и одновременно показывала рукой на мозоли. Плакат гласил: «Пожалейте свои ноги – ездите на велосипеде!»

Как в городе, так и на селе широко практиковалась торговля «на вексель». Когда человек в данный момент не имел денег расплатиться за товар, еврей давал в долг, при этом говоря: «Я же не пытаю у тебя, чи маеш ты гроши!»

Рассказывает житель Волковыска, бывший учитель Георгий Владимирович Балейко, 1921 г. рождения:

«На нашей улице Шосовой стоял магазинчик белоруса Нестерука. У него книжка имелась, куда он записывал в долг, а в конце месяца производился расчет. Я еще дитем был и подумал:

- Хорошо! Платить не надо! – набрал пять булочек и сьел вместе с друзьями. Прихожу домой, а отец на меня:

- Ты булки в магазине брал?

- Брал!

- Платил?

- Нет! Записали! – хотел, было, ремня мне дать, да мать заступилась» [19].

Конечно, «на вексель» или как тогда еще говорили «на повер», товар опускался только знакомым, в чьей платежеспособности продавец был уверен.

Хлебобулочные изделия в городе выпекали многочисленные частные пекарни. Об их количестве, владельцах и местах размещения в 1928 г. можно судить по газетной заметке:

«За отсутствие ценников в пекарнях привлечены к ответственности следующие хозяева: Голдэн Айзенштейн – ул. Широкая, 51; Лев Блумэн – Широкая, 63; Гирша Лозаревский – Холодовская, 17а; Шлома Геллер – Холодовская, 5; Израэль Лапон – Широкая, 94; Вацлав Круглый – Рынковая, 9; Лев Цадыка – Широкая, 104; Есель Каплан – Широкая, 70; Яков Каплинский – Костюшки, 7; Аен Арон – Костюшки, 5; Израэль Белостоцкий – Широкая, 87; Израэль Тутштейн – Колеевая, 87; Лев Абрам – Рынковая, 6; Хацкикл Геллер –

Костюшки, 76 » [20].

Как видно из этого списка, все пекари, за исключением Вацлава Круглого, являлись представителями еврейской национальности. Все пекарни размещались в центральной части города. Обычно при пекарнях держались и лавки для продажи свежей, с пылу и жару, продукции. Цены на хлеб фиксировались государством и, как видим, за нарушение правил торговли хозяева строго наказывались. В 1933 г. килограммовая булка ржаного хлеба стоила 18 грошей, «шатрованого» на 85 % (изготовленного из муки, на которую шло очищенное от оболочек зерно, т.е. из муки высшего качества) – 23 грошей, булка пшеничная – 54 грошей.

Вскоре требования к продаже хлеба возросли: «Согласно постановлению министерства, вся выпечка с ржаной муки весом более 0,5 кг должна перед вставлением теста в печь помещаться с этикеткой, где сообщается название фирмы и адрес производителя вместе с видом и сортом взятой для выпечки муки» [10].

В 1930 г. в Волковыске выпекали хлебобулочные изделия 22 частных пекаря.

В феврале 1933 г. в городе открылась первая кооперативная механическая пекарня в специально построенном одноэтажном здании [21]. В новой пекарне существенно повысились санитарное состояние и гигиена. Закрылись все частные пекарни, вошедшие в кооперацию. Тем не менее, к 1939 г. в Волковыске еще насчитывалось шесть индивидуальных пекарен: две пекарни Геллера, Каплинского, Каплана, Наревского и Лапина [22,с.56].

Своим постоянным покупателям разносчик при пекарне доставлял раз в день свежий хлеб прямо домой. Часто на улицах города можно было встретить таких разносчиков, несших в каждой руке по плетеной корзине хлеба и булок, сверху накрытых чистой белой материей. Клиентами дорожили, и чтобы их как-то отблагодарить и привлечь на еврейские праздники хозяин пекарни бесплатно, в качестве подарка, доставлял им сдобные булочки или пирожные.

У многих владельцев магазинов в штате состоял мальчик, исполнявший разные мелкие поручения. По желанию клиента с помощью легкой тележки мальчик доставлял на дом покупателям тяжелые или крупногабаритные покупки.

На весь город славилась кондитерская владельца Скворонского, расположенная по улице Перацкого, 4.

Налоги на торговлю были относительно не большими и начислялись следующим образом. Так, в 1932 г. хозяин магазина, оборот которого составлял 100 тысяч злотых, а чистый доход 15 %, т.е. 15 тысяч злотых, обязан был заплатить налог от дохода 945 злотых и плюс к тому так называемый кризисный налог в 300 злотых, т.е. всего получалось около 10 % от прибыли [23].

Кроме налога, каждый год требовалось заплатить государству за возможность торговать. Из объявления в газете: «Государственная финансовая касса в Волковыске приступила к выдаче промышленных и торговых свидетельств на 1933 г. Срок выкупа свидетельств – до 31 декабря 1932 г. За невыкупленное к сроку свидетельство налагается штраф от 3-ех до 20-кратной суммы стоимости самих свидетельств» [24].

Платить налоги не любили во все времена. При виде финансового инспектора у иных людей прямо чесались руки. Из объявления в газете: «18 октября сборщик городских налогов Феликс Блунштейн при исполнении своих обязанностей был избит Лейбой Рохкиным, проживающим по ул. Широкой, 91. Виновник будет представлен перед судом» [25].

Укрывательство доходов приняло такой размер, что на некоторые частные предприятия (лесопилки, кирпичные и кожевенный заводы) государство посылало своих служащих, следящих за правильным учетом.

Следует отметить, что в Волковыске, как и по всей Польше, официально имела обращение зарубежная валюта. В газете часто публиковался курс доллара США: «Доллары США: продажа – по 8,9, купля – по 8,86 злотых (1927 г.)» [5].

После 1939 г., когда сюда придет советская власть, доллар исчезнет на долгие времена и появится снова только через 62 года.

На 1928 г. в Волковыске функционировало четыре банка: отделение Варшавского банка Торговли и Промышленности по улице Костюшки, Купеческий банк по улице Рынковой, Народный банк по улице Виленской, Кооперативный банк по улице Виленской. Кроме того, имелось три кредитно-сберегательных кассы: Кооперативная касса по улице Костюшки, Волковысского товарищества помещиков по улице Виленской и Товарищества взаимного кредита по улице Виленской.

К сожалению, адресная книга торговли и предпринимательства в Польше после 1928 г. не издавалась, поэтому проследить изменение в торговле и предпринимательстве с течением времени не представляется возможным. В архивах автор нашел лишь отрывочные сведения. Однако нет сомнения, что к 1939 г., когда наблюдался экономический подъем, предпринимательство в Волковыске получило дальнейшее развитие. С приходом большевиков частное предпринимательство, как и частная торговля, перестали существовать.

Крыніцы:

1. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф.100. О.1 Д.2.
2. Bzowski Z. J. Notatki konnego strzelca. Pax. 1981.
3. Księga adresowa Polski dla handlu, przemyslu, rzemiosl i rolnictwa. Rok 1928.
4. Былинский Ян Карлович. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
5. Tygodnik Wołkowyski. 1927. №1.
6. Tygodnik Wołkowyski. 1928. №48.
7. Tygodnik Wołkowyski. 1928. №18.
8. Mieczyslaw Orlowicz. Pczewodnik po wojewodstwie Bialostokskim. 1937.
9. Tygodnik Wołkowyski. 1928. №11.
10. Tygodnik Wołkowyski. 1933. №9.
11. Tygodnik Wołkowyski. 1928. №41.
12. Tygodnik Wołkowyski. 1932. №10.
13. Tygodnik Wołkowyski. 1932. №9.
14. Tygodnik Wołkowyski. 1933. №5.
15. ГАГО. Ф.79. О.1. Д.1.
16. ГАГО. Ф.81. О.1 Д.19.
17. Tygodnik Wołkowyski. 1928. №3.
18. Tygodnik Wołkowyski. 1928. №11.
19. Балейко Георгий Владимирович. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
20. Tygodnik Wołkowyski. 1928. №44.
21. Tygodnik Wołkowyski. 1933. №7.
22. Гродненский архив общественных организаций Гродненской области (ГАООГО). Ф.6195. О.1. Д.471.
23. Tygodnik Wołkowyski. 1932. №35.
24. Tygodnik Wołkowyski. 1932. №7.
25. Tygodnik Wołkowyski. 1933. №37.

KAMUNIKAT.org

Семь суток войны

Николай Быховцев

Продолжение. Начало в № 1-3

Они видели горящий Волковыск из окон тюремных вагонов

Рушился Западный фронт. Лишившиеся управления советские войска откатывались под натиском противника на восток. Враг захватывал переполненные военные склады, а бойцам даже не хватало патронов. Не хватало эшелонов для эвакуации женщин, детей, раненых и материальных ценностей. Но репрессивная машина в этой безнадежной ситуации четко продолжала выполнять свою черную работу. Для ее жертв нашлись эшелоны и сторожевые псы в лице охранников НКВД. За два дня до начала войны по всей Западной Беларуси прокатилась очередная волна арестов среди мирного населения. Через станции Волковыска в воскресенье проследовало много составов с выселяемыми людьми. Некоторые из них оставили об тех кошмарных днях свои воспоминания.

Терезу Павловскую, ныне гражданку Польши, арестовали 20 июня в деревне Панюки, что в пяти километрах от Скиделя. В Скиделе 21 июня ее посадили в товарный вагон и вместе с другими арестованными доставили в Гродно. Здесь вагон прицепили к эшелону, состоящему из нескольких десятков вагонов с такими, как и она, несчастными: «Один локомотив тянул перегруженный состав, а другой – толкал. В нашем вагоне ехало тридцать человек, среди них – семья простого крестьянина. Их арестовали за то, что отец отправил своих детей помогать хозяйке фольварка Миневичи пасти коров. Мужа хозяйки Стжалковского большевики расстреляли, и ей пришлось пасти коров с двумя малолетними детьми.

В Волковыске поезд остановился на товарной станции. Был полдень. В это время налетели самолеты и начали бомбить город. Охрана бросилась в кусты растущих жасминов и оттуда не забыла направить свои карабины на наши вагоны.

В пути несколько раз мимо нашего эшелона пролетали самолеты, и каждый раз охрана бросалась врассыпную, охраняя эшелон издалека. Однажды самолеты атаковали. Во время резкого торможения в нашем вагоне с задвижки засова выпал фиксирующий гвоздь, и мы открыли дверь. Выскочившие мужчины успели открыть двери нескольких других вагонов, и люди бросились прятаться в ров между параллельно идущими путями. После бомбежки конвоиры начали сгонять людей в вагоны. Оказалось, что из двух соседних вагонов сбежали почти все узники. Начальник конвоя подсчитал, что у одного из охранников удрало 56 человек. Отведя проштрафившегося солдата в сторону, начальник выпустил в его очередь из автомата.

Через два часа поезд остановился снова: опять бомбежка. На этот раз бомба попала в паровоз и в вагон с не успевшими выскочить конвойными. Погибло 20 человек охраны с начальником, а также сгорел вагон с узниками. Все побежали в соседний сосновый лес. Поезд горел. Мы боялись лезть в вагоны, чтобы спасать свои вещи. Местные мужики подъехали на подводах и на наших глазах хватали себе из горящих вагонов наши пожитки. Ночь провели в лесу. Убитых было 200 человек и около 150 тяжелораненых. Первую помощь

нам оказали немецкие врачи из проходящих мимо частей. Немцы предложили нам вернуться в уцелевших вагонах назад в Гродно. Все согласились» [1,с. 15-19].

О трагическом дне 22 июня 1941 г. на станции Волковыск Центральной оставил воспоминания и Станислав Гаврыховский, также находящийся в одном из многих эшелонов с депортируемыми людьми: «Вечером 21 июня наш поезд двинулся в неизвестность. Среди ночи задержались в городе Белостоке. Началась бомбежка. В замкнутых вагонах нашего эшелона появились раненые и убитые. Крики о помощи остались безответными. Наверное, началась война. На минуту всех охватила надежда, но поезд двинулся дальше и надежды бесследно растаяли. Волковыск встречал невольников огромным пожаром вокзала и стоящих на станции поездов
с семьями военных. Было видно заживо горящих людей. Темно, жарко и душно в закрытых и запертых снаружи вагонах. На крики о помощи и плачь задыхающихся людей, никто не реагировал. Мужчины выломали забитые досками окна под потолком вагона и во внутрь повеяло свежим воздухом. По высунувшимся из окон людям начала стрелять охрана НКВД и ранили Александра Гаврыховского. Солдаты никому не позволяли подходить к нашим вагонам. На глазах многих свидетелей ими был застрелен железнодорожник, который просил открыть двери вагонов.

В бомбардируемом городке Зельва поезд вынужден был остановиться на мосту. Через выбитые окна невольники вывесили белые простыни, что, скорее всего, сохранило поезд от нападения немецких самолетов. Минск и Орша также встречали нас пожарами, пепелищами и сожженными вокзалами с множеством трупов на перронах» [2,с.67].

Подобное воспоминает житель Гродно Януш Пухцинский: «Арестовали нашу семью ночью 19 июня. Отца арестовали прямо на работе, а меня с мамой, сестрой и братом забрали из дома. Разрешили взять с собой только ручную кладь. В вагонах нас держали до вечера 21 июня.

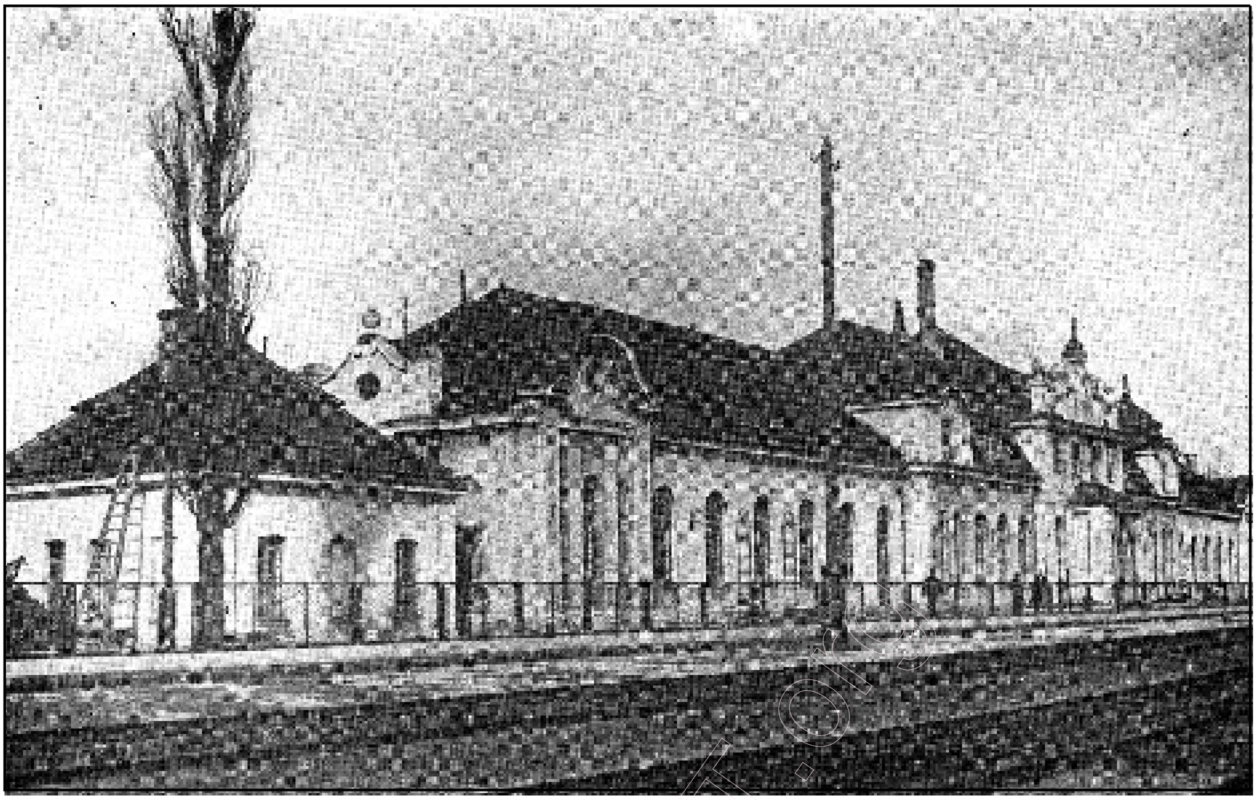
В Волковыск поезд прибыл между 9 и 10 часами утра 22 июня. На станции мы услышали рев противовоздушной сирены. Налетели какие-то самолеты и все подумали об начавшихся обычных учениях. Однако самолеты начали бомбить поезда, скопившиеся на станции. Одна бомба попала в путь перед нашим эшелоном и вырвала рельс, тем самым, заблокировав наш транспорт. Знаю, что на станции было много жертв. У нас в поезде оказались убитыми наш сосед Дубиковский и незнакомая нам женщина.

Когда узники узнали о начале войны, людей охватила огромная радость. В них вселилась надежда на спасение. В Волковыске, пока не починили поврежденный путь, простояли около двух часов» [3,с.40].

А вот что рассказывает в своих воспоминаниях гражданин Польши Виктор Козловский, бывший учитель средней школы. Как неблагонадежного, его, вместе с женой и дочерью, высылали из родных мест [4]: «В ночь на 20-го июня 1941 г. я вместе с женой Стахой и двухлетней дочерью Эллой был арестован НКВД в Ходышево. Дом окружили солдаты. Командир оперативной группы разрешил упаковать одежду, постель и продовольственные припасы. Окруженные охраной подводы приехали на ближайшую станцию Шепетово. По дороге в нескольких деревнях к обозу присоединялись подводы с людьми, вырванные из своих домов. В Шепетове на боковом пути стояли телячьи вагоны, куда нас и погрузили. Малое окошко вверху вагона было забито грубыми досками, перекрывая единственную вентиляцию. Возле противоположных дверей
в полу имелась дыра для отправления естественных надобностей.

По пути к нам подсаживали людей с проезжающих нами станций, пока вагоны не забили до отказа. К составу также прицепляли новые вагоны с живым товаром – невольниками.

Поздно вечером, 21 июня, состав прибыл в Волковыск. Через несколько часов в ночной тишине раздались крики, плач женщин и детей, которых садили в вагоны. Только после полуночи наступила тишина. У меня еще стоял в ушах детский крик: «Маменька! Маменька!



Железнодорожный вокзал Волковыск Центральный перед войной

Татко! Татко! Иди к нам!» Наверное, их разлучали.

Утром 22 июня с дремоты нас вывели далекие разрывы бомб и действия противовоздушной обороны. Сквозь щели в вагоне мы начали смотреть во все стороны, заметив на ближайшем шоссе большое движение автомобилей и людей, идущих пешком. На самой станции носились военные и железнодорожники. Я был в полной уверенности в том, что Советы проводят военные учения. Здание вокзала находилось от нас в каких-то 50 метрах, и я мог подробно наблюдать, что делалось в это время на станции.

Не прошло и двадцати минут, когда налетели самолеты, и бомба упала прямо на здание станции. Поднялись клубы пыли, дыма и только потом вспыхнул огонь. Сомнения пропали – началась война. Прошептал Стахе в ухо:

- Посмотри! Бог смилостивился над Польшей. Оба наши врага сошлись лбами. Жаль, что не на два дня раньше! – и сердечно, от всего сердца расцеловались, хотя каждую секунду на нас могла упасть бомба.

Налет был сильный. Видно было повсюду пожары. Дым от них затруднял дыхание в вагоне. Мы были уверены, что нас выпустят, но советские охранники не приходили. Двери наглухо оставались закрытыми на засовы, а охрана укрылась перед налетом, нисколько не беспокоясь за нашу судьбу.

Вокзал дымил вовсю, но людей не было видно. Я все надеялся и ожидал чуда. Вскоре развиднело совсем. Близкое шоссе забилось колоннами из военных. По обочине шла людская колонна из женщин и мужчин с узлами в руках или за плечами. Наверное, это были узники. Отдаляющуюся людскую колонну, построенную в шеренги по четыре человека, по бокам сторожили вооруженная охрана с собаками. Неизвестно, какая судьба ожидала узников, так как их повернули не в сторону станции, а в противоположную сторону по направлению к виднеющемуся лесу» [4].

Что же это были за узники, которых повели в лес? В своем исследовании о тюрьмах Западной Беларуси на момент начала войны польский историк Попиньский относительно Волковыска пишет следующее: «Согласно архивным данным на 10 июня 1941 г. в тюрьме Волковыска, рассчитанной на 150 человек, содержалось 313 узников, а к 22 июня число

Железнодорожный вокзал Волковыск Центральный после бомбардировки

узников в тюрьме увеличилось почти на 200 человек.

По свидетельству местных жителей перед эвакуацией тюрьмы в ней было расстреляно, по меньшей мере, 7 узников. Начальник тюрьмы по фамилии Ладугин сбежал на восток» [3,с.107].

Из докладной записки заместителя начальника тюремного управления НКВД БССР лейтенанта госбезопасности Опалева об эвакуации тюрем НКВД БССР начальнику тюремного управления НКВД СССР майору госбезопасности тов. Никольскому (военно-исторический архив, г. Москва): «… Начальники тюрем г. Слонима Сокоушин и тюрьмы г. Волковыска Ладугин из Белоруссии сбежали. О судьбе личного состава и заключенных тюремному управлению ничего не известно. Причем Сокоушин присвоил денежные суммы тюрьмы, а ценности заключенных раздал надзирателям. О его злоупотреблениях было сообщено начальнику Особой инспекции НКВД БССР» [5].

Житель Волковыска Чеслав Ружанский рассказал автору этих строк, как в день прихода немцев он сам видел во дворе «красной тюрьмы» несколько расстрелянных узников, у которых руки за спиной были связанные колючей проволокой. Обычно в делах узников отмечалось кого при опасности освобождения уничтожить в первую очередь, поэтому таких расстреляли прямо в тюрьме.

Далее историк Попиньский сообщает: «23 июня НКВД приняло решение эвакуировать из Волковыска по железной дороге около 500 человек заключенных. Во время марша с тюрьмы до станции колонна была атакована немецкими самолетами, летчики которых приняли их за военных. Благодаря минутному замешательству охраны, часть узников разбежалась» [3,с.20].

Видимо об этом случае рассказывает в своих воспоминаниях гражданин Польши, бывший житель хутора Вишневка Изабелинской гмины Станислав Лашкевич: «23 июня 1941 г., в понедельник, после обеда, с обеих тюрем Волковыска (до войны в Волковыске находились одна возле другой две тюрьмы – мужская и женская) вывели заключенных и под охраной сотрудников НКВД повели к станции Волковыск Центральной. Налетели немецкие самолеты и, увидев бредущую колонну, начали стрелять по ней из пулеметов. Узники стали разбегаться,

а охрана открыла по ним огонь из оружия. В первой четверке шел Казимир Стоцкий, который получил очередь из автомата в грудь. Чеслав Батко, бывший начальник счетного отдела Волковысского повета, сумел спрятаться во ржи. Домой возвратился только после прихода немцев. Его жену с двумя дочерьми Алиной и Софьей выслали в Казахстан» [6].

Но все это происходило 23 июня. Кого тогда видели из закрытых вагонов депортируемые жители? Нет сомнений, что тех людей, которых охрана НКВД повернула в лес, повели на расстрел. Наверняка их считали самыми опасными из заключенных, поэтому решили не рисковать и не этапировать в тыл по железной дороге, а расправиться с ними в лесу подальше от людских глаз. С началом войны из тюрем никого НКВДисты не освобождали, и если не было возможности отправить узников в тыл – уничтожали. Фактов тому множество. Об тех, кого повели в лес на расстрел 22 июня, рассказывает бывший житель деревни Войдевичи Мостовского района, ныне живущий в Волковыске, Владислав Камельянович Ухналевич, 1925 года рождения: «Перед самой войной в Волковыске прокатилась волна арестов. Семьи репрессированных должны были под утро 22 июня посадить в вагоны и отправить на восток. Начавшаяся война поломала все планы НКВДистов. Арестовали и семью Карпиченков, жившую неподалеку костела. Арестовали за то, что при Польше Петр Карпиченко работал в магистрате каким-то чиновником. 22 июня их доставили на станцию Волковыск Центральный и вместе с другими семьями затолкали в товарный вагон. В семье Карпиченков имелось трое детей – двое дочерей и сын. Вскоре двери вагона распахнулись и НКВДисты приказали выти наружу всем взрослым мужчинам. После этого двери захлопнулись и мужчин под охраной повели в ближайший лес. Выбрав глухое место в сосновом бору, узников расстреляли, а тела их оставили не погребенными. Видимо, охрана спешила поскорее покинуть Волковыск. Тяжело раненый Петр Карпиченко сумел выбраться из-под трупов и добраться до людей. После прихода немцев лечился в больнице, где за ним ухаживал его родной брат Павел, мой будущий тесть. После изгнания немцев и прихода вторых Советов, Петр Карпиченко, как опасный свидетель, вновь был арестован и выслан в Сибирь, где след его пропал. Ирина Карпиченко, его жена, выжила в ссылке, и после войны вместе с детьми выехала в Польшу. А об ее муже с тех пор ни слуху ни духу» [7].

Таким образом, в пределах территории Волковыска в земле лежат жертвы советских репрессий, об которых большинство из нас даже и не догадывалось. После войны, вернувшиеся палачи постарались скрыть следы своих преступлений, что им вполне удалось. Может со временем случайно и обнаружится тайное захоронение. Однако это не единственные жертвы НКВД. После изгнания немцев уничтожение «врагов советской власти» продолжалось по-прежнему. Теперь они гибли в лагере, созданном на том же самом месте, где в годы войны находился лагерь советских военнопленных. Их расстреливали и за стенами тюрьмы по Советской улице, а трупы, особенно не скрывая, хоронили в безымянных могилах на окраине соседнего православного кладбища.

Одним из арестантов, которого 22 июня 1941 г. втолкнули в вагон на станции в Волковыске, был будущий руководитель Польши генерал Войтех Ярузельский. Когда в 1939 г. началась война, его семья перебралась из центральных районов Польши в Западную Беларусь недалеко местечка Мстибово, где почти два года жила в бывшем имении Чернышевского.

Вспоминает Виктор Козловский (продолжение): «Между тем на станции в Волковыске наблюдался большой переполох среди военных и гражданских. Старый железнодорожник подошел к нашему вагону и спросил, откуда нас везут. Сказал, что все эти дни много поездов с депортированными семьями уже ушло на восток. Утешил нас возможной свободой, так как немцы разбили впереди железнодорожные пути и вокзалы. Поезда дальше не идут. «Не унывайте, люди!» – сказал отходя.

Рельсы, однако, починили, и около восьми часов утра локомотив вытянул нас из дыма. Весь путь был забит разными эшелонами, медленно следующими друг за другом. Эшелоны состояли из разнообразных вагонов, какие только могли найти, чтобы удрать от бомб на

восток.

А нас везли все дальше и дальше, без воды для питья, без доступа свежего воздуха, среди вони от битком набитых людей и от остатков еды, которые издавали различные запахи. Доехали до Зельвы. Перед мостом через реку Зельвянку рельсы делали поворот, и тогда я увидел весь наш эшелон. Он состоял из 40 товарных вагонов с забитыми окнами. Считая в среднем по 80 человек в вагоне, в нем насчитывалось более трех тысяч человек. Возле самого моста на эшелон налетели немецкие самолеты. Следуя друг за другом, начали бросать бомбы. На бомбежку заходили несколько раз, одновременно стреляя из пулеметов. В это время поезд остановился, и вся охрана побежала прятаться в росшую неподалеку рожь. Люди все это наблюдали через щели в вагонах. Когда пули застучали о крышу вагона, все приготовились к смерти. Прижавшись втроем друг к другу, накрыли головы подушкой и ждали попадания бомбы.

Не всем суждено было выжить после такого налета. Много погибло под пулеметным огнем и бомбами, а те, кто пробовали убегать с разбитых вагонов, были застрелены засевшими во ржи охранниками.

(Сам собой напрашивается вопрос: «Так кто из уничтожавших безоружных людей был со звериным обликом, подлее и безжалостнее?». Если немецкие летчики обстреливали и бомбили, не ведая, кто в вагонах, то охранники НКВД заведомо знали, в кого они стреляли. – Н. Б.)

Через пару часов транспорт сформировали снова. Уничтоженные вагоны скинули на обочину, а убитых закопали во рву возле путей. В последующие дни без медицинской помощи умирали раненые, отмечая пройденный эшелоном путь безымянными могилами. За Зельвой немецкие самолеты пролетали высоко над нами, минуя нас. Только ночью начался настоящий ад.

Эшелоны просовывались на восток медленно, один за другим, как бы выходя на какой-то парад. На крышах и буферах нашего поезда полно было советских беженцев. Те, что не могли зацепиться в эшелонах, шли по обе стороны путей с торбами, узлами, чемоданами, часто неся малых детей на руках. Этих советских людей прислали на западную территорию вслед за Красной Армией в 1939 г., и сейчас они удирали от немцев. Все желали, как можно быстрей вернуться обратно до матушки России, натешившись жизнью в Западной Беларуси.

Такое столпотворение поездов было заманчивой целью для немецких самолетов. Днем самолеты-разведчики определяли места скопления. Светлое время бомбардировщики использовали для более срочной работы, а ночью наступала очередь для эшелонов. Звук бомб, крики людей, призывы о помощи слышали несколько ночей. Никто не надеялся выбраться живым из такого пекла. Разбитые вагоны, скинутые с помощью жердей с рельс, лежали вдоль путей колесами вверх и на боку, а с окон и дверей виднелись руки, ноги и головы мертвых, но с уцелевших вагонов формировались новые составы и двигались к станции Столбцы.

На этой, когда-то польской приграничной станции, наш эшелон задержался дольше. В вагоны доставили свежий хлеб и разрешили двум человекам с каждого вагона под охраной сходить к водокачке за водой. Носили ведрами, банками, у кого что было, только чтобы успеть напоить жаждущих людей, которые не видели ее двое суток. За Столбцами немецкие самолеты показывались часто, а советских так мы и не видели» [4].

Война застала их в Белостоке

В 1939 г. Белосток стал одним из крупнейших советских городов, расположенных ближе всего к западной границе. Вспоминает Георгий Владимирович Балейко, в то время студент Белостокского педагогического института, учившийся на факультете немецкого языка: «После бомбежки Белостока, утром 22 июня, студенты собрались в спортзале института.

Девчатам, ранее проходившим санитарную подготовку, раздали санитарные сумки и отправили в город помогать раненым. Ребятам приказали идти в военкомат, где нас должны были мобилизовать в армию. В военкомате продержали до 12 часов дня и отправили назад в институт, сказав, что завтра институт эвакуируют вместе со студентами. В это время над городом показалось пять самолетов с черными крестами и навстречу им бросились два «ястребка» с красными звездами. Над нашими головами развернулся воздушный бой. Наверное, в «ястребках» за штурвалами сидели хорошо обученные летчики, так как с одной атаки сбили сразу два самолета противника. Развернувшись после первой атаки, подбили третий, из которого на парашюте выбросился летчик. Оставшиеся двое немецких самолетов кинулись наутек. Пришли в институт, а там наши девочки сидят измученные. Вся одежда на них в чужой крови. Говорят, мол, людское мясо грузили на машины.

На другой день утром, действительно, как и обещали в военкомате, подали для эвакуации машины, но всего четыре, а нас, студентов с преподавателями и их семьями, – более ста человек, да еще собирались загрузить архивы. В каждую машину людей набилось, что селедок в бочке. Для вещей и архивов места не осталось – пришлось оставить. Только выехали за город, останавливают наши военные. Им, оказывается, машины нужны. Преподавателей с семьями пожалели и пропустили, а нас, студентов, высадили и две машины конфисковали. Разбившись на группы, пошли дальше пешком. Наша группа свернула на железную дорогу, так как шоссе к этому времени представляло собой сплошной людской поток из беженцев и военных. На станции Жедня, что в 18-ти километрах от Белостока, наткнулись на заправляющийся из водопроводной колонки паровоз.

- Балейко! Куда идешь? – окликнул меня знакомый машинист из Волковыска.

- В Волковыск!

- В Волковыске уже немцы хозяйничают! – ошарашил нас машинист неожиданной новостью, хотя, как оказалось потом, это было неправда. Связь не работала, вот и ходили разные слухи. – Идите назад в Белосток!

Повернули назад. Под Белостоком нас задержал заградительный отряд красноармейцев.

- Руки вверх! Кто такие?

- Студенты!

- Куда идете?

- Шли в Волковыск, но там уже немцы.

- И в Белостоке скоро будут! – но пропустили. И у них не было точных сведений о ситуации в Волковыске.

В нашей группе шло пять человек – четыре парня и одна девушка по фамилии Марушко. После войны она работала в ансамбле у известного хорового дирижера Ширмы. Сам Ширма перед войной преподавал в нашем Белостокском педагогическом институте. Не доходя Белостока, дорогу перерезали немцы, установив на ней пропускной пункт.

- Кто такие? – спросил немецкий офицер.

- Студенты!

- Папирэ! Документы! – подали документы, и я ответил ему на немецком языке.

- Откуда так хорошо говоришь по-немецки? – заинтересовался офицер.

- На немецком факультете учился в институте.

- Переведи документы! – и протянул мне зачетную книжку. Перевел.

Отослав куда-то рядом стоящего помощника и убедившись, что поблизости никого из немцев не осталось, офицер сказал:

- Я вам сочувствую! Вас ждет плохая жизнь!

- Почему вы так говорите? Вы немец – оберлейтенант! – показал на его погоны.

- Никакой я не немец! Я чех! Чтобы к вам не цеплялись, напишу справку о том, что вас проверяли.

Так с документом от немецких властей мы вошли в уже занятый немцами Белосток.

Пришли на улицу Варшавскую, 63, где располагался наш институт. Напротив – бывшая еврейская мануфактурная фабрика. Зашли в общежитие, которое оказалось, занято немецкими солдатами. Забрал со своей комнаты оставленные книги. Немцы видели, но не мешали. Зато, обнаружив на соседней фабрике рулоны с материей, принялись за грабеж. Переночевали в пустой фабрике. Во вторник узнали, где дают пропуска, чтобы вернуться домой, но там сообщили, что Волковыск еще немцами не занят. В воскресенье нам, наконец, выписали пропуска. Домой отправились пешком по шоссе. На полпути, в деревне Мостовляны, переночевали. На следующий день возле деревни Зубки увидели следы жестокого боя, на месте которого валялось много разбитой техники. Местные жители рассказали нам, как озверевшие от больших потерь гитлеровцы после боя пошли по хатам, похватали всех мужчин призывного возраста, загнали в гумно и приготовились их расстреливать. К проезжающей по шоссе легковой машине бросилась дочь одного из заложников.По-немецки обратилась к офицеру с просьбой заступиться за неповинных людей. Полковник оказался порядочным офицером и, разобравшись, что к чему, приказал освободить заложников.

Обочины дороги на Волковыск были завалены разбитой техникой, человеческими и конскими трупами. В некоторых местах на шоссе виднелись огромные пятна крови. Не выдержав жуткого зрелища, свернули на проходящее параллельно дороге железнодорожное полотно. В местечке Мстибово, ближе к Волковыску, снова вышли на шоссе. Опять та же страшная картина, но до дома уже рукой подать. Между деревнями Яныши и Козьи Горы, увидели колонну советских военнопленных, которую немцы гнали в Волковыск. Вдруг застрочили автоматы – охрана открыла огонь по рванувшим в лес смельчакам. Так, позади колонны мы вошли в город. Возле моего дома, на углу улиц Мицкевича и Шосовой, стоял подбитый советский танк» [8].

Вспоминает Иосиф Петрович Пивоварчик, житель деревни Ятвезь, очутившийся перед войной в Белостоке: «При первых Советах я пошел работать на железную дорогу в грузовую контору. Перед самой войной нас отослали в командировку в Белосток. Там война и застала. Нас тут же объявили мобилизованными, и я стал солдатом железнодорожного батальона при восстановительном поезде. Приказали, чтобы во время бомбежек нашего поезда более чем на сто метров не отбегали, иначе будем считаться дезертирами. Правда, бомбили мало, больше всего летчики обстреливали поезд из пулеметов.

Недалеко станции Валилы разбомбили путь, и нас кинули туда. Наш поезд был последним, который уезжал на Волковыск вместе с подобранными женщинами и детьми. Подъехали к местечку Мстибово, и тут нас самих разбомбили. Среди гражданских оказалось много убитых и раненых. В запасе имелось много бинтов, и мы начали перевязывать раненых. Наш командир Кириченко говорит:

- Ребята! Некуда дальше ехать! Да и не на чем! Все разбито – и паровоз, и вагоны, и пути! – срывает с себя знаки различия. – Все! Уходите, кто куда хочет! Все свободные!

Дошел по шпалам до деревни Гнезно. Там от одного жителя узнал, что мою родную деревню Ятвезь немцы сожгли. Пришел домой, а деревни, действительно, нет. Рядом хутора стояли, туда временно люди и пристроились. Но всем места не хватило. В том месте, где перед самой войной стояли русские танки, нашел большой кусок брезента, принес в Ятвезь, сделал палатку. По речке Россь лес до войны сплавляли в Неман, и много его скопилось в заторах напротив Ятвези. Люди натаскали бревен и начали отстраиваться » [9].

Вспоминает житель деревни Тимохи Станислав Садовский: «В начале войны с западной стороны перед Волковыском скопилось столько поездов, что стояли вплотную один к одному до самой деревни Тимохи. Возле деревни немцы разбомбили эшелон, и люди с него бежали через Тимохи подальше от ада» [10].

Из-за частого и преднамеренного повреждения железнодорожных путей немецкими самолетами, продвижение поездов на восток резко замедлилось. Ремонтные бригады путейщиков трудились, не покладая рук, но поезда все равно простаивали часами.

Вспоминает житель деревни Тимохи Станислав Садовский: «В начале войны с

западной стороны перед Волковыском скопилось столько поездов, что стояли вплотную один к одному до самой деревни Тимохи. Возле деревни немцы разбомбили эшелон, и люди с него бежали через Тимохи подальше от ада» [10].

Второй день войны

Известие о начале войны местные жители восприняли по-разному. Очень многие с облегчением, надеясь, что при немцах хуже, чем при большевиках, уже быть не может. Тем более, что многие из жителей ожидали депортации, которая не начнись война, продолжилась бы и после 22 июня. Вспоминает жительница деревни Рупейки Волковысского района Леокадия Константиновна Шульга, 1918 г. рождения: «В деревне Митрони, где мы раньше жили, нас предупредил один человек о предстоящей вывозке нашей семьи в ссылку, так как видел в огромных списках подготовленных на вывоз в Сибирь людей и нашу фамилию. Мы начали готовиться в далекую дорогу: насушили сухарей, наделали сыра, заготовили в баночки масла, запаслись соленым салом. Утром в воскресенье услышали, со стороны Волковыска взрывы и поняли, что началась война.

- Дзякуй Богу! Мы остаемся! Война! – сказал отец» [11].

Это как надо было за два года правления советской власти довести народ, чтобы многие жители ждали войны как избавления. Семью Шульги с деревни Митрони все равно выслали в Сибирь после войны. За то, что жили чуть богаче остальных крестьян.

Из дневника Вероники Тресенберг о втором дне войны: «23 июня. Понедельник. Сегодня подвергся бомбардировке Волковыск, вследствие чего возник сильный пожар. Огонь охватил главную часть города и распространялся с огромной скоростью. В этот же день сгорели стога сена возле Бароша. Зрелище страшное. В полдень возле нашего дома упало несколько бомб». (Барош – владелец чугунолитейного завода при Польше. Место, на котором был расположен его завод, жители прозвали горой Бароша.– Н. Б.)

Систематической бомбардировке город начал подвергаться с понедельника. «Краснозвездных соколов» над небом гибнувшего Волковыска все это время никто из жителей не видел. Не было им откуда взяться. Столько много сил и энергии ушло перед войной на создание аэродромов, а в нужный момент, когда город оказался в смертельной опасности, советские летчики пешедралом бросились прочь на восток, оставляя Волковыск в полное распоряжение немецким самолетам.

О том, что бомбардировка центра Волковыска началась в понедельник, на основе показаний свидетелей сообщает в своей книге «Память» и Эйнхорн Мозэс: «В понедельник, 23 июня, в 11 часов дня в небе над центром города появились фашистские самолеты. Вначале они сбрасывали обыкновенные бомбы, а потом зажигательные. Строения вокруг синагоги вспыхнули сразу, а вскоре огонь перекинулся и на другие части еврейских кварталов и Волковыск очутился в море пожаров. Люди удирали кто куда, из одного дома в другой, с одной улицы на другую, но огонь добирался и туда. Одни из жителей прятались в подвалах, где многие были погребены под обломками рухнувших зданий, другие бежали в лес и на кладбище или на открытое пространство в поля и луга.

Ночи стали светлыми от пламени горящих зданий, а дни – темными от клубов дыма, застилающих солнце. В пятницу бомбардировка достигла своего апогея. Бомбы падали на обломки зданий, и казалось, что ничего живого не должно уже остаться. Но из разных мест раздавались призывы о помощи, и люди, помогая друг другу, расчищали завалы и освобождали заживо погребенных. Во вторник, на второй день бомбардировок, рассказывает Касриель Ласовиц, он оказался в глубоком подвале, до отказа набитым людьми. Вдруг снаружи послышался стук в дверь подвала. Среди общего шума, раздававшегося на верху, послышался голос Шейка Левина: «Быстро выходите все! Вы здесь сгорите заживо!». Дом над подвалом был весь объят пламенем, но в низу об этом не знали. Ко многим помощь

не поспевала. Так в одном подвале нашли семьдесят задохнувшихся тел. Многие из жителей были расстреляны летчиками из пулеметов» [12,с.942].

В Волковыске на второй день войны находился и маршал Советского Союза, заместитель наркома обороны СССР Борис Михайлович Шапошников, вместе с маршалом Куликом направленный Сталиным на Западный фронт разобраться и помочь командованию в сложившейся обстановке. Вот что, со слов еще одного маршала Клима Ворошилова, запомнилось Шапошникову в Волковыске: «Как показал характер действий авиации противника утром и в течение всего дня 22 июня, – сказал маршал Шапошников, – немцы, видимо, располагая довольно-таки разветвленной агентурой, неплохо были осведомлены о дислокации наших войск и местах важнейших объектов. Об этом свидетельствуют первые удары бомбардировщиков по крупным штабам, аэродромам и районам расположения стрелковых дивизий и особенно механизированных частей.

В Волковыске, где мне пришлось быть 23 июня, немецкие бомбы точно были сброшены на склады с горючим и боеприпасами. Характерно, что на станции, в первую очередь, был подвергнут бомбежке стоявший в тупике накануне прибывший состав с авиационными бомбами.

…Будучи в Волковыске, он убедился, что командование ряда дивизий было в полном неведении о происходящих событиях и в течение нескольких часов не получали указаний от вышестоящих штабов. Всюду распространялись панические слухи о массовых выбросках противником в наши тылы парашютных десантов, при проверке большинство таких слухов не подтвердилось. Многие части приграничных дивизий в день нападения немцев были на маневрах, без боевых патронов и снарядов. Пока их подвезли, ушла уйма времени.

- Элементу внезапности на войне, – говорил маршал Шапошников, – всегда придавалось большое значение, но то, чему мы являемся свидетелями, труднообъяснимо. Невероятно, чтобы при современных средствах разведки фашистское командование смогло совершенно безнаказанно в мирное время развернуть по плану, в нужной ему группировке, непосредственно у нашей границы огромную армию, больше того, вывести части на позиции для атаки» [13].

Насчет немецких десантов будет сказано дальше. Что касается диверсионных групп, то действовали они с первого дня войны. Об их действии вспоминает житель деревни Прудно Мстибовского сельсовета Юзеф Хустэцкий. Вместе с жителями окрестных деревень он 22 июня пришел на шоссе Белосток-Волковыск, являющимся основной автомобильной артерией в этом районе. Из разбитых машин расторопные местные жители разбирали различные продовольственные и другие, пригодные для хозяйства товары. Хустэцкий сидел во ржи с мешками риса и дожидался темноты, чтобы переправить добро домой. «Однако мой напарник с конем не приехал, – вспоминает Хустэцкий. – В это время он вывозил к себе домой пшеницу с вагонов, брошенных на станции Мстибово. Ждал его до утра. Ночью по ржи лазили люди, скорее всего немцы. То и дело на шоссе возникала перестрелка – это немцы из засад били по советским солдатам. То и дело в небе откуда-то вспыхивала белая ракета, и по ее сигналу немецкие самолеты забрасывали бомбами скопление войск на шоссе. Было хорошо видно, как земля фонтанами взлетала в небо» [14,с.62].

В понедельник в Волковыске был создан командный пункт по управлению обороной города. Расположился он на кладбище. Символически. Не правда ли? Впрочем, уже были разбомблены некоторые административные здания, подходящие для организации штаба по обороне города. Так, прямыми попаданиями бомб немецкие самолеты уничтожили здание райкома партии, расположенное в бывшем магистрате. Сейчас на том месте размещается Беларусьбанк. Уничтожили и здание городского отдела НКВД – бывшее староство. Сейчас на этом месте находится сквер за городским домом культуры. Вот коммунисты и выбрали затишное место на кладбище среди покойников. Им было невдомек загодя, на случай войны, подготовить запасной командный пункт вне города. А зачем? Ведь готовились воевать на чужой территории.

А теперь дадим слово непосредственному участнику тех событий Николаю Васильевичу Табакову, работающему в то время заведующим военным отделом райкома партии. Воспоминания представляют большую ценность своим откровением и доселе неизвестными фактами, тем более, что раньше они нигде не публиковались. К сожалению, в описании событий первых дней войны Табаков хронологически не всегда точен. Оно и понятно – когда писались воспоминания, прошло слишком много времени после войны [15].

Из воспоминаний Николая Табакова: «Воскресенье 22 июня 1941 г. мы, небольшая группа работников райкома и райисполкома, намеревались провести с семьями в лесу, на отдыхе. Ранним утром, примерно в четвертом часу, я был разбужен сильными взрывами и тут же, выйдя на улицу, увидел выбегавших из домов людей – знакомых и некоторых товарищей по работе. Все спрашивали друг у друга, что случилось, но толком никто ничего не знал. Появившиеся люди из Волковыск Центрального рассказали, что какие-то неизвестные самолеты бомбили центральную станцию и нефтебазу. Послышались сильные глухие взрывы со стороны местечка Россь. Бомбили еще не законченный строительством, но уже действовавший аэродром. Сомнений не оставалось – война...

Через короткое время начали бомбить город (на следующий день. – Н. Б.). Одна из бомб упала через дорогу от здания райкома, разрушив деревянный дом и убив находившуюся там женщину. Начали рваться бомбы и в других местах. Первое, с чего я начал, это занялся эвакуацией из города семей работников райкома».

Обратите внимание: Табаков приступил не к организации обороны города, не к спасению его жителей от бомбежки, не к мобилизации призывников, чем Табаков должен был заняться с первых минут войны. Главной заботой его стало отправка в тыл семей партийного начальства и их барахла. А ведь еще никто заранее не знал, что немцы стремительно наступают и через неделю захватят Волковыск. Таким образом, само же партийное руководство своим поведением с первых часов войны создавало панику, и как следствие этого, хаос и неразбериху. Выходит, те, кто больше всего перед войной трубил о могуществе Красной Армии, а именно большевики, в это могущество и не верили. Яркий тому пример отрывок из мемуаров Болдина, бывшего на начало войны первым заместителем командующего Западным округом, и который в полдень 22 июня прилетел из Минска на военный аэродром в 35 км восточнее Белостока: «…на счету каждая минута. Нужно спешить в 10-ю армию. Легковой машины на аэродроме нет. Беру полуторку, сажусь в кабину и даю указание шоферу ехать в Белосток…

…наша полуторка мчится по оживленной автостраде. Но это необычное оживление. То, что мы видим на ней, больше походит на сутолоку совершенно растерянных людей, не знающих, куда и зачем они идут или едут…

…показалось несколько легковых машин. Впереди „ЗИС-101”. Из его открытых окон торчат широкие листья фикуса. Оказалось, что это машина какого-то областного начальника. В ней две женщины и двое ребят.

- Неужели в такое время вам нечего больше возить, кроме цветов? Лучше бы взяли стариков или детей, – обращаюсь к женщинам. Опустив головы, они молчат. Шофер отвернулся, – видно, и ему стало совестно. Наши машины разъехались…» [16].

Представительский ЗИС-101 в то время в Белостоке мог оказаться только в распоряжении первого секретаря обкома партии В. Г. Кудряева, начальника Управления НКВД К. А. Фукина, или начальника областного управления НКГБ С. С. Бельченко. Даже сам Болдин не рискнул конфисковать их машину для своих военных нужд, оставшись в грузовой полуторке.

Из воспоминаний Николая Табакова (продолжение): «Из районов западнее Волковыска начали появляться уходившие на восток люди, в основном работникисоветских учреждений. Надо было торопиться. Первой попалась мне большая грузовая машина с местным шофером Агейчиком. Он попробовал было упираться – не хотел в такой обстановке выезжать из дому, но я ему пригрозил не на шутку расстрелом. Машина была быстро загружена женщинами и детьми. Старшим назначил депутата ВС СССР П. А. Севко,

предупредив его находиться в кабине с шофером и не спускать с него глаз, чтобы не сбежал. С этой машиной уехали оба секретаря райкома: Тузов и Смирнов. Удалось собрать еще несколько ведомственных автомашин и почти все, кому следовало, были отправлены на восток. Уехала и моя жена с детьми, прихватив небольшой узелок с продуктами и необходимые в дороге вещи. Никому и в голову не приходило, что это надолго. Рассчитывали через два-три дня вернуться».

Василий Ефимович Тузов был назначен первым секретарем Волковысского райкома партии за два месяца до начала войны – в апреле 1941 г. По существу ему, как и большинству прибывших сюда с востока руководителей, на чужой город было наплевать. А куда же так сильно спешил местный «народный избранник» депутат Севко, убегая от «избравшего» его народа. Ведь по официальным данным за него проголосовало почти сто процентов населения! К этому времени Павел Севко получил должность директора мельничного комбината и стал единственным коммунистом, принятым в партию из местных жителей.

Табакову и через много лет после войны, когда писал свои мемуары, не могло прийти в голову, почему шофер упирался и не хотел уезжать из города. Неужели трудно понять, что у шофера в городе оставалась своя семья, на которую Табакову, видимо, было глубоко наплевать?! Ведь от войны Табаков и еже с ним спасали только тех «кого следовало». Что касается бегства секретарей райкома Тузова, Смирнова, и «народного» депутата Севко, то здесь и так все ясно. Спасали свою шкуру.

На использование транспорта не по назначению вынуждены были обратить внимание даже в штабе фронта. Из дерективы военного совета Западного фронта от 23 июня в войска: «Опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников.Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу. Приказываю:

1. Каждый начальник обязан заниматься обеспечением предстоящего боя огнеприпасами. Заставить снабженцев ежечасно заниматься организацией боевого обеспечения боя. Ответственность возлагаю на старшего начальника.
2. Прекратить эвакуацию семей на машинах.
3. Все должны исполнять обязанности по занимаемой должности.
4. Организовать эвакуацию раненых с поля боя. Ни один раненый командир и боец не должны остаться у врага.
5. Похороны убитых проводить организованно. Чтить память погибших за правое дело, за Родину.
6. Бойцам и командирам в свободное время организовать поочередно отдых.
7. При отходе скот угонять, продовольствия врагу не оставлять.
8. Организовать питание горячей пищей через местное население.

Получение подтвердить. Павлов, Фоминых [17,с.38].

Вспоминает Николай Табаков (продолжение): «Оставаться в городе под непрерывной бомбежкой не было смысла, и я с бывшими при мне пятью товарищами перешел на православное кладбище, под росшую на краю развесистую березу. Сюда же по моему распоряжению был проведен телефон. Связь еще существовала, и получилось нечто импровизированного командного пункта. В тотже день два раза со мной связывался первый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Пономаренко. Просил меня связаться с Белостоком, выяснить обстановку. Мои попытки связаться по телефону и селектору оказались безуспешны – связь уже была прервана.

С районным военкомом, по фамилии Усан, мы пытались провести мобилизацию военнообязанных. С этой целью отправили по сельским советам районных работников, но

было уже поздно».

Связь была нарушена в результате успешных действий немецких диверсантов. Были спилены телефонные столбы и порезаны провода. О том, что связь с Волковыском перестала действовать, 24 июня доносил в штаб фронта командующий 3-й армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов: «...линии на Волковыск, Лиду капитально разрушены, и восстановить их своими средствами не могу. Имею для связи со штабом фронта только одну радиостанцию. Ориентировки фронта не имею в течение двух суток».

Почему провести мобилизацию было уже поздно на второй день войны – не совсем понятно. Скорее всего, те, кому это полагалось делать, также драпанули на восток. Впрочем, мобилизация не могла состояться и по той причине, что сражаться за Советскую власть из числа местного населения желающих практически не нашлось.

Вспоминает Николай Табаков (продолжение): «23 июня ко мне на кладбище прибыли руководящие работники из Белостока: первый секретарь обкома Кудряев, секретари Попов, Эльман, завотделом Доровко, председатель облисполкома Игаев и другие. По словам Кудряева, они намеревались остаться в Волковыске и отсюда руководить областью. Я посоветовал им выехать в Слоним за реку Щара и, если обстоятельства позволят, остановиться там и связаться со мной по телефону. С этим предложением они согласились. Здесь же было проведено чрезвычайное заседание бюро обкома КП(б)Б, на котором было принято решение: «Товарищу Табакову, как бывшему военному, из оставшихся коммунистов и других работников района, а также из проходящих через Волковыск работников соседних районов организовать и возглавить сводный отряд. Город не оставлять до соприкосновения с противником».

Кроме того, по словам Кудряева, в мое распоряжение должен прибыть батальон красноармейцев из числа стройбатовцев из аэродрома в Росси, где авиасоединением командовал хорошо мне знакомый полковник Владимир Ушаков. Моим заместителем был оставлен завотделом обкома Доровко. По окончании чрезвычайного бюро работники обкома уехали в Слоним. В тот же день под вечер уехал и Доровко с проезжающим через Волковыск командующим погранвойсками БССР комбригом Курлыкиным, моим бывшим сослуживцем по 17-му погранотряду. «Жизнь дается один раз!» – сказал мне на прощанье Доровко.

Проходившие через Волковыск люди из соседних районов, не задерживаясь, спешно уходили на восток, и задержать их не смогла бы никакая сила. Спасались, кто как мог. Красноармейцы стройбата, оставленные командным составом, разбежались без оружия, группами и в одиночку. Каждый спешил на восток как мог».

Хотел того или нет, но Николай Табаков показал в своих воспоминаниях всю ничтожность большевистского партийного руководства. В судьбоносный для родины час они думали не об ее спасении. Они не показали местным жителям на собственном примере бесстрашие и презрение к врагу. Они не взяли в руки винтовки и не пошли организовывать оборону города. Они также не думали остаться у немцев в тылу и организовать партизанские отряды. Они думали только о спасении собственной шкуры. Потому что знали – население Волковыска и района их не поддержит. Слишком много зла натворили они за два года своего правления. Это была чуждая им земля. Прибыли они сюда на штыках Красной Армии в 1939 г. и когда прижало, побежали впереди ее назад даже не исполнив приказа покинуть Волковыск только при соприкосновении с противником. Проливать свою кровь за чужую для них землю не собирались и слово «патриотизм» для них был пустым звуком. Так было по всей Западной Беларуси. И это можно понять, но не простить.

Вспоминает Николай Табаков (продолжение): «Я остался предоставленным самому себе. Об организации отряда, как предполагалось на чрезвычайном заседании, не могло быть и речи. После полудня мне стало известно, что в конце города, на въезде со стороны Берестовицы, на скрещивании железнодорожных мостов, образовалась пробка из отходивших воинских частей и гражданского населения. Я поспешил туда. Пробка сверх всяких ожиданий оказалась довольно серьезной. В этом месте скрещивались две магистрали: одна – в обход

города – на Зельву, а другая – через город – в том же направлении. Машины, телеги, лошади – все сбилось в необозримую кучу, а сзади напирали кавалеристы из разбитого на Белостокском направлении эскадрона 36-ой кавалерийской дивизии, попавшей под налет немецких самолетов. Непрерывным потоком еще подходили машины и обозы. Стоял вавилонский гвалт, и никто никого не слушал.

В это время со стороны города подъехала автомашина, из которой вышел генерал и несколько сопровождавших его командиров. Присутствие генерала и его волевые распоряжения сравнительно за короткое время рассосали пробку. Большое счастье, что в эту пору не появились немецкие самолеты. Это был генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев. Он с группой командиров отходил из Гродно и оказался в Замковом лесу, недалеко Волковыска. Накануне войны прибыл для инспектирования оборонных работ, проводившихся на новой западной границе. Дальнейшая роковая судьба Карбышева стала известна уже после войны».

Надо представить себе, что это за место, где образовалась пробка. Оно осталось таким без изменения и по сей день. Шоссе подходит к Волковыску с высокими крутыми откосами. Ни лошадь, ни тем более машина не смогут съехать с него в сторону ни на метр. Перед въездом в город шоссе раздваивается, но каждая из двух дорог идет дальше под узкими железнодорожными мостами, с обеих сторон выложенными огромными тесаными камнями. Сама насыпь перед мостами – высокая и непреодолимая для людей и техники преграда. Вот в такой западне и произошел затор. Ни объехать, ни пройти, ни повернуть назад. Если бы в этот момент налетела авиация, хватило бы нескольких бомб, чтобы уничтожить тысячи людей.

Генерал Карбышев после 10 июля 1941 г. был взят в плен где-то возле города Быхова. Погиб в концлагере Маутхаузен в феврале 1945 г. мученической смертью.

Вспоминает Николай Табаков (продолжение): «Волей судьбы из партийных и советских работников района и города я остался в городе один. Волковыск опустел и представлял собою страшную картину разрушений. Кругом дымились развалины, остатки того, что еще совсем недавно было человеческим жильем и городом. Пора было уходить самому. На кладбище, кроме покойников, никого уже не оставалось, и я отправился в сторону магистрали Волковыск-Зельва. В городе ко мне присоединилась неизвестно как отставшая директор маслозавода Надежда Антоновна Бортник».

Источники и литература:

1. Pawlowska Teresa. Moje powojenne lagry. Gdańsk. 1992.
2. Gawrychowski Stanislaw. Na placówce AK . Warszawa. 1997.
3. Popiński Krzysztof i in. Drogi śmierci. Karta. Warszawa. 1995.
4. Kozlowski Wiktor. Najdluższa droga. Białystok. 1998.
5. Интернет-сайт www.poisk.slonim.org.
6. Siedlecki J. Losy Polakow w ZSSR. Bydgoszcz. 1990.
7. Ухналевич Владислав Камельянович. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
8. Балейко Георгий Владимирович. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
9. Пивоварчик Иосиф Петрович. Воспоминания, записанные автором. 2003. Архив автора.
10. Садовский Станислав Константинович. Воспоминания, записанные автором. 2004. Архив автора.
11. Шульга Леокадия Константинов. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
12. Moses Einhorn. Wolkovisker yizkor-book. New York. 1949.
13. Четыре дня на Западном фронте. Интернет-сайт www.znanie-sila.ru
14. Chustecki Józef. Bylem sołtysem w latach okupacji. Warszawa. 1960.
15. Табаков Николай Васильевич. О людях и о себе. Воспоминания. 1987. Оригинал в архиве автора.
16. Болдин И.В. Страницы жизни. Москва. 1961.
17. Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск 35. Москва 1958 г.

Продолжение следует

Агляд літаратурных крыніц па гісторыі Ваўкавышчыны

Кніга Валыняка “З мінулага Ваўкавыскага павета”[1]

Польскі гісторык Валыняк па сапраўднаму насіў прозвішча Гіжыцкі Ян Марэк Антоні (1844-1925). Займаўся гістарычнымі даследаваннямі, карыстаючыся ў асноўным архівамі былых кляштараў Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. Пісаў пра даўнейшая школьніцтва, даследаваў гісторыю манаскіх ордэнаў. Напісаў даследаванне “З мінулага Ваўкавыскага павета” 18-19 ст. ст. Невялічкая па аб’ему кніга складаецца з наступных пяці раздзелаў:

1. *Уступнае слова.* Падаецца агульная гісторыя павета і прыводзіцца спіс і характэрыстыка 11-ці маенткаў за 1886 г., якія падлягалі канфіскацыі і абавясковай продажы за ўдзел у паўстанні 1863 г. іх гаспадароў.

2. *Езуіты ў Ваўкавыску.* Як вынікае з дакументаў, у Ваўкавыску плац езуітам фундаваў нейкі Аскерка яшчэ ў 1598 г. Прыводзіцца спіс атцоў езуітаў па 1773 г. і іх справы. Спачатку яны займаліся місіянерскімі справамі: хрысцілі мясцовы люд, слухалі споведзі, дапамагалі мясцоваму духавенству, пры касцеле якога яны і жылі. У 1755 г. у Ваўкавыску езуіты пабудавалі першы свой касцел, якому даецца апісанне. Апроч усяго, заняліся навучэннем мясцовых дзяцей у сваей школе. На той момант іншых школ у Ваўкавыскім павеце ўвогуле не існавала. Пад школу езуіты-піяры набылі фальварак пад назвай Дунікоўка. Далей расказваецца аб набытых езуітамі пляцах, як у самом Ваўкавыску, так і ў павеце. Прыводзяцца 12 архіўных дакументаў 18 ст. аб набыцці гэтых пляцаў.

3. *Нешта аб школах і школках у Ваўкавыскім павеце з даўніх часоў.* З гэтага раздзела даведваемся, што першая школа, аб якой захаваліся архіўныя звесткі, існавала ў Ваўкавыскім павеце ў 1666-1668 г.г., і якая знаходзілася ў Свіслачы пры касцеле. Падаецца апісанне дзейнасці адукацыйнай камісіі, пры якой першая школа ў Ваўкавыску ўзгадваецца пад 1782 г., і ў якой навучаліся 42 вучня ў узросце ад 9 да 16 год. Падаюцца і прозвішча першых настаўнікаў гэтай школы: Якуб Калнецкі, Мацей Гайнацкі, Юзаф Ігнатовіч. Падаюцца рапарты аб школьных справах за розныя гады: з 1783 па 1796 г.г. Асобна расказваецца аб місіянерскай езуітскай школе ў Лыскаве, адчыненай у 1751 г.

4. *Успаміны аб кляштарах у Ваўкавыскім павеце.* У чацвертым раздзеле расказваецца аб кляштары канонікаў рэгулярных у Крамяніцы (з 1617 г.), кляштары францісканцаў у Лапеніцы (з 1635 г.), кляштары дамініканцаў у Канюхах (з 1735 г.), кляштары місіянераў у Лыскаве (з 1527 г.), кляштары базыльянаў у Лыскаве (з 1628 г.).

5. *Рэшткі ўніі ў Ваўкавыскім павеце ў 19 ст.* У апошнім, пятым раздзеле пералічваецца 31 ўніяцкая святыня Ваўкавыскага павета ў 1808 г. і іншыя звесткі.

Вышэй узгаданая праца Валыняка з’яўляецца каштоўнай крыніцай па гісторыі Ваўкавышчыны, таму рэдакцыя часопіса “Ваўкавышчына” у будучым плане надрукаваць або ўсю працу цалкам, або ўрыўкі з яе.

Мікалай Быхаўцаў

1.Wołyniak. Z pzeszłosci powiatu Wołkowyskiego. Kraków. 1905 r. 125 s.

Краязнаўчыя навіны

Узвядзенне крыжа ў Ваўкавыску

14 ліпеня 2007 г. Фота на памяць ля ўзведзенага крыжа

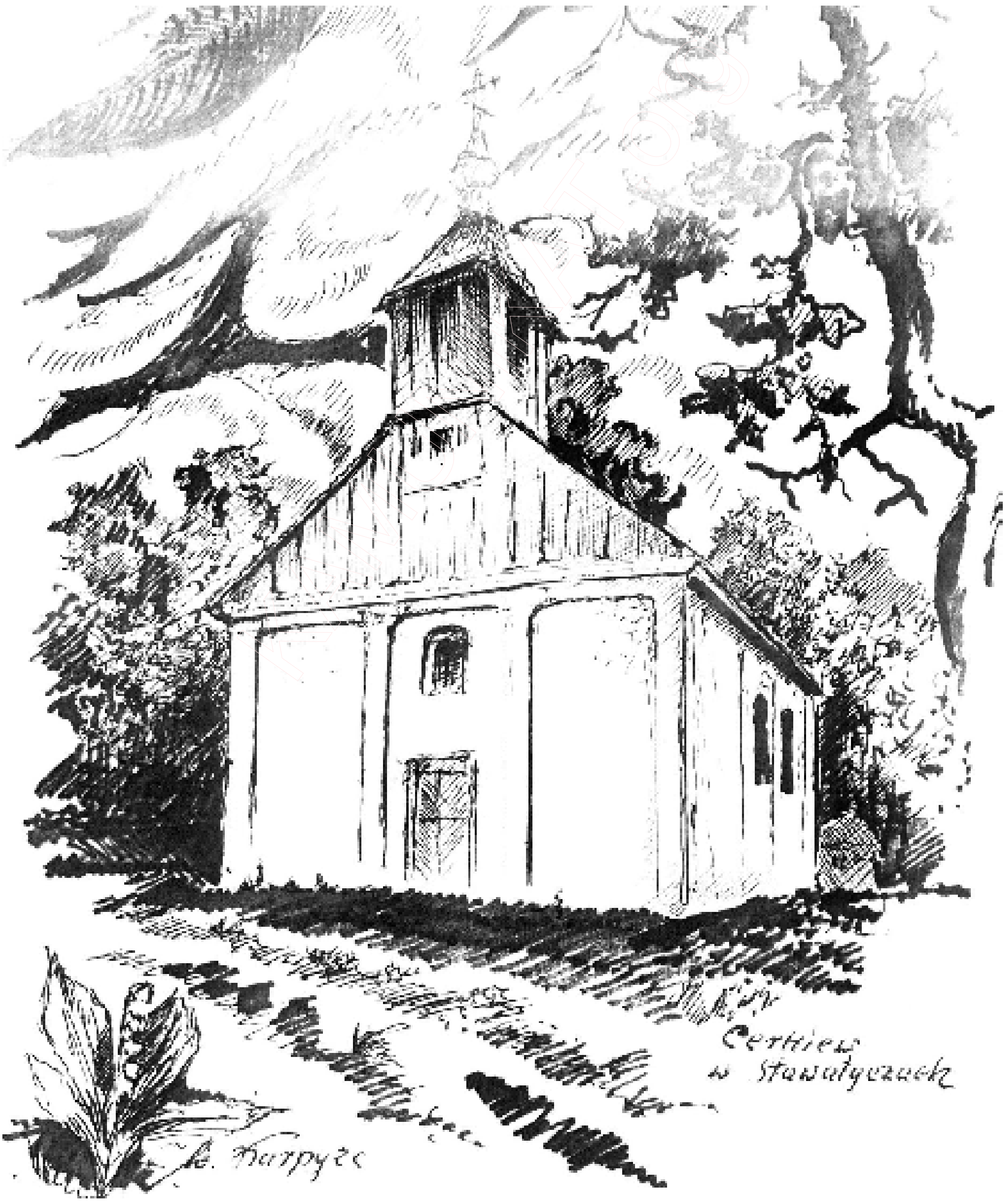
14 ліпеня 2007 г., на ўсходнім канцы Ваўкавыска, а менавіта з боку чыгуначнага пераезда, што ля ўрочышча Парахаўні, быў узведзены крыж. Крыж пастаўлены на тым месцы, дзе калісці стаяла ўніяцкая царква. Месца знаходжання царквы, згодна мапы Ваўкавыска за 1810 г. і аглядам мясцовасці, выявіў ваўкавыскі краязнаўца Віктар Вайтчук. Ен жа на свае ўласныя сродкі і зрабіў крыж. Рыхтуецца і памятная шыльда, якая ў хуткім часе будзе ўладкавана на крыжы.

Як вынікае з гістарычных крыніц, у 1808 г. у Ваўкавыскім павеце дзейнічала 31 уніяцкая царква і па колькасці іх было больш, чым у іншых паветах Беларусі. Але пасля паўстання 1831 г. царская ўлада гвалтоўна пачала знішчаць уніяцкую царкву, бо яна была незалежная ад царкоўных улад Расіі, а значыць і ад царскай улады. Нават пастараліся знішчыць людскую памяць аб яе існаванні, бо калі ў 1885 г. праз Ваўкавыск пралегла чыгунка Баранавічы-Беласток, то прайшла яна менавіта па мурах былой царквы.

На ўрачыстасці з нагоды ўзвядзення крыжа прысутнічалі госці з іншых гарадоў. Крыж асвяціў святар з Гродна. На крыжу ўладкавалі гістарычны сімвал Беларусі: бела-чырвона-белыя стужкі. Але ўжо праз два дні, у панядзелак, гэтых стужкаў не стала. Можна толькі здагадвацца, каму замінае гістарычны сімвал нашай Беларусі.

Будзем спадзявацца, што шанаванне гістарычных месц на Ваўкавышчыне будзе працягвацца. Тым болей, што такіх месц яшчэ хапае.

Мікалай Быхаўцаў

У наступным нумары:

1. Аляксей Шаланда. Сапраўдны гербоўнік шляхты Ваўкавыскага павета ВКЛ у 16-18 ст.
2. Вітальд Карпыза, Генадзь Семянчук. «Патоп» у Ваўкавыскім павеце
3. Договор аренды имения Михайловка в 1911 году
4. Вітальд Карпыза. Мачуліна
5. Вітальд Карпыза. Дзіцячыя гады на роднай зямлі
6. Николай Быховцев. Волковыск межвоенный: транспорт, коммуникации, связь
7. Николай Быховцев. Семь суток войны